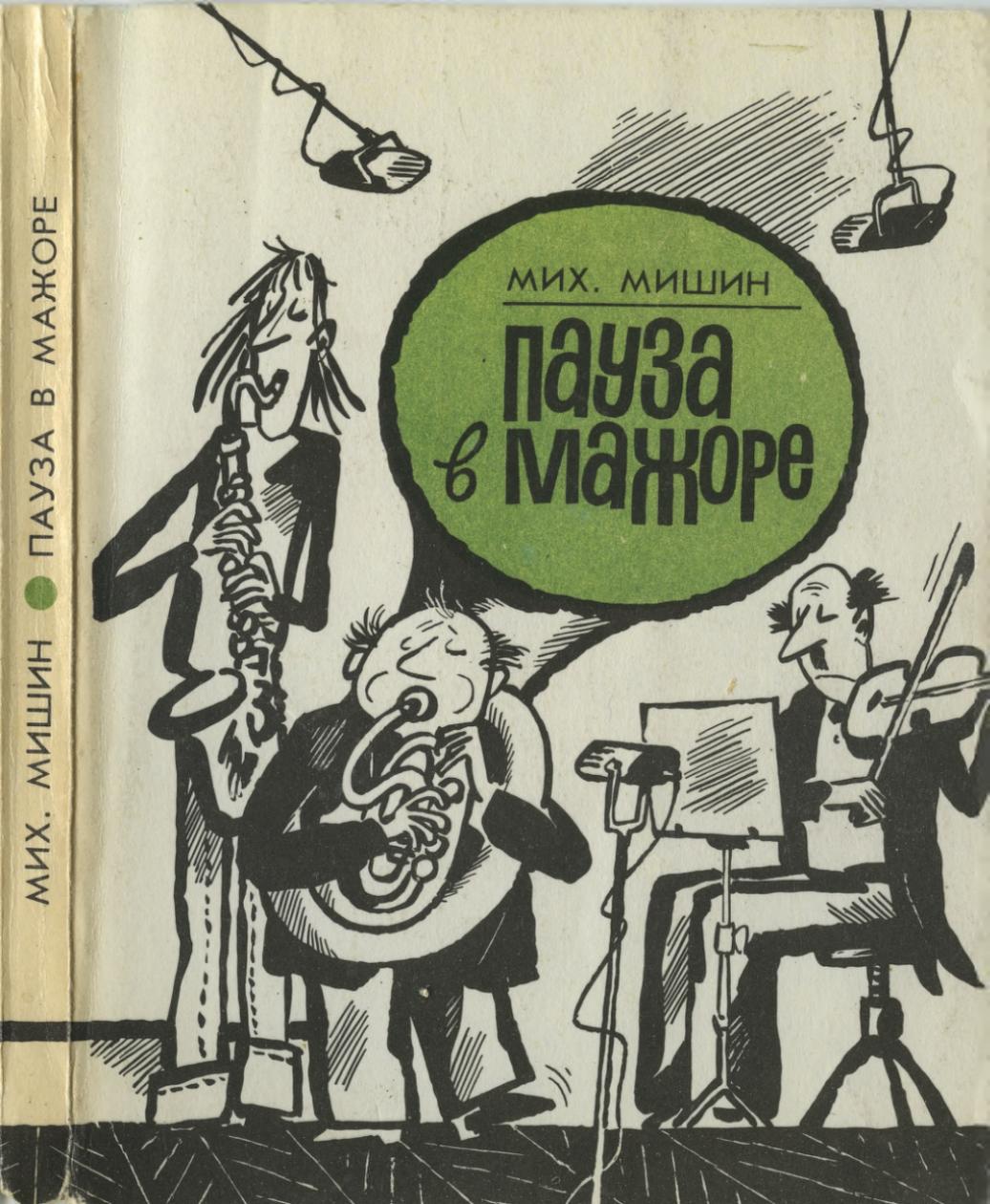

МИХ. МИШИН ● ПАУЗА В МАЖОРЕ

МИХ. МИШИН
**пауза
в мажоре**

Наша жизнь — словно музыка огромного оркестра.
Чем лучше играет каждый, тем богаче и слаженней звук.
И если фальшивит один, это портит всю музыку.
Соберем всех фальшивящих вместе.
Пусть играют отдельно.

A handwritten signature in black ink, written in a cursive style. The signature is slanted downwards from left to right. It appears to be the name 'Александр Миллер' (Alexander Miller).

МИХ. МИШИН

пауза
в мажоре

ЛЕНИЗДАТ • 1981

84.3(2)7

М71

Художник В. И. Боковня

М 76302 4702010200—293 без объявл.
Л171(03)—81

© Лениздат, 1981

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Колыбанову на работе предложили билет на вечер писателя-сатирика.

— Я бы сам пошел,— сказал ему Тимофеев,— да теща приезжает, надо встречать, черт бы ее драл. Пойдешь?

— Пойти посмеяться, что ли? — сказал Колыбанов, взял билет и отдал Тимофееву один рубль семьдесят копеек.

Билеты спрашивали еще на автобусной остановке.

Колыбанов разделся в гардеробе, подумал, брать бинокль или не брать, и решил взять. Он прошел в зал, отыскал свое место и сел. Справа от Колыбанова сидели две молоденькие девушки, слева — мужчина в очках. Колыбанов поглядел на сцену через бинокль,

покрутил колесико, потом перевернул бинокль и посмотрел с другой стороны. Сцена сразу улетела вдаль, и все стало жутко маленьким. Колыбанов повеселел и стал ждать писателя.

Наконец в зале погасили свет, занавес открылся. Колыбанов увидел, что на сцене ничего нет, только один стул — и все. На сцену вышла женщина в длинном платье. Она подошла к микрофону и сказала: «Здравствуйте, дорогие друзья!» Потом она сказала, что чувство юмора — это все равно как деньги: если есть, так есть, а если нет, так нет.

Девочки справа прыснули. Мужик слева улыбнулся.

«Плохо, когда нету денег», — подумал Колыбанов.

Женщина поговорила еще пару минут, потом протянула руку к кулисе и громко произнесла:

— Писатель Аркадий Иваницкий!

Раздались дружные аплодисменты. Колыбанов тоже захлопал. Из-за кулисы быстрым шагом вышел невысокий человек с кипой листочков в руках. Женщина поулыбалась и ушла. Колыбанов стал глядеть на писателя в бинокль.

Писатель положил листочки на стул, оставил один в руке, подошел к микрофону и стал быстро читать, энергично взмахивая рукой. С первых же слов в зале стали смеяться. Девочки справа тонко заливались, мужик слева тоже пару раз хохотнул. Закончил Иваницкий неожиданно, опустил руку с листком. Грянули аплодисменты. Колыбанов, видимо, что-то пропустил или не расслышал по ходу дела, потому что долго регулировал бинокль, но стал хлопать вместе со всеми.

А писатель уже держал перед собой новый листок. Все повторилось. Девочки заливались, мужик слева смеялся. Колыбанов на этот раз бинокль убрал в карман, но все равно чего-то не уловил. Это ему не понравилось.

Следующую вещь Иваницкий читал уже под непрерывный хохот и стон всего зала. Девочки чуть не падали с кресла, а мужик сломался пополам и хохотал в пол. Писатель читал с удовольствием, быстро поглядывая в зал. Видно, ему самому нравилось. Когда он закончил, в зале вспыхнула настоящая овация. Девочки хлопали с такой силой, что ближайшая даже задела Колыбанова.

— Аккуратней надо, — одернул ее Колыбанов. — Не в трамвае...

До конца первого отделения он сидел, наливаясь желчью.

Во втором отделении он уже на сцену не глядел вовсе, а косился на соседей.

«Ну народ! Палец им покажи! Тоже, комик называется, — бумажкой махать. И за что деньги берут?..»

Второе отделение было короче первого. Колыбанов специально засекал время. «Вот жук!» — подумал Колыбанов про писателя.

— Все! — крикнул в микрофон писатель, закончив читать последнюю вещь, и ушел за кулисы.

Но зал продолжал хлопать. Писатель снова вышел на сцену и подошел к микрофону. В зале довольно загудели.

«Ну народ!» — подумал Колыбанов.

Иваницкий почитал «на бис», подошел к краю сцены, поклонился, сказал несколько раз «спасибо». Потом стал пятиться назад, улыбаясь и кланяясь.

Вдруг — то ли зацепился за шнур микрофона, то ли просто споткнулся — он потерял равновесие и, взмахнув руками, упал, опрокинув стоявший на сцене стул.

Зал ахнул.

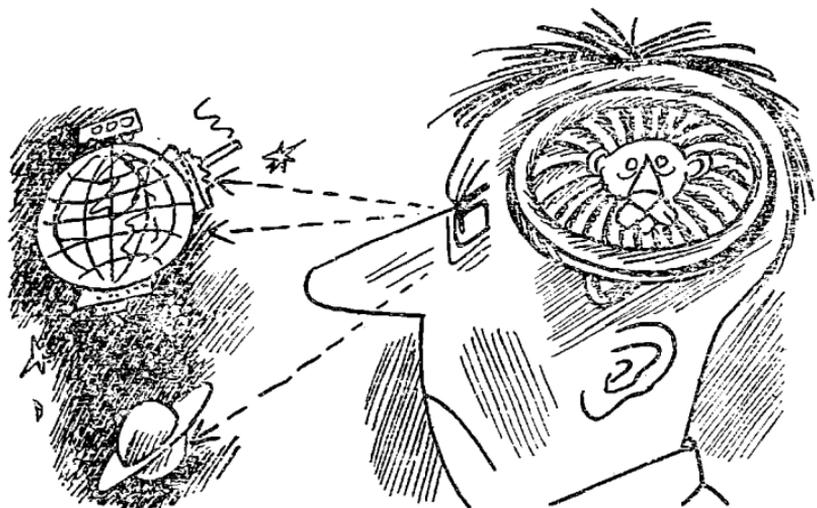
Но Иваницкий быстро поднялся, отряхнулся, покачал головой и, прихрамывая, ушел за кулису.

В зале облегченно вздохнули. Люди, переговариваясь, начали покидать зал. Колыбанов зажал в руке бинокль и стал протискиваться вперед. Пальто ему дали без очереди. По пути домой Колыбанов улыбался.

Назавтра, когда он пришел на работу, Тимофеев спросил:

— Ну как? Здорово, да?

Колыбанов вспомнил снова, как писатель шмякнулся и свалил стул, и все листочки разлетелись, и ему опять стало смешно, и, к зависти Тимофеева, он засмеялся.

ЗОЛОТАЯ ПУГОВИЦА

Придя на работу, Спиркин снял в гардеробе пальто и подошел к зеркалу. В зеркале возникло поясное изображение Спиркина: рубашка, галстук, пиджак. На пиджаке благородно блестели золотые пуговицы. Вокруг хитроумного рельефного герба со львом в центре шла надпись по-латыни, смысла которой не знал никто, и, возможно, в этом был ее смысл. В зеркале отразились две пуговицы. Третьей не хватало. Спиркин провел ладонью по пиджаку, глянул на пол, поискал в карманах, потом снова посмотрел в зеркало и нахмурился.

— Куда же она девалась? — произнес он вслух. С нахмуренным лицом Спиркин стал подниматься по лестнице.

— Здравствуйте, Дмитрий Дмитриевич, — много-

значительно посмотрев на часы, сказал начальник, когда Спиркин вошел в отдел.

— Подождите,— сказал Спиркин.

Он сидел за столом и думал.

— Дима,— подошел к столу Спиркина инженер Орехов,— у тебя акты о внедрении новой техники?

Спиркин поднял голову и посмотрел на Орехова долгим взглядом.

— Мне для отчета,— сказал Орехов неуверенно.— Ну извини, старик... Я потом...

И Орехов отошел, оглядываясь.

Час Спиркин сидел неподвижно.

По отделу пополз слух, что у Спиркина в семье неприятности, скорее всего, даже несчастье. Инженеры Хохлова и Воскобойникова рассказывали друг другу о болезнях, от которых теперь все умирают. Профорг Щеглова стала писать список сотрудников для сбора средств в пользу Спиркина.

Еще через полчаса Спиркин шевельнулся. Он достал из ящика стола бланк увольнительной и, заполнив его, подошел к начальнику.

— Да-да,— торопливо сказал начальник, ставя свою подпись.— Я понимаю, как вам сейчас тяжело. Что делать, все там будем...

Спиркин шел по направлению к дому, глядя под ноги. Один раз он с заколотившимся сердцем бросился к блеснувшему золотому предмету, но предмет оказался пробкой от бутылки.

Войдя домой, Спиркин начал обыск. Из шкафа полетели верхняя одежда и белье. Перетряхнув постель, Спиркин заглянул в шкатулку жены и в ее хозяйственную сумку. Пуговицы не было.

Спиркин подошел к окну. Между домом Спиркина и автобусной остановкой ударными темпами шло жилищное строительство. Рычали бульдозеры, сверкала электросварка, валялись трубы.

— Строительство, — пробормотал Спиркин.

Он спустился по лестнице и пошел к стройке. Поскаив глазами, Спиркин увидел экскаватор. Кабина была пуста, ковш лежал на земле, но двигатель работал.

Спиркин никогда прежде не управлял экскаватором, но надо было проверить — может, пуговица упала, когда Спиркин шел к автобусу, а потом ее затоптали.

Спиркин заканчивал проверку на шестиметровой глубине, когда в кабину вскочил человек в стеганых штанах и выпихнул Спиркина из экскаватора.

— Ты что наделал? — закричал человек, добавляя после каждого слова два других. — Мне этот котлован по плану месяц копать надо! А теперь из-за тебя норму поднимут! — И человек произнес яркую речь, в которой нефольклорным было только слово «зараза».

Спиркин вернулся домой, сел на стул и стал думать.

— Конечно! — сказал он, подумав. — Автобус!

В автобусном парке Спиркин вошел к директору.

— Я потерял пуговицу, — сказал он. — В вашем автобусе. Вчера или сегодня.

Директор открыл рот, чтобы сказать то, что ему хотелось, но, поглядев на Спиркина внимательно, сказал:

— Где ж я вам ее возьму? В каком автобусе?

— Третьего маршрута, — сказал Спиркин. — Золотая пуговица. Со львом.

— Со львом, — тихо повторил директор. — Так сейчас автобусы на линии. Двадцать шесть машин!

— Я подожду, — сказал Спиркин.

— Да, может, пуговицу-то вашу подобрал кто-нибудь, — осторожно сказал директор.

— Этот вариант я рассмотрю позже, — сказал Спиркин.

— Ага,— сказал директор.— Понимаю. Ну, идите на кольцо и ищите себе на здоровье. Скажите, я разрешил.

К ночи Спиркин проверил двадцать четыре машины. Пуговицы не было. В восемь утра Спиркин вошел к директору автобусного парка. Увидев Спиркина, тот побледнел.

— Где еще две? — спросил Спиркин.

— Сейчас,— торопливо сказал директор.— Только вы не волнуйтесь. Одну машину у нас забрали для «Интуриста». Расширяются связи с другими странами...

— А вторая? — строго спросил Спиркин.

— Вторая в аварию попала,— вздохнул директор.— Водитель в больнице, машину на авторемонтный повезли.

В больнице Спиркину сказали, что шофер очень плох и свидания с ним не разрешаются.

— У меня особый случай,— сказал Спиркин.

— Так у него уже были из милиции,— сказали Спиркину.— Или вы из...

— Я из,— сказал Спиркин.

— Только постарайтесь его не утомлять,— предупредили Спиркина.— Для него сейчас покой — это жизнь.

— Ясное дело,— сказал Спиркин.

Шофер лежал, забинтованный с ног до головы. Ему было нехорошо.

— Я насчет пуговицы,— сказал Спиркин.— Я в вашем автобусе ехал и пуговицу потерял. От пиджака. Может, конечно, и в другом автобусе, который в «Интурист» забрали, но вам лучше вспомнить.

— Не понимаю я,— сказал с трудом шофер.— Чего вам от меня надо?

— Что тут понимать? — удивился Спиркин. — Золотая такая пуговица. С буквами и со львом. Не видели? Вы думайте, думайте, я не тороплю.

— Плохо мне, — сказал шофер.

— Очень плохо, — подтвердил Спиркин. — Потому что нельзя так небрежно относиться к своим обязанностям.

— Мама, — сказал шофер, теряя сознание.

Из больницы Спиркин поехал в «Интурист».

Там удалось выяснить, что в его автобусе каких-то французских ученых повезли на космодром, где им покажут запуск ракеты.

— Как туда попасть? — спросил Спиркин.

— По коридору прямо и направо, — ответили ему. — Там у нас медпункт.

— Над собой смеетесь, — заметил Спиркин.

У космодрома его остановили.

— Золотая пуговица, — сказал Спиркин.

— Это вчерашний пароль, — сказал часовой.

— Разве? — удивился Спиркин.

— Слишком много работаете, — сочувственно сказал часовой. — Себя не щадите...

Возле ракеты Спиркин увидел автобус. В нем никого не было, кроме водителя.

— Вы золотой пуговицы тут не находили? — спросил Спиркин.

— Пуговицы? — переспросил водитель. — А вы спросите, может, кто-нибудь из ваших подобрал.

И водитель, забыв удивиться тому, что понимает французский язык, кивнул в сторону громадной ракеты.

На лифте Спиркин поднялся к самому люку раке-

ты. На площадке перед люком стояли французы, которым наши что-то объясняли. Спиркин протиснулся поближе к одному из французов.

— Вы тут пуговицы не видели? — прошептал он.

— Т-с-с-с-с! — сказал француз, делая вид, что его интересует ракета.

«Хам», — подумал Спиркин и повернулся к другому французу:

— Вам тут пуговица не попадалась? Я ее в автобусе потерял. Такая со львом.

Француз заулыбался и закивал в сторону ракеты.

— Там? — тихо спросил Спиркин. — Как она туда попала?

Француз снова кивнул на ракету и поднял большой галец.

— Еще бы, — сказал Спиркин. — Такая пуговица! И тихонько влез в люк.

Внутри ракеты было тесновато. Спиркин стал искать. Он обшарил все, что можно, но ничего не нашел.

Спиркин опустился в глубокое кресло и начал размышлять. От размышления его оторвал шум закрывающегося люка. Он хотел встать, но раздался мощный гул и огромной тяжестью Спиркина вмяло в кресло.

— Что за шутки? — прохрипел Спиркин. — Алло!

В ответ перед ним загорелись лампочки, тяжесть увеличилась. А потом Спиркин услышал голос.

— Чижик, — позвал голос. — Я — Лютик. — И спросил про какие-то параметры.

— Это вы меня? — с трудом спросил Спиркин. — Я сам здесь случайно!

— Это ты, Чижик? — удивился голос. И сказал, чтоб Чижик перестал валять дурака. Спиркин сказал, что это Спиркин говорит и чтоб голос сам перестал валять дурака и выпустил бы его отсюда, потому что ему некогда.

Спиркин услышал, как голос совещается с другими голосами. Из-за сильного треска он разобрал только три фразы: «Надо было согласовать!», «Разгильдяйство!» и «Лишить премии!».

— Кого лишить? — заинтересовался Спиркин.

Однако голос больше не откликнулся, а вместо этого Спиркин услышал: «В эфире — «Маяк». Передаем концерт по заявкам воинов-пограничников». И вместе с первыми звуками песни «Я люблю тебя, жизнь» Спиркин стал невесомым. Побарахтавшись в воздухе, он добрался до иллюминатора. Там, соперничая в блеске с двумя пуговицами на пиджаке Спиркина, несешно плыли звезды...

...Спиркин вылез из люка, спрыгнул на землю и посмотрел по сторонам. Вокруг была пустыня. Спиркин хотел подумать что-нибудь, но не успел. Земля перед ним зашевелилась, и оттуда стали выскакивать люди.

«Дружинники, — понял Спиркин. — В милицию поведут!»

«Дружинники» окружили Спиркина. Один из них вытащил какую-то трубу и приложил к губам.

— Планета Марс приветствует посланца Земли, — услышал Спиркин.

— Тьфу! — сказал Спиркин. — Я-то испугался.

— Тебе нечего бояться, — сказал марсианин в трубу. — Мы ждали тысячи лет, пока вы сможете принять все знания нашей цивилизации. И вот этот великий час настал!

Все марсиане согласно затрясли головами.

— Вы тут пуговицы не видели? — спросил Спиркин. — Золотая пуговица такая, от пиджака.

Марсиане обеспокоенно переглянулись.

— Мы не знаем пуговиц, — сказал главный. — Но мы умеем делать хлеб из песка, и овладели антивеще-

ством, и победили все болезни, и мы ждали тысячи лет, и вот настал великий миг...

— Это все ясно,— сказал Спиркин.

Он повернулся и полез в ракету. Закрывая люк, он увидал, что марсиане отчаянно скачут и размахивают руками. «Пуговиц не знают,— подумал Спиркин.— Деревня!»

Он уселся в кресло. Надо было продумать дальнейшую линию поиска. Внизу суетились маленькие фигурки. Потом они пропали. Спиркин думал. Внезапно он хлопнул себя по лбу и тут же стартовал с Марса.

«Шляпа! — выругал он себя.— Вот шляпа!»

Он удовлетворительно перенес перегрузки и перешел к состоянию невесомости. Вскоре в иллюминаторе показалась Земля. Спиркин прилепился к стеклу и стал смотреть на родную планету. Из Европы торчал посадочный ориентир — труба авторемонтного завода. Спиркин напряг зрение, и ему показалось, что там, на заводском дворе, в огромной куче железного хлама вспыхнул золотой лучик. Спиркин улыбнулся и, мурлыкая «Я люблю тебя, жизнь», устремил корабль мимо каких-то звезд и галактик к своей сияющей цели.

ЗАБОТЫ СЕРГЕЯ АНТОНОВИЧА

За стенкой раздался шум, послышался женский крик. Потом женский крик перешел в мужской. Что-то загремело. Потом открылась дверь и в комнату вошла Антонина Ивановна.

— Обрато Колька напился,— сообщила она.— Обрато напился и Клаву бьет, гад такой. Слышишь ты или нет?!

— Мгм,— сказал Сергей Антонович.

— Все вы подлецы,— сказала Антонина Ивановна.

Она хотела развить тему, но за стеной снова загрохотало, кто-то побежал по коридору, хлопнула входная дверь. Антонина Ивановна вышла посмотреть.

Сергей Антонович вздохнул облегченно, стал смотреть в окно и думать дальше.

Сергей Антонович Питиримов не мог бы с гарантией ответить, есть ли на свете телепатия. Сергей Антонович мог бы вообще послать подалее того, кто стал бы приставать к нему с такими вопросами. Но к нему никто и не приставал. Однако с некоторых пор стали происходить вещи, которые никак не укладывались в рамки познаний Питиримова о материальном мире. И не то что эти рамки были слишком узки — Антонина Ивановна выписывала журнал «Работница», — но все же объяснить происходящее со строго научных позиций Сергей Антонович не мог. Впрочем, справедливости ради, отметим, что и для больших ученых в области человеческой психики еще имеют место белые пятна. Эти пятна и позволяют действовать феноменам, одни из которых различают цвета пальцами, другие запоминают наизусть телефонный справочник, а третьи одеваются во все заграничное, не выезжая за пределы родной области (так называемый телекинез)...

Как бы то ни было, с некоторых пор Питиримов начал получать сигналы. И тогда Сергей Антонович как бы раздваивался. Одна его половина оставалась кладовщиком инструментального склада, мужем Питиримовой Антонины Ивановны, отцом Питиримова Вовы, другая же, лучшая часть Сергея Антоновича вступала в контакт с Гологваем.

Когда это произошло впервые, Сергей Антонович решил, что в жизни не станет больше смешивать портвейны с пивом. Однако и вечером следующего дня, проведенного с примерной трезвостью, Гологвай снова заговорил, вернее, не заговорил, а, лучше сказать, вышел на связь.

Питиримов заикнулся было насчет Гологвая при жене. Антонина Ивановна отнеслась к этому с надлежащим сочувствием. «Дура я была, когда за тебя пошла» — так сказала она Сергею Антоновичу и добавила, чтоб насчет рубля в субботу даже не заикался.

Питиримов хотел сперва обидеться, но потом раздумал, решив, что в сущности Тоська и не может ничего понимать, потому что куда ей.

— Вовка! — сурово спросил сына Сергей Антонович. — Ты уроки учил?

— Ты чего? — удивился Вовка. — Мать уже в школу ходила!

— Мало ли что ходила! Ты вот скажи-ка: что у вас сейчас по географии?

— Азия, — сказал Питиримов-младший.

— А ну скажи, — небрежно сказал Сергей Антонович, — где страна такая находится — Гологвай?

— Гологвай! — захохотал Вова. — Нету такого! Это Уругвай есть! И еще Парагвай! Гологвай! Ха-ха-ха!

— Ладно, — мрачно сказал Питиримов. — Это я тебя проверял. Смотри у меня...

Теперь Сергей Антонович принимал гологвайские сигналы почти каждый день. Это было ни на что не похоже — ни на телевизор, ни на радио, ни на телефон. Это был какой-то язык без слов — сразу в голове получались мысли. Начиналось всегда с мысли: «Привет тебе, далекий друг!» Ощущать себя далеким другом было приятно. Обыкновенно это слово Питиримов слышал, когда возле магазина его просили: «Слышь, друг, добавь семь копеек!» А тут... Нет, это было хорошо.

И вскоре Сергей Антонович оказался в самой гуще разных гологвайских дел. Дела были странные и удивительные, пищи для переживаний хватало. Узнав, например, что гологвайцам нельзя иметь больше сорока детей, Сергей Антонович так огорчился, будто этот закон перечеркивал его личные жизненные планы. Он даже купил Вове фонарик. На каждую следующую новость Сергей Антонович отзывался все сильнее. Но самое глубокое впечатление произвело на него последнее полученное им телепатическим путем известие —

о том, что некоторые гологвайцы хотят уничтожения дрокусов. Что такое дрокусы, Сергей Антонович не понял, но сообщение его потрясло. «Что делают! — гневно подумал он. — Что хотят, то и делают! Уничтожить! Вот паразиты!»

От возмущения Сергей Антонович не мог заснуть до утра.

Придя на работу, он разыскал водителя электрокара, с которым был в приятелях.

— Здорово, — сказал Алеха. — «Спартачок»-то, а?

— Слушай, Алеха, — сказал Сергей Антонович, — надо что-то насчет дрокусов делать.

— Само собой, — понял Алеха. — В обед сбегает.

— Не надо бегать, — сказал Питиримов. — Это ж до чего додуматься надо! Уничтожить! Прямо за глотку хотят взять!

— Антоныч! — заржал Алеха. — С утра захорошел, что ли?

— Дурак ты, — сказал Сергей Антонович.

— Сам ты дурак, — не обиделся Алеха. — Приходи вечером, сообразим!

И Алеха поехал на электрокаре пить газводу.

Питиримов остался один.

Оглядываясь, чтоб не увидел никто из знакомых, Сергей Антонович пошел в заводскую библиотеку и попросил том Большой Советской Энциклопедии на букву «Д».

«„Дрозofiла“, — читал он, — „Дройзен“, „Дромедар“...»

Дрокусов в энциклопедии не оказалось.

— А другой у вас нету энциклопедии? — спросил Питиримов.

— Что вы имеете в виду? — строго посмотрела библиотечкариша. — Есть Малая, есть словари, есть справочники по различным областям знания. Что вас конкретно интересует?

— Да нет,— сказал Питиримов.— Я так, вообще...
«„По различным областям!“ — передразнил он про себя эту бабу.— Доктора, так их, академики...»

Он отдал том на букву «Д» и ушел.

В воскресенье Питиримов смотрел «Клуб кинопутешествий». На экране мелькали дворцы и хижины какой-то далекой страны, мягкий голос за кадром рассказывал про латифундии и олигархии. Было такое ощущение, что вот-вот скажут и насчет дрокусов. Но ничего не сказали.

Назавтра Питиримов не пошел на работу. Письмо в газету с требованием, чтоб по вопросу дрокусов были приняты все меры, он запечатал в конверт и написал обратный адрес: «До востребования».

Ответ пришел быстро. Какой-то хмырь отписал «уважаемому Сергею Антоновичу», что дрокусов в природе не существует, равно как философского камня и снежного человека, и посоветовал Питиримову направить свои силы на решение практических задач, стоящих перед народным хозяйством.

«Камни-то тут при чем? — в сердцах подумал Питиримов.— Уж не знает, так и молчал бы лучше...»

Сергей Антонович все еще стоял у окна и размышлял, когда в комнату вернулась Антонина Ивановна.

— Прибьет он ее когда-нибудь,— сказала она.— Сам-то хлипкий, а ручищи — будь здоров, как грабли. Слышишь ты?

— Мгм,— сказал Сергей Антонович.

— Чего ты все мычишь-то? — грозно спросила Антонина Ивановна.— Язык проглотил, что ли?

— Отстань, Тося,— кротко сказал Сергей Антонович.— Я тебя не трогаю.

— Не трогаю! — закричала Антонина Ивановна.—

Я б тебе тронула! Чего ты все дни ходишь, как мешком ударенный? На складе, что ль, чего?

— Ничего,— пробормотал Сергей Антонович.— Сказал: отстань.

Антонина Ивановна уперла руки в бока, набрала полную грудь воздуха, но, взглянув на выражение лица Питиримова, не взорвалась.

— Ты чего, Сереня, а? — растерянно спросила она и заплакала.

— Ну, завыла,— нежно сказал Сергей Антонович.— Чего ревешь-то?

Он придумал, что делать дальше.

Он взял лист бумаги, ручку, сел за стол и, посопев, стал писать: «Мы, жильцы квартиры № 18, как и жильцы всей лестницы нашего дома, осуждаем маневры против дрокусов, которые...»

У Антонины Ивановны, которая прочитала из-за спины Питиримова слово «маневры», от ужаса высохли слезы.

— Сереня,— робко спросила она,— а куда ты эту бумагу отправишь?

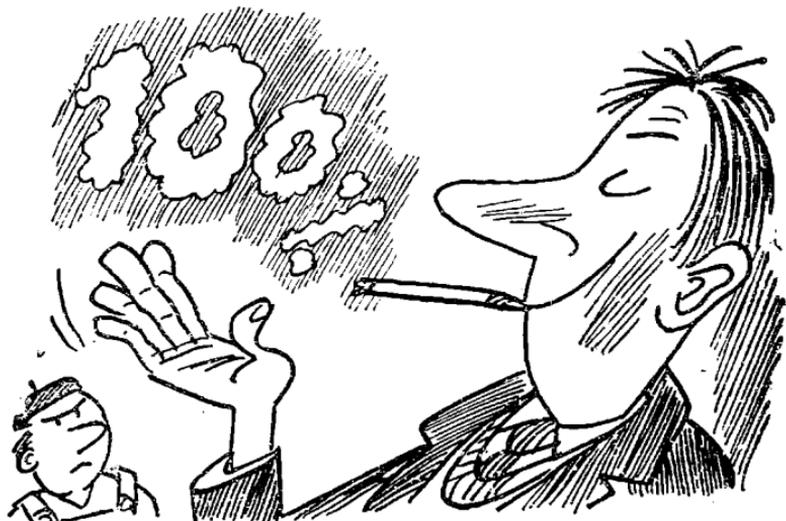
Сергей Антонович помрачнел. Это ему и самому было пока не очень ясно.

— Найдем! — сказал он сурово.— Отыщем управу. Пусть не думают. Ты вот сходи-ка, пусть Клава с Колькой тоже подпишут.

— Нету Клавы,— сказала Антонина Ивановна.— В поликлинику пошла... Гад такой! Хоть бы посадили!

— Гад! — подтвердил Сергей Антонович.— Тут каждая подпись на счету...

В этот вечер за стенкой было как никогда тихо. Никто не мешал Сергею Антоновичу размышлять о гологвайских делах и думать, что же еще можно сделать для далеких дрокусов, которым срочно требовалась помощь.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОТРУДНИК

Никто не делает всего, что может. И даже, что должен, не всегда. Вот и я не выполнил своего задания в установленный срок. Само собой, на то были совершенно объективные причины, хотя никаких объективных причин, конечно, не было. Просто взял да и потерял где-то время, не изыскал внутренних резервов, после чего полностью не мобилизовал все силы...

Не сделанная мною работа была частью задания всего отдела. Наш начальник оказался перед необходимостью что-то предпринять. Поэтому он вызвал меня и сказал, что лишает меня премии.

— Чтоб понимал! — сказал он.

— Ну и правильно, — сказал я.

Он посмотрел на меня с тоской.

— Тебе, конечно, наплевать,— сказал он.— Потому что там,— он направил палец в зенит,— там не тебе будут шею мылить!

— Вообще-то,— сказал я, подумав,— раз я виноват, я сам и должен отвечать перед вышестоящей...

— Да уж,— сказал начальник с иронией,— ты ответишь...

В этот момент ему в голову пришла мысль.

— Впрочем,— сказал он,— именно ты. Давно пора спрашивать с настоящих виновников. Пойдешь к директору!

— Так! — сказал директор, мрачно глядя на меня.— Хорош!

Против этого трудно было возразить, и я промолчал.

— Хорошо поработали, товарищ...— И директор произнес фамилию начальника моего отдела.

Я хотел поправить директора, сказав, что перед ним стоит не руководитель, а сотрудник упомянутого отдела, непосредственный виновник тяжелого положения, в которое попал отдел, а из-за отдела — вся организация.

Однако, заметив, что я собираюсь возразить, директор ударил кулаком по столу и закричал:

— Никаких оправданий! Уволить мало!

Из дальнейшего я сумел понять, что директор удивлен, как такой человек, как я, занимает должность, какую я занимаю. Тут директор был прав, потому что эту должность я не занимал.

— Распустил отдел! — кричал далее директор,— ни черта не делают! Да и сам!..

Внезапно директор замолчал, потом проговорил:

— Ну хорошо. Уволить тебя — я уволю. А что мне прикажешь делать там? — И он повторил жест, который раньше сделал начальник моего отдела.

— Что же, — осторожно сказал я, — я виноват, следовательно, должен лично отвечать по всей строгости...

— Что-о? — изумился директор. — Ты соображаешь?.. Хотя, с другой стороны...

Начальник главка узнал меня сразу.

— А?! — спросил он своего заместителя, кивая на меня.

— Н-да... — сурово согласился заместитель.

— И это называется один из наших лучших руководителей! — продолжил начальник главка.

— Что же говорить тогда о худших?! — сокрушенно сказал заместитель.

— Какой ты, к чертовой матери, директор? — обратился ко мне начальник.

— Никакой, — признался я. — Никакой я не директор.

— Тебя не спрашивают! — грянул начальник. — План завалил?

— Завалил, — честно сказал я.

— Без тебя знаю! — крикнул начальник главка.

— Это нам и без вас известно, — высказал свое мнение заместитель.

— Тебе что! — сказал начальник. — Получил свой выговор по управлению — и все! А перед министром на ковре мне стоять!

Перспектива личного знакомства с министром была волнующей.

— Собственно, — начал я, — как истинный виновник, я, очевидно, должен сам...

Начальник и заместитель переглянулись.

— Ну что же, — сказал сурово начальник, — давно пора спрашивать с настоящих...

В это время в кабинет вошла секретарша и положила перед начальником какую-то бумагу.

Начальник прочитал, вздохнул, передал заместителю. Тот тоже прочитал и вздохнул. И оба заулыбались.

— Ладно, — сказал начальник, махнув рукой. — Иди! Но смотри, следующий раз!..

Да, все утряслось. Оказалось, что где-то в другом отделе другой организации какой-то неизвестный сотрудник перевыполнил свое задание ровно настолько, насколько я недополнил. И даже на две десятых перекрыл. Таким образом, управление в целом достойно справилось с поставленными перед ним задачами.

Приказ о выговоре мне, как директору, остался в главке неподписанным. В свою очередь, директор не уволил меня, как начальника отдела. Как сотрудник, я был предупрежден, что следующий раз буду лишен премии.

Конечно, каждый извлек из случившегося надлежащие уроки, критически пересмотрел отношение, о многом серьезно задумался. Словом, все потекло своим чередом. Работаю я спокойно, ничто не мешает. Часто думаю о том самом неизвестном сотруднике. Радостно становится от сознания, что живет он где-то, хочется, чтобы у него все было хорошо.

Ведь если б не он...

ПОЯВИЛСЯ СИДОРОВ

Второклассники с грохотом прыгали по партам, кидались тряпкой, лупили друг друга по головам книжками. Было очень весело.

В класс вошел Сидоров. Возня стала стихать.

— Быстрее рассаживайтесь, товарищи,— сказал Сидоров.— У нас сегодня будет собрание.

Второклассники сели за парты.

— Товарищи,— обратился к ним Сидоров.— Для нормальной работы собрания нам необходимо избрать президиум. Какие будут предложения?

Девочка на второй парте у окна подняла руку.

— Пожалуйста,— сказал Сидоров.

— А Вова Юриков щекочется,— сказала девочка и села.

— Юриков,— сказал Сидоров.

— А она первая начала! — сказал сосед девочки.

— Больше серьезности, товарищи,— призвал Сидоров.

— А что такое президиум? — спросил кто-то сзади.

— Стыдно,— строго сказал Сидоров.— Вы, кажется, уже не в первом классе. Что, нет предложений? Тогда я предлагаю избрать президиум в составе двух человек. Кто за это предложение, поднимите руку.

Все подняли руки.

— Опустите,— разрешил Сидоров.— Кто против?

Мальчик на третьей парте поднял руку.

— Ты против? — спросил Сидоров.

— Можно выйти? — спросил мальчик.

— Как собрание решит,— сказал Сидоров.— Как, товарищи, отпустим?

— Отпустим,— пискнул кто-то.

Мальчик вышел.

— Так,— сказал Сидоров.— Какие будут предложения по составу президиума?

Девочка, которая раньше жаловалась на Вову Юрикова, подняла руку.

— Слово для внесения предложения предоставляется товарищу Плющ Ларисе.

— В президиум нашего собрания я предлагаю выбрать...

— Избрать,— поправил Сидоров.

— Я предлагаю избрать,— сказала Плющ Лариса, запнулась и покраснела.— Ой, я забыла, кого надо...

— Хорошо, что ты голову дома не забыла,— сказал Сидоров.— Товарищи, Лариса хотела нам предложить избрать в президиум Сидорова и Бляшкина. Правильно, Лариса?

— Правильно,— сказала Лариса.

— Кто за это предложение,— сказал Сидоров,— прошу голосовать.

Робко поднялась первая рука, затем — все остальные.

— Принимается единогласно. Ну, Бляшкин, быстрей, сами себя задерживаем.

Смущенный Бляшкин вышел к Сидорову. Сидоров пересадил мальчика и девочку с первой парты назад, парту развернули, и за нее лицом к классу сел Бляшкин.

— Товарищи,— сказал Сидоров.— В повестке дня у нас два вопроса: о работе санитаров второго «б» класса и выборы новых санитаров. Докладчик по первому вопросу просит пятнадцать минут. Какие будут соображения по регламенту, товарищи?

В классе стало слышно, как Юриков ковыряет парту гвоздиком. Юриков испугался тишины и перестал.

— А что это такое? — боязливо спросила Таня Щукина.

Все с надеждой посмотрели на умного Бляшкина. Но что такое регламент, не знал даже член президиума.

— Регламент,— разъяснил Сидоров,— это свод правил, устанавливающий процедуру собрания. Надо знать. Бляшкин, теперь дай мне слово.

— Честное слово,— сказал послушный Бляшкин,— я больше не буду...

— Что ты не будешь? — с досадой сказал Сидоров.— Ты скажи, что мне предоставляется слово для доклада.

— Слово предоставляется,— сказал Бляшкин и сел, красный как рак.

— Товарищи! — начал Сидоров.— День ото дня растет и хорошеет наш второй «б» класс. Вместе с тем у нас порой встречаются еще факты формального отношения санитаров к своим обязанностям. Еще не всегда они должным образом проверяют чистоту рук у своих товарищей. Нередки случаи, когда на одежде

товарищей имеют место кляксы. С подобным благодушием пора покончить. Хочется думать, — завершил Сидоров, — что настоящее собрание поможет поднять работу санитаров второго «б» класса на еще более высокую ступень.

Сидоров закончил доклад и сказал:

— Теперь начинаем прения. Кто хочет выступить? Ну, товарищи, смелей, это же волнует всех. Поднимайте руки.

Вова Юриков поднял руку.

— Бляшкин, — сказал Сидоров. — Дай товарищу слово.

— Честное слово... ой, слово предоставляется, — сказал Бляшкин.

— А меня вчера санитары записали, что руки грязные, а я мыл, а они не отмылись, а меня все равно записали, — сказал Вова Юриков.

— Частные вопросы, — сказал Сидоров, — мне представляется целесообразным решать в рабочем порядке. Кто еще хочет выступить? Так, тогда переходим ко второму вопросу повестки. Выборы санитаров. Бляшкин, ты будешь вести собрание как следует?

— Буду, — пообещал Бляшкин.

— Тогда спроси, какие есть кандидатуры.

— Какие кандидатуры есть? — спросил Бляшкин и, поглядев на Сидорова, добавил: — Сами себя задерживаем.

— Таня Щукина, — сказал Сидоров. — Ты тоже забыла?

— Нет! — сказала Таня. — Сейчас. Я предлагаю избрать новыми санитарями Сашу Васильева и Надю Морозову.

— Молодец, — сказал Сидоров. — Нет других предложений?

— Юрикова надо выбрать, — предложил Вова Юриков.

— Вовку! — закричало несколько голосов. — Давайте Вовку!

— Товарищи, — сказал Сидоров. — К делу следует подходить со всей ответственностью. Юриков для такой работы еще не созрел. Ему надо еще много поработать над собой.

— Что, съел? — сказала Плющ Лариса. — Съел?

— Лариса — крыса, — сказал Вова Юриков и двинул соседку локтем.

— Тише, товарищи, — сказал Сидоров. — Есть предложение подвести черту. Кто за это предложение? Бляшкин!

— Кто? — спросил Бляшкин. — Руки поднимайте. Все, кроме Юрикова, подняли руки.

— Юриков, — сказал Сидоров. — Ты что, не хочешь голосовать за своих товарищей? Подумай хорошенько.

Забаллотированный Юриков посопел носом и поднял руку.

— Так, — сказал Сидоров. — Единогласно. Разрешите от имени собрания поздравить избранных товарищей и выразить уверенность. Что надо сказать, ребята?

— Спасибо, — сказали новые санитары второго «б» класса.

— Бляшкин, объяви о закрытии собрания, — сказал Сидоров, — и садись на место.

— Собрание закрывается, — объявил Бляшкин и сел на место.

— У кого ко мне есть вопросы? — спросил Сидоров.

— А когда у нас еще будет собрание? — спросила Таня Щукина.

— Скоро, — пообещал Сидоров. — В следующий раз будем вести протокол.

— Про чего? — заинтересовался Юриков.

— Я потом все объясню,— сказал Сидоров. — А сейчас можно идти домой.

Второй «б» беспорядочно выкатился в коридор. Кто-то за кем-то гнался, кто-то лупил кого-то портфелем, кто-то скакал на одной ноге.. Промчавшись по коридору, класс скатился вниз по лестнице, и крики уже слышались во дворе.

Сидорову просто смешно было смотреть на такую неорганизованность. Вожатый Сидоров был уже большой мальчик — он учился в шестом классе. Конечно, ему могло быть смешно.

ПРО ЦВЕТОЧКИ

Примерно такая история имела место в действительности. Говорят, одного поэта она даже вдохновила на небольшое произведение в жанре гражданской лирики. Нам же хочется рассказать эту историю в прозе.

И начнем мы с того, что в большом и замечательном городе жили двое пожилых одиноких людей — муж и жена. Его звали... Ну, скажем, Григорий Александрович, ее — Наталья, допустим, Владимировна, а фамилия у них была, положим, Ножкины.

Жили они, как мы сказали, в большом и замечательном городе, но давно уже мечтали о том, чтобы перебраться в небольшой и тихий пригород. И тут дело было не только в чистом воздухе, тишине и покое, которых так не хватает ошалелым жителям больших

дентров. Главной причиной были цветы. Ибо цветы были давней любовью, мечтой и, если позволите, страстью Григория Александровича и Натальи Владимировны. Уже давно грезились Ножкиным нежнейшие цветы удивительных оттенков и тончайших запахов, цветы, которые могли бы быть выведены и взлелеяны, будь на то время и место.

И вот — благословен будь, изобретатель пенсий! — время появилось в избытке. Что же касается места, то, честно говоря, нам не хочется описывать, как происходил обмен городской квартиры на маленький домик в пригороде. Слова «обмен», «жилплощадь», «прописка» и «метраж» повергают нас в безнадежную тоску. Нет, мы не станем ничего этого описывать. Мы перешагнем через нужные нам отрезки времени и пространства, чтобы сразу попасть в небольшой пригородный поселок, где недавно поселившимися Ножкиными уже были выращены первые и действительно очень красивые цветы. И здесь мы завершим предысторию и перейдем к истории.

Она началась в тот прекрасный, как говорится, день, когда на калитке участка Ножкиных появилась небольшая табличка:

ЗДЕСЬ МОЖНО ВЗЯТЬ ЦВЕТЫ

Довольно долго табличка оставалась незамеченной. До того момента, пока хозяйке соседнего дома не понадобилось спросить у Натальи Владимировны то ли перца, то ли соли, а может, мясорубку.

— Смотрите-ка, что хулиганы повесили у вас! — сказала соседка. — «Каждый может взять цветы». Вот бандиты, а! Еще хорошо, слов никаких не написали.

— Что вы! — сказала Наталья Владимировна. — Это мы сами...

— Сами? — удивилась соседка и повторила: — «Здесь можно взять цветы». Это как же так — взять?

— Ну просто... — застеснялась Наталья Владимировна. — Ну просто, если зайдет кто-нибудь, попросит...

— А-а, — поняла соседка. — А я-то, дура, думала... И по сколько же ваши астрочки будут?

— Простите? — не расслышала Наталья Владимировна.

— Я говорю, почему цветочки ваши будут? Мы тоже помаленьку продаем, дело такое...

— Да нет, — сказала Наталья Владимировна, — мы их продавать не будем. Просто так, если кому-то захочется, знаете.

— Не хотите говорить, — сказала обидчиво соседка, — и не надо. Уж сами цветочки-то продаем, слава богу. Соль я вам завтра отдам, не волнуйтесь...

И, поджав губы, соседка ушла.

Весть о том, что недавно поселившиеся люди вывели чудное объявление и собираются бесплатно раздавать цветы, вызвала в поселке брожение умов.

«Гос-споди, да я их насквозь вижу!» — заверяла соседка, обнаружившая табличку.

«Да уж понятно, чего ж тут не понять!» — соглашалась другая.

«Умнее всех хотят быть!» — заключала третья.

— Что ж, так даром и отдашь? — напрямик спросил наконец у Григория Александровича дядя Коля, парень лет пятидесяти, служивший то ли грузчиком, то ли возчиком и к тому же владевший сараем, который сдавал дачникам за бессовестную цену. — Так, за шиш с маслом, любому дураку и отдашь?

— Почему же дураку? — покраснел Ножкин.

— А кому же? — сплюнул дядя Коля.

— Понимаете, Николай Петрович, — еще больше

покраснел Григорий Александрович, — цветы, по-моему, нельзя продавать.

— Хот-те! — сказал дядя Коля, немало подивившись, что его назвали по имени-отчеству. — Это кто тебе сказал? Такой статьи нет, чтоб не продавать. Иди да и продавай! Только не спекулируй!

— Не в этом дело, — смущенно сказал Ножкин. — Просто мы не для этого, понимаете... Мы для себя, для красоты... Ведь цветы — это все равно как пение птиц... Вот, например, в Японии...

— Японский городской! — живо сказал дядя Коля. — Птиц тоже можно продавать! Шуриин мой, Валька, пацану своему щегла купил. Веселый щегол, чирикает, сволочь! Это кто спекулирует, того, конечно, могут прихватить, а кто фициально. . Вон Зинка-то свои продает — рупь штука, а твои лучше Зинкиных...

Обмен мнениями завершился тем, что дядя Коля занял у Григория Александровича три рубля и убыл в известном направлении.

По выходным дням в поселок из города приезжало много народу. Люди дышали воздухом, бродили по довольно густому лесу, собирали грибы, пили вино, пели песни, купались в озере, а к вечеру, усталые, но, в общем, довольные, садились в электричку и уезжали обратно в город.

Многие, гуляя, проходили мимо дома Ножкиных, где замечали табличку. Некоторые (в основном рыцарски настроенные юноши) «для смеху» заходили — и уходили с цветами, смущенные и удивленные.

И вот однажды табличка попала на глаза молодому и энергичному корреспонденту городской газеты Смирницкому. (Повторяем, все фамилии, конечно, вымышленные).

В городской газете Смирницкий служил в отделе писем, а также вел рубрику под названием «А ваше хобби?». Рубрика появлялась раз в неделю и содержа-

ла заметки о всевозможных интересных увлечениях. Смирницкий не ограничивался рядовыми сообщениями о филателистах, филуменистах и нумизматах, а мог откопать, скажем, пенсионера Суконцева Г. Ф., который завершил наконец многолетний труд по изготовлению макета землечерпалки величиной с наперсток. Иногда Смирницкий помещал также заметки и о разных буржуазных хобби. Тогда название рубрики менялось с «А ваше хобби?» на «С жиру бесятся».

И вот Смирницкий увидел табличку — и через минуту Григорий Александрович увидел Смирницкого.

Узнав, что перед ним пресса, Ножкин слегка оробел, а затем стал торопливо рассказывать Смирницкому про черенки, семена и клубнелуковицы.

Смирницкий ходил с Ножкиным между клумбами и деловито принохивался.

— Замечательно! — бодро сказал он. — Запах замечательный! Но самое замечательное — это ваше начинание! Дарить цветы бесплатно — это ведь дарить людям радость, понимаете? Этот почин, я думаю, мы будем пропагандировать!

— Как вы сказали? — испугался Ножкин. — Ей-богу, ничего не нужно...

— Ничего, ничего, — ободрил его Смирницкий. — Я думаю, материал пойдет.

И Смирницкий дружески подмигнул Григорию Александровичу.

Материал в газете появился и был многими прочитан. А слово, как известно, это призыв к действию.

Первыми перешли к действиям учащиеся поселковой средней школы. Ведомые старшей пионервожатой, сгорном и барабаном они прибыли к дому Ножкиных и

объявили, что берут над Ножкиными шефство. Попытки встревоженного Григория Александровича с благодарностью отказаться были квалифицированы пионервожатой как ложная, извините, скромность и, простите, непонимание воспитательного значения...

Побещав установить постоянное дежурство, юннаты отбыли. В течение двух следующих дней какие-то ясноглазые девочки действительно являлись и, побегав некоторое время вокруг клумб, исчезали. А на третий день шефство вовсе окончилось, — дружина бросила силы на макулатуру.

Буквально через день Ножкиных пригласили в город на встречу с клубом «Природа и фантазия» при кирпичном, кажется, заводе. Клуб отмечал годовщину. Все сидели за столиками. У мужчин были добрые глаза. Ножкиных приняли в члены клуба, обещали всем коллективом приехать в гости...

Потом Ножкин дарил цветы на празднике ветеранов труда.

И пошло!..

— ...Товарищи! Сегодня у нас присутствует товарищ Ножкин Григорий Александрович с супругой... Которые своей инициативой... для нас, которые... следуя этой инициативе... которая...

И пошло!..

«Уважаемый Григорий Александрович!

Мы, работники городской фирмы «Ландыш», обсудили статью т. Смирницкого «Человек щедрой души»...

За последнее время наша фирма добилась больших успехов... Однако есть еще и определенные недостатки... Принято обязательство резко повысить...»

Аромат ножкинских цветов учуяла студия телевидения. Долго ругались две редакции — молодежная и культуры и искусства, — кому делать передачу. Молодежь победила. Написали текст, поехали в поселок, убедили Ножкина, что это необходимо для эстетического воспитания молодежи, «да и не только молодежи, нашу передачу все смотрят...».

В глубине души Григорий Александрович ясно чувствовал, что происходит что-то не то, не так...

Но на студию поехал, послушно смотрел в камеру...

Соседки же по-прежнему видели Ножкиных навсквозь. Иногда дядя Коля, видимо не обладавший столь острым зрением, пытался за Ножкиных заступиться, утверждая, что люди они, ясное дело, с придурью, но не жмоты, в долг всегда дают.

Соседки упирали руки в бока, раскрывали рты — и дядя Коля оставлял поле брани, после чего соседки еще более убежденно заверяли друг дружку, что им все понятно...

А цветов тем временем уже оставалось совсем мало. Последние букеты Ножкины подарили двум молодым людям.

Это были он и она. Они прочитали табличку. Они в общем-то не собирались заходить. Но у них свадьба. В смысле — не у них, конечно, а у их друзей, в общезжитии... Так что, если можно... «Ой, что вы! Так много! У вас же ничего не осталось!.. Давайте мы в корзи-

ну положим! (У них корзина оказалась.) Ой, спасибо вам большущее!..»

— Славные какие! — сказала Наталья Владимировна, когда молодые люди ушли.

— Да,— согласился Григорий Александрович.— Очень!

А в городе тем временем появились афиши:

ГОРОДСКОЙ БАССЕЙН «ВОДНАЯ ФЕЕРИЯ»

Тут уж Ножкин попытался бунтовать. При чем тут он? Это уж просто смешно и даже неудобно! «Очень даже удобно,— объяснили ему.— Во-первых, за вами придет машина. Во-вторых, вы должны непременно быть, как застрельщик нового движения («Кто?» — перепугался Ножкин), и непременно вручать цветы победителям лично. Потому что... в общем, это важно... И для вас... В общем, вы понимаете, да?..»

Ножкин вздохнул и сказал, что если это так важно... Только цветов у него уже почти нет... «Бог с вами,— сказали ему,— при чем тут ваши цветы? Цветы заказаны в городской фирме „Ландыш“... А вот вручать — вручать надо непременно вам, дорогой Григорий, э-э, Алексеич...»

А на табличке

ЗДЕСЬ МОЖНО ВЗЯТЬ ЦВЕТЫ

кто-то приписал: «у дураков»...

Городской бассейн был оформлен со вкусом. Синела вода, висели транспаранты, вокруг стояли скамейки, на скамейках сидели люди.

Празднество шло полным ходом. Уже перетягивали канат, уже состоялись залпы, уже прыгали в воду прыгуны, девушки в цветных шапочках уже демонстрировали достижения фигурного плавания... Выступали ораторы, вручались сувениры, ритмично грохотал вокально-инструментальный ансамбль «Звездогляд». В кулуарах помреж телевидения внушала нескольким гражданам, как именно непринужденно надо вести себя, когда их случайно попросят сказать несколько слов...

— Товарищи! — закричал в микрофон ведущий. — На наш праздник прибыл замечательный человек товарищ Григорий Алексеевич Ножкин! По велению своей души и сердца он будет вручать победителям наших конкурсов цветы, выращенные им безвозмездно для нашего праздника! Поприветствуем, товарищи!..

Публика захлопала. Все смотрели на Ножкина, который, красный от духоты и неловкости, проходил за стол президиума, стоявший возле самого бассейна. Наталья Владимировна села рядом.

— Душно как, — сказала она.

— Цветы повянут, — сказал Ножкин.

Праздник завершился поздно. Публика разошлась по домам. Организаторы сошлись на банкет.

К вокзалу Ножкины шли пешком. От банкета они отказались.

— После дождя воздух получше стал, — сказал Григорий Александрович.

— Тебе нехорошо? — спросила Наталья Владимировна.

— Да нет, — сказал Ножкин. — Ничего.
Дальше шли молча.

В этот воскресный вечер вокзал бурлил. Людские потоки захлестывали кассовый зал, проходы и перроны. Толстые кольца очередей душили измученных морозенщиц. Ежеминутно стартовали пустые электрички и возвращались битком набитые. Все входы, выходы и другие стратегические пункты вокзала находились в руках цветочных торговцев.

Выйдя на перрон, Ножкины очутились прямо перед цветочными столиками. Торговля шла вовсю. Мужчины и женщины подходили, отходили, подходили снова. Мелькали цветы, руки, звенели монеты, шелестели рубли, надо всем стоял вокзальный гул.

Внезапно в этом гуле Наталья Владимировна чутким своим ухом уловила голос, показавшийся знакомым.

— А вот посмотрите, молодой человек! Купите для своей девушки!..

Наталья Владимировна посмотрела.

Голос принадлежал той самой девушке, которая рассказывала Ножкиным про свадьбу друзей. Рядом с девушкой маячил тот самый молодой человек. Они вместе смотрелись. Они продавали цветы.

Наталья Владимировна смотрела на них несколько секунд, потом отвернулась и потянула Григория Александровича.

— Что ты? — спросил Ножкин.

— Ничего, — сказала Наталья Владимировна. — Пойдем!

Но было поздно. Ножкин увидел.

Они сели в пустой вагон. Двинулись за окном большие и малые огни. Потом электричка вырвалась за

город, в вагоне зажегся полный свет, и в окне стало темно.

Наталья Владимировна заснула только под утро. Она спала, когда Григорий Александрович встал, оделся и вышел из дома.

Утро было холодное, воздух — сырой, небо — серое.

Григорий Александрович открыл калитку, поглядел на табличку

ЗДЕСЬ МОЖНО ВЗЯТЬ ЦВЕТЫ

отодрал ее и бросил в сторону. Потом закрыл за собой калитку и пошел по дороге.

— Здоров! — закричал дядя Коля. — Куда собрался? По грибы, что ль?

— Пройдусь, — коротко сказал Григорий Александрович.

— Но! — сказал дядя Коля. — А то я гляжу, чего это ты в такую рань?..

...Григорий Александрович шел по дороге. По сторонам стоял скучный лес. В голове вертелась дурацкая песенка «звездоглядов».

— Дядя! — услышал вдруг Ножкин.

Григорий Александрович остановился. Прямо перед ним стояла девчушка лет четырех-пяти. В руке у нее был пучок ярко-желтых одуванчиков.

— А зато я умею делать букеты, — сообщила девочка без всяких предисловий.

— Молодец, — сказал Григорий Александрович.

— Ох, как пахнут, — сказала девочка, понюхав букет. — Понюхайте!

Ножкин присел на корточки и поднес одуванчики к лицу.

— Замечательно пахнут,— сказал он.

— Я вам дарю,— очень серьезно сказала девочка.— Только их надо поставить в вазу. У вас есть дома ваза?

— Ваза есть,— сказал Ножкин.— Но как же ты без букета?

— А я еще соберу,— сказала девочка.— Их тут вон сколько! — И она исчезла так же неожиданно, как появилась.

Ножкин поднялся и вдохнул тяжелый сырой воздух... Впрочем, нет! Лучше не так!

Григорий Александрович поднялся во весь рост и вдохнул чистейший озон. Сверкнул на дороге осколок стекла. В ультрасинем небе трепетали зеленые листочки деревьев. Звенела радостная птичья ругань. За лесом лихо свистнула электричка. Утро было великолепное. Оно уже начинало становиться отличным днем.

Нигде по всей земле в этот день не было отмечено осадков в виде дождя, града или мокрого снега. Сухого снега тоже не было. Не отмечалось даже переменной облачности. Над поселком и городом и над всеми другими городами, селами, поселками, кишлаками, аулами и дрейфующими станциями — над всем миром в этот день торжествовало Солнце. Огромный ярко-желтый одуванчик — нежный и ослепительный.

И здесь, пожалуй, мы можем поставить точку.

Для верности, конечно, следовало бы еще написать, как Ножкин с просветленным взором вернулся домой, поднял с земли табличку и вновь водрузил ее на калитку...

Но мы уверены, что это легко представит себе каждый, кто полагает, что так оно и было в действительности.

СКРЕПКИ

Спустя неделю после того, как я принял организацию под свое руководство, у меня уже был готов «План первоочередных мероприятий». План предусматривал резкий бросок вперед и казался настолько очевидным, что было непонятно, почему его не осуществили мои предшественники.

На восьмой день я записал пункты «Плана» на нескольких листках бумаги и сложил листки, чтобы скрепить скрепкой. В коробочке скрепок не оказалось. Я нажал было кнопку звонка, но тут же вспомнил, что секретарша взяла отгул. Где у нее хранились скрепки, я не знал.

Я снял телефонную трубку и набрал номер заместителя.

— Ящеров,— холодно сказала трубка.

— Здравствуйте, Иван Семенович,— сказал я.

— Добрый день, Игорь Андреевич! — Голос в трубке обрел деловитость и бодрость.— Слушаю вас!

— Тут, понимаете, какая штука,— сказал я.— Я сегодня секретаршу отпустил...

— Безусловно! — с горячностью сказал Ящеров.— Я полностью согласен!

— Да нет,— сказал я.— Не в том дело. Просто мне скрепка нужна, а я найти не могу. Попросите, пожалуйста, кого-нибудь занести мне коробочку.

— Очень нужная мера,— сказал Ящеров.— Ваше указание понял.

— Какое тут указание,— засмеялся я.— Просьба.

Я положил трубку и стал ждать.

От кабинета Ящерова до моего кабинета было полминуты хода. Через полминуты скрепок мне не принесли. Через полчаса тоже. Я снова набрал номер Ящерова. Трубку не снимали. Не откликались также ни канцелярия, ни плановый отдел.

Я вышел из кабинета и направился вдоль коридора, заглядывая во все двери подряд. Всюду было пусто. Мне стало не по себе. Хорошенькая история: среди бела дня исчезает штат целой организации!

Тут до меня донесся смутный шум.

Он шел из конца коридора. Я приблизился к двери с табличкой «Конференц-зал» и чуть приоткрыл...

Зал был заполнен людьми. На возвышении стоял стол президиума. Среди сидевших там я узнал начальника планового отдела и женщину, которая убирала в моем кабинете. Слева впереди стола находилась трибуна. За трибуной стоял Ящеров. Он глядел в зал и неторопливо бил в ладони. Спустя некоторое время Ящеров перестал хлопать и покашлял в микрофон.

— Товарищи! — сказал Ящеров.— В заключение я хочу выразить уверенность, что отныне все мы будем

руководствоваться указаниями Игоря Андреевича о необходимости улучшить снабжение скрепками. Скрепку — во главу угла! Таков наш девиз!

«Какой девиз? — подумал я. — Бред какой-то!»

Ящеров было покинул трибуну, но, хлопнув себя по лбу, сказал в микрофон: «Спасибо за внимание» — и пошел к пустому стулу в президиуме. Затем к трибуне вышла женщина, убирающая мой кабинет, и призвала согласно моим указаниям развернуть кампанию, чтоб скрепки не бросать на пол. Я тихонько прикрыл дверь и пошел в кабинет.

До конца дня я обдумывал, что делать. В гологе вертелась одна фраза: «За вопиющее нарушение дисциплины, выразившееся...» Однако, в чем именно выразилось нарушение, сформулировать не удавалось.

Я уже собрался уходить, когда зазвонил телефон.

— Докладывает Ящеров!

— Зайдите ко мне, — приказал я. И не успел я положить трубку, как он уже стоял в дверях.

— Что все это значит? — спросил я. — Что вы тут устроили?

По лицу Ящерова было видно, что он ошарашен.

— Виноват, — забормотал он. — Я, Игорь Андреевич, несколько недопонимаю... Так сказать, не совсем улавливаю...

— Чего вы не понимаете? — спросил я. — Я вас утром просил прислать мне скрепки. А вы что устроили?

— Общее собрание, — пролепетал Ящеров. — Поняв ваши указания в самом широком смысле, счел необходимым донести... Как основу для работы вверенной вам организации... Безусловно, были допущены отдельные искажения, но...

— Пойдите, Иван Семенович, — сказал я. — Какие указания? Какие искажения? И потом, почему меня не поставили в известность о собрании?

— Моя вина! — прижав руки к груди, сказал Яще-

ров.— Не мог предполагать, что вы лично пожелаете участвовать... Ошиблись... Готов понести самое суровое...

— Слушайте, Иван Семенович! — сказал я.— Надо делом заниматься, а не болтать попусту.

— Безусловно! — вытянулся Ящеров.— Именно заниматься делом. В этом надо видеть смысл нашей работы!

— Вот-вот! — сказал я.— Я рад, что вы поняли. Идите.

В конце концов я только начал тут работать и недостаточно знал людей, чтобы принимать поспешные решения.

Утром следующего дня я снова перечитал свой «План первоочередных мероприятий» и окончательно убедился в его продуманности. Нажав кнопку звонка, я вызвал секретаршу.

— Принесите мне скрепки, пожалуйста.

Секретарша помедлила и сказала:

— У меня нету, Игорь Андреевич.

— Что значит нету?!

— Все скрепки собраны по указанию товарища Ящерова и будут распределяться по специальным заявкам.

— Ящерова ко мне! — закричал я.

— Ящерова нет на месте,— сказала секретарша.

— А где он?

— Проводит совещание.

— Совещание? — тихо переспросил я.— Это интересно...

В коридоре в глаза мне бросился свежий номер стенной газеты. Еще вчера ее не было. Всю газету занимала одна заметка под названием «Искоренять болтовню, заниматься делом, как учит тов. Степанов!».

Заметка была подписана Ящеровым.

Идти в конференц-зал уже не имело смысла.

— Как только Ящеров освободится, пусть зайдет,— сказал я секретарше, вернувшись в кабинет.

Ящеров освободился через два с половиной часа.

— Иван Семенович,— сказал я.— Как прикажете понимать ваши действия?

— Простите, Игорь Андреевич,— начал Ящеров,— я не совсем понимаю вас...

— Я вижу, что не совсем! — сказал я.— Что за новые совещания? Что за глупости вы в газете написали? Люди над нами смеяться будут, если уже не смеются!

— Кто смеялся? — деловито спросил Ящеров, доставая записную книжку.

— Уберите книжку! — закричал я.— Я вас спрашиваю, чем вы занимаетесь?

— Так ведь как же!.. — расстроено сказал Ящеров.— Дабы ознакомить с новейшими указаниями... Незамедлительно довести... Как руководство к действию...

— Подождите,— сказал я, пытаюсь держать себя в руках.— Может, по крайней мере, вы объясните, зачем отобрали у всех скрепки?

Ящеров оживился и торопливо заговорил:

— Реорганизация системы снабжения сотрудников скрепками, проведенная мною в соответствии с данными вами основополага...

— Ящеров!! — заорал я.— Что вы мелете?!

— Виноват,— сказал Ящеров, хлопая глазами.— Готов понести...

— Слушайте меня внимательно, Ящеров,— сказал я.— Чтоб завтра навести полный порядок. Чтоб у всех были скрепки. Газету вашу сейчас же снять. И больше никаких глупостей, иначе придется принять решительные меры. Вам ясно?

— Абсолютно! — воскликнул Ящеров.— Завтра утром все будет исполнено.

Завтра утром началось созванное Ящеровым общее собрание. Двухчасовая речь Ящерова завершилась словами: «Будем принимать решительные меры, как призывает товарищ Степанов!»

Я был начеку. Как только Ящеров стал собирать листки своего доклада, я вошел в зал. Увидев меня, Ящеров округлил глаза до размера чайных блюдец и радостно закричал в микрофон:

— В работе нашего собрания принимает участие сам товарищ Степанов!

— Товарищи! — крикнул я. Зал замер. — Неужели вы не понимаете, что никаких указаний Ящерову никто не давал? Он же несет абсолютную ахинею! И вообще, по-моему, это форменный идиот!

Секунду в зале царил жуткая тишина. А потом на меня обрушился пульсирующий грохот оваций. За моей спиной рукоплескали те, кто находился за длинным столом президиума. И тут краем глаза я увидел Ящерова. Он стоял за столом и хлопал громче других.

ШЕЛ ПО УЛИЦЕ ТРОЛЛЕЙБУС

Троллейбусов было много. С легким воем тормозили они у остановки, где топтался Марципанов, раскрывались створки дверей, торопливые граждане входили и выходили, и троллейбусы, держась за звенящие провода, катили вперед.

Сперва Марципанов удобно уселся на место для инвалидов и пассажиров с детьми. Потом неспешно лег, высунув в проход между сиденьями грязные башмаки. Общественность молчала. Тогда заговорил Марципанов. Вернее, он запел. Исполнив песню, в которой не было хорошей мелодии, зато были плохие слова, Марципанов сказал:

— На кого бог пошлет! — и плюнул через спинку сиденья.

Бог послал на худого гражданина в очках.

— А вот плевать нехорошо, — дружелюбно упрекнул Марципанова гражданин, вытирая рукав пальто. — Не надо плевать.

Такие слова Марципанову не понравились.

— Т-ты, гад! — сказал он и уже прицельно плюнул в худого.

— Видать, вышил человек, — сказала про Марципанова какая-то наблюдательная старушка.

Марципанов начал стаскивать с ноги ботинок.

— Безобразие! — сказала дама, сидевшая позади Марципанова. — Столько народу, и никто его не одернет!

— В самом деле! — поддержал ее оплеванный Марципановым гражданин.

Ботинок Марципанова сбил с него шляпу.

— Вот ведь бедняга! — огорчилась старушка. — Эдак нога у него застынет. Нынче холодно.

Марципанов назвал старушку старой воблой, потянулся и сейчас же заснул.

Пассажиры троллейбуса повеселели. Однако через минуту они погрустнели, потому что Марципанов ожил.

Он сполз со своего места, отыскал в проходе ботинок и сказал неожиданно трезвым голосом:

— Граждане! Прошу внимания! Только что я провел эксперимент, сколько вы будете терпеть безобразия пьяного хулигана? И что же вышло? Вышло, что вы все стерпели! Где же, товарищи, — возвысил голос Марципанов, — ваше сознание?

Досказать Марципанову не дали оправившиеся от шока граждане.

— Возмутительная наглость! — выкрикнул худой гражданин в очках.

— Вот, — кивнул Марципанов. — Так и надо было сказать!

— Но ведь это же издевательство! — воскликнула дама, сидевшая сзади. — Бандитская выходка!

— Правильно! — сказал Марципанов. — Только чего же вы раньше молчали?

— Жулик! — уверенно сказала старушка. — Воблой называет, а сам и не вышивши!

Широколицый мужчина взял Марципанова за локоть.

— Хватит! — громко сказал он. — Я тебе покажу, как над людьми измываться. Граждане, кто в милиции свидетелем будет?

— Вы что? — сказал Марципанов, пытаясь выдернуть руку. — Я же сказал: не пил я. Это эксперимент был, понятно?

— Вот раз не пили — в милиции объяснитесь! — дернул шейю худой гражданин. — Раз трезвый плевали!

Троллейбус подъехал к остановке, и широколицый стал тянуть Марципанова к выходу. Марципанов уперся. Пока они пихались, троллейбус поехал дальше.

— Ты у меня выйдешь! — сказал Марципанову широколицый, вытирая пот со лба. — Поможете мне на следующей остановке? — обратился он к худому гражданину.

Худой гордо кивнул.

Марципанов опечалился. Он повертел головой — вокруг были нелюбезные, недружественные лица. В милицию не хотелось, и выход был только один.

Марципанов бросил голову на грудь, подогнул колени и стал валиться на широколицего мужчину.

— Ну-ну! — закричал тот, отпихивая Марципанова. — Не прикидывайся!

Марципанов качнулся в другую сторону и попытался облобызать старушку.

— Все ж таки он пьяный! — решила старушка, заслоняясь сумкой.

Марципанов опустился на пол и горько зарыдал.

— Ну! — с торжеством сказала старушка. — Как есть нажрался. Нешто трезвый так валяться-то будет?

— А зачем он про эксперименты излагал? — спросил с сомнением широколицый.

— Господи! Да по пьянке-то чего не скажешь! — разъяснила умная старушка. — Сосед мой, как напьется, так все то же — про политику говорит да про экономию. Пока к жене целоваться не полезет, и не видно, что в стельку!

— Понюхать надо! — предложила дама, сидевшая сзади. — Пахнет от него алкоголем?

— Одеколоном пахнет, — сказал широколицый, поспевав возле Марципанова. — Одеколон, наверное, и пил.

— Опытный, — сказал кто-то. — Все знает.

При этих словах широколицый зарделся, взял Марципанова под мышки и уложил на сиденье.

— Может, все-таки вызвать милицию? — неуверенно предложил худой гражданин в очках.

Марципанову пришлось плюнуть в его сторону.

— Это другое дело, — облегченно сказал худой, — тогда конечно...

Старушка с сумкой наклонилась над Марципановым и потрясла его за плечо:

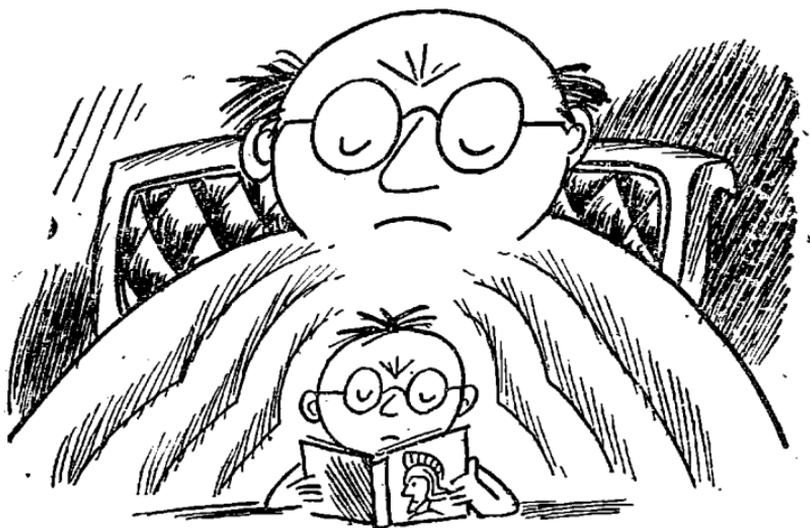
— Тебе выходить-то где, слышь, парень? Едешь-то ты куда?

— Любовь — кольцо! — промычал, зажмурившись, Марципанов.

— Ну вот, — сказала старушка. — Кто до кольца едет, помогите выйти ему. А то, не ровен час, под колесо попадет, пьяный же.

И старушка заспешила к дверям. Ей пора было выходить.

Все замолчали. Марципанов осторожно приоткрыл один глаз. Вокруг стояли люди. Добрые, внимательные, сердечные. Но трезветь не стоило. Во всяком случае до кольца...

ИСТОРИЯ

Я не люблю свою работу...

Со школьной скамьи я мечтал быть историком. На математике и физике я читал книжку про войны государства Урарту с могущественной Ассирией. Я восхищался Геродотом, а на Архимеда мне было наплевать. Но однажды математичка сказала моей маме, что у меня способности к логическому мышлению, а мама в это поверила, а я никогда не огорчал маму. До конца школы книжка оставалась недсчитанной. Я с огорчением зубрил аксиомы, теоремы и правило буравчика.

Вручая мне аттестат зрелости, директор школы сказал, что мои несомненные склонности к точным наукам дают ему основание видеть мое будущее связанным с этими науками. А я видел себя историком. Но я

видел хуже, чем директор. Иначе я бы разглядел, что на исторический — конкурс тридцать человек на место, а лучший друг моего папы — декан политехнического, а это дает дополнительную уверенность маме, которая обещала сойти с ума, если я провалюсь, поступающая на исторический...

Я не провалился. Я поступил в политехнический.

В институте я ненавидел все предметы. Тут, правда, была история, но ее прогуливали всей группой, да и история тут была не древняя... В часы лекций по истории другие сидели в кино, а я учил сопромат, оправдывая надежды декана, который сказал, что возлагает на меня надежды, а он был лучшим другом моего папы, а это вы уже знаете.

На распределении я получил назначение в научно-исследовательский институт, о работе в котором мечтали все. Все, кроме меня. Работу свою я возненавидел сразу и бесповоротно. Меня тошнило от вида кривых, которые чертили, а потом с жаром обсуждали мои сослуживцы, — я тихо сидел и читал про приготовления к новому походу Ассирии на Урарту.

Но однажды меня поздравил начальник и сказал, что своей вдумчивостью я произвел на него хорошее впечатление, и что он хочет предложить мне интересную диссертационную тему, и он уверен, что я справлюсь, и нечего благодарить, потому что он только рад помочь, если видит, что человек работает с желанием.

— Правда, знаний по математике, полученных в вузе, будет недостаточно, — сказал он, — но мы направим вас на специальные курсы...

Три года, стиснув зубы, я слушал лекции по математике. Потом, преодолевая отвращение, писал диссертацию. На защите сказали, что только человек, бесконечно влюбленный в свое дело, мог написать такую блестящую работу.

К этому времени я был уже заместителем своего начальника. Я решал вопросы, я участвовал в заседаниях, совещаниях, советах... Я с тоской произносил слова о плане, внедрении и улучшении параметров.

А в ящике моего стола лежала книжка, и там бордатые ассирийские воины уже приближались к вражеским границам...

Когда начальник отдела уходил на пенсию, он объявил руководству, что никто на свете не заменит его с большим успехом, чем я. И я был назначен начальником. Чтобы как можно реже ходить на службу, я клал в портфель книжку и говорил, что буду работать в библиотеке. По институту пошел слух, что я пишу докторскую. Меня вызвал директор.

— Дорогой мой, — сказал он. — Зачем эти секреты? Вы же знаете, как мы вас ценим! Я даю вам академический отпуск. Пишите, ваша работа обогатит науку и производство!..

Я пил сердечные капли и писал, писал эту проклятую докторскую. Как я ее ненавидел!.. На банкете после защиты про мое беззаветное служение науке говорили такие прекрасные слова, словно читали некролог...

Сейчас я уже член-корреспондент. Я издаю распоряжения, наказываю и поощряю, осуществляю синтез науки и производства. У меня очень мало свободного времени — заседания, конференции, симпозиумы...

Но иногда выпадает свободная минута, я запираюсь в кабинете и достаю потрепанную книжку. И как раз в тот момент, когда грозный царь Ашшурбанипал уже готов торжествовать победу, звонит телефон и мне напоминают, что сегодня меня будут утверждать на должность заместителя министра. И я закрываю книжку, и выхожу из кабинета, и думаю, что все было бы иначе, если бы лучший друг моего папы был деканом исторического...

ПРЕВРАЩЕНИЯ ШЛЯПНИКОВА

Лежа в кровати, Шляпников дочитал последнюю страницу брошюры «Как вести себя в обществе» и заснул. Проснулся он другим человеком: он теперь знал, как себя вести.

Утро начинается со службы. Шляпников пришел на работу, сел за стол, откинулся на спинку стула и стал глядеть на сотрудников. Сотрудники приходили, усаживались, доставали из своих столов входящие и исходящие. Без пяти девять, как обычно, пришел старый Дорофеев и, как обычно, принялся с каждым здороваться за руку.

— Здравствуйте, Борис Андреевич,— бормотал Дорофеев, протягивая руку для пожатия,— здравствуйте, Пал Палыч..., Здравствуйте, Анечка!— сказал Доро-

феев и протянул руку Анечке. — Чудесная у вас сегодня прическа.

— Ой, что вы! — расцвела Анечка и протянула руку Дорофееву.

— Постыдились бы! — раздался голос Шляпникова.

— Что такое? — испуганно посмотрели на него Анечка и Дорофеев.

— Хамство какое! — сказал Шляпников. — Пожилой человек!

— Что? Почему? — зашумели сослуживцы.

— Потому! — произнес Шляпников. — Разве мужчина даме первым руку подает?! Бескультурье! А вы, Аня, тоже вели бы себя поприличней! А то вот так, один руку протянет, другой. А там вообще...

Анечка заплакала. Дорофеев взялся за сердце.

Шляпников поморщился и сказал Дорофееву:

— Полюбуйтесь! Довели даму до слез! Культурный человек на вашем месте хоть бы воды подал! Мужлан!

И Шляпников вышел из комнаты. В остальном рабочий день прошел спокойно, потому что Шляпников решил себя пощадить и не трепать нервы по мелочам.

После работы Шляпников шагал по улицам и смотрел. Придраться было не к чему. Граждане шли по тротуарам, машины ехали по мостовой. Кавалеры вели дам под руку. Девушки шли аккуратно одетые и не красили на ходу глаза, волосы и губы. У юношей ботинки были вычищены, брюки наглажены, пуговицы пришиты. Шляпников вздохнул и зашагал к магазину. Надо было купить подарок ко дню рождения Петухова.

Народу в магазине было много. Но очередь оказалась какая-то вялая, неразговорчивая. Да и продавщица работала быстро. Шляпников совсем было скис. Но, подходя с завернутым в бумагу галстуком к выходу, он приободрился. У дверей стояли люди, пропуская

входящих с улицы. Шляпников ринулся вперед и прямо в дверях сшибся с заходящей в магазин бабушкой.

— Спятила, старая? — вежливо спросил Шляпников. — Совсем одурела?

— Ты что, сынок, — напугалась бабушка. — Дай пройди-то...

— Во-первых, надо говорить «пожалуйста», — сказал Шляпников. — Темнота! Во-вторых..

— Чего там встали? — крикнули сзади. — Пропустите женщину-то!

— Деревня! — бросил через плечо Шляпников. — У магазина культурные люди сперва пропускают выходящих, а уже потом лезут. А эта прет как танк. На похороны свои, что ли?..

Когда Шляпников с женой пришел к Петуховым, гости уже сидели за столом, ели, пили, курили, шумели.

— Поздравляю вас! — сказал Шляпников Петухову, торжественно протягивая сверток. — Это вам подарок от меня и моей супруги. То есть наоборот: от моей супруги и меня.

— Спасибо большое! — сказал Петухов. — Садитесь, сейчас мы вам штрафную, за то что опоздали!

— Во-первых, — строго проговорил Шляпников, — если гость опоздал, значит, у него были веские причины, и говорить об этом просто неприлично и бестактно!

Шум за столом стих.

— Извините, — сказал Петухов, краснея, — я не думал...

— Надо всегда думать! — указал Шляпников. — А во-вторых, когда гость приносит подарок, его следует развернуть и посмотреть, после чего сердечно поблагодарить дарителя. Чек из подарка я тактично вынул.

— Простите, — пробормотал Петухов и потянулся было к шляпниковскому свертку.

— Теперь уже нечего! — с горечью сказал Шляпников. — Настроение гостям вы уже испортили. Кроме того, здесь многие курят. А культурные люди прежде обязаны спросить окружающих, может, они не курят. Положим, мы с женой курим, но все равно!

За столом воцарилась уже могильная тишина.

— Кушайте! — пискнула жена Петухова. — Кушайте, вот салат вкусный...

— Во-первых, — сурово сказал Шляпников, — хозяйке не подобает хвалить свои изделия. Гости сами похвалят, если сочтут нужным. Во-вторых...

Жена Петухова приложила платочек к глазам и убежала из комнаты.

Кто-то боязливо сказал:

— А знаете анекдот: уехал муж в командировку...

— Во-первых, — сказал Шляпников, — анекдоты за столом рассказывают лишь те, у кого за душой ничего нет. Во-вторых, анекдот может быть принят кем-нибудь из окружающих как намек. В третьих...

Гости стали прощаться с Петуховым.

— Подождите, — сказал бледный Петухов, — может, кто хочет потанцевать...

— Во-первых... — начал Шляпников.

Комната опустела.

— Что ж, — сказал Шляпников, — посидели, пора и честь знать. Мы тоже пойдем. Пойдем, Клавдия.

— До свидания, — сказал плачущий Петухов. — Приходите еще.

— Непременно, — учтиво сказал Шляпников. — Только, во-первых, запомните...

Дверь за ним захлопнулась.

— Абсолютно никакой культуры, — сказал Шляпников жене.

— Плебеи, — вздохнула жена. Она тоже читала книжки.

Приехав домой, Шляпников попил чаю, походил по

комнате. Телевизор включать было уже поздно, а спать еще не хотелось. Шляпников задумался. Потом подошел к стенке и прилип к ней ухом. Отлепившись, он посмотрел на часы. Было пять минут двенадцатого. Шляпников расправил плечи и пошел к соседям по площадке.

— Добрый вечер, — открыл двери сосед, молодой человек в очках. — Пожалуйста.

— Вежливый! — иронически сказал Шляпников. — Поучились бы вести себя в быту! — закричал он на очкастого.

— Что случилось, Женя? — выбежала в коридор жена соседа. — В чем дело?

— А в том! — Шляпников стукнул себя по часам. — Людям спать надо! А вы после одиннадцати на полную катушку включаете!

— Что вы! — сказал сосед. — Мы спать ложимся. У нас только трансляция...

— Вот хамло, а! — сказал Шляпников. — Во-первых, старших некрасиво перебивать, а во-вторых, все равно слышно, если прислушаться как следует! А в-третьих...

— Извините, — сказала жена очкастого. — Мы сейчас выключим.

— А в другой раз милицию вызову, — пообещал Шляпников. — Пусть она вас культуре поучит!

И, довольный, Шляпников вернулся к себе.

— Смотри, какую я книжку купила, — сказала ему жена, когда он уже лежал в кровати. Она дала в руки Шляпникову брошюрку под названием «Становление гармоничной личности».

Шляпников открыл книжку и стал читать.

Уже за полночь он перевернул последнюю страницу и заснул.

Проснулся он другим человеком. Теперь он был уже гармоничной личностью.

КРЕСЛО № 13

— Добрый день, уважаемые пассажиры, — сказала стюардесса фирменным голосом. — Экипаж приветствует вас...

Пассажиры внимали с удовольствием. Рейс был южный, отпускной. Граждане направлялись к морю и солнцу, пить вино, кушать шашлык и вообще всячески прожигать жизнь.

Пресняков, сидевший на кресле 13д, покосился на соседей. Справа, у окошка, сидела средних лет женщина. Слева — немолодой мужчина. Попутчики Преснякову понравились — полет обещал пройти весело.

— Интересно, сколько там сейчас градусов? — проговорил сосед слева. — Вчера было двадцать девять — по радио передавали.

— Как вы спокойны! — с завистью посмотрел на него Пресняков. — Оптимист!

— Не понял? — удивился мужчина.

— Что тут понимать? — вздохнул Пресняков. — Это все-таки пятый океан. Все может случиться...

— ...Кнопка вызова бортпроводника находится над вами, — сказала стюардесса. — А теперь попрошу всех застегнуть привязные ремни.

Пресняков взял концы ремня в руки, повертел и, критически хмыкнув, отбросил.

— Что, не застегивается? — спросил мужчина слева.

— Застегивайся не застегивайся... Какая разница? — грустно улыбнулся Пресняков. — В случае чего, сами понимаете... Но вы можете застегнуться...

Сосед уставился на замок своего ремня, пожал плечами и застегнулся.

— Правильно! — прошептал ему на ухо Пресняков. — Прежде всего — сохранять хладнокровие!

Сосед вздрогнул.

Самолет плавно тронулся с места и покатил к взлетной полосе.

Женщина справа оторвалась от окошка и улыбнулась Преснякову:

— Господи, наконец я в отпуск лечу! Прямо не верится!

— Вы, главное, не волнуйтесь! — ободряюще сказал Пресняков. — Взлетать гораздо менее опасно, чем садиться!

Женщина перестала улыбаться.

У края взлетной полосы самолет развернулся, моторы взвыли по-настоящему. Земля за окошком ринулась назад, ушла вниз, затем встала почти вертикально.

— Какие облака красивые, — сказала женщина. — Смотрите!

— Да,— подтвердил Пресняков.— Облака. Как раз в такой ситуации был этот жуткий случай над Бомбеем.

— Какой случай? — нервозно спросил мужчина.

— Тише! — громко сказал Пресняков.— Женщина не должна ничего знать!

— Чего знать? — заволновалась женщина.

— Спокойствие! — произнес Пресняков.— Вон наш пилот идет.

По салону в хвост прошел молодой человек в форме гражвоздухофлота.

— Молодой,— сказал, проводив его взглядом, Пресняков.— Совсем молодой. Опыта, конечно, никакого...

— Слушайте,— беспокожно проговорил мужчина.— Чего вы все переживаете? Бойтесь, что ли?

— За себя? — возмущенно сказал Пресняков.— Смешно... Но дети... У вас есть кому позаботиться о детях?

— Что такое? — нервно произнесла женщина.— Вы что-то знаете и скрываете! Я вижу!

— Спокойствие! — мужественным голосом сказал Пресняков.— Все будет хорошо. Может быть...

— Слушайте,— с наигранной бодростью сказал мужчина слева,— давайте лучше рассказывать анекдоты, а?

— Только приличные! — с надеждой сказала женщина.

— Само собой! — заверил Пресняков.— Значит, так. Летят в самолете русский, американец и француз. И вдруг у самолета крыло отвалилось...

Женщина ойкнула...

— Стойте! — дернулся мужчина.— Это неостроумный...

— Вообще-то да,— согласился Пресняков.— Лучше давайте про автомобилиста. Один поехал на машине в гости. Едет, едет, дорога ровная, никого нет. Ну, ду-

мает, и чего это говорят, что на автомобиле ездить опасно? Только подумал — на него самолет свалился!

Женщина с легким стоном откинулась на спинку кресла.

По салону обратно в кабину прошел пилот.

— Забегали! — сказал Пресняков. — Ох, я смотрю, забегали!

— Что такое?! Что?! — вскрикнули одновременно соседи.

— Неужели не слышите? — поднял брови Пресняков. — Вот, слышите? Мотор воеет: «Взззууууу!» А потом — «Вжжжжуууу!»

— Боже! А как надо? Как? — Женщина вцепилась в рукав Преснякова.

— Н-да, — покачал головой Пресняков. — Такой случай был над Атлантикой. Впрочем, при экстренной посадке...

— Мама! — Женщина закусила губу.

Мужчина поперхнулся валидолом.

Пресняков нажал кнопку. Появилась стюардесса.

— Товарищам плохо, — сказал Пресняков. — Болтанка!

— Что вы, — сказала стюардесса. — На такой высоте болтанки не бывает!

— Бывает! — прохрипел мужчина, выхватывая из рук стюардессы пакет.

— А вы говорите, не бывает! — сказал Пресняков. — Нигде порядка нет.

— Ну потерпите! — сочувственно сказала стюардесса. — Скоро садимся.

— Вот именно, — многозначительно сказал Пресняков. — Скоро самое главное! Посадка — это не взлет!

Стюардесса улыбнулась и отошла.

— Какая выдержка! — восхищенно сказал женщине Пресняков. — Держится, будто все в порядке!

Женщина заплакала навзрыд.

— Что такое? Что случилось? — С переднего ряда повернулось испуганное лицо.

— Мужайтесь! — глухо произнес Пресняков. — Шансов немного, но есть...

Самолет катился уже по посадочной полосе.

— ...Температура в городе — тридцать градусов, — сказала стюардесса. — Экипаж благодарит вас...

— Слыхали, тридцать! — Пресняков хлопнул соседа по колену. — Море-то небось кипит, а?

— До-мой, — с трудом пробормотал зеленолицый мужчина. — До-мой... поезд-дом...

Женщина только тихо всхлипывала.

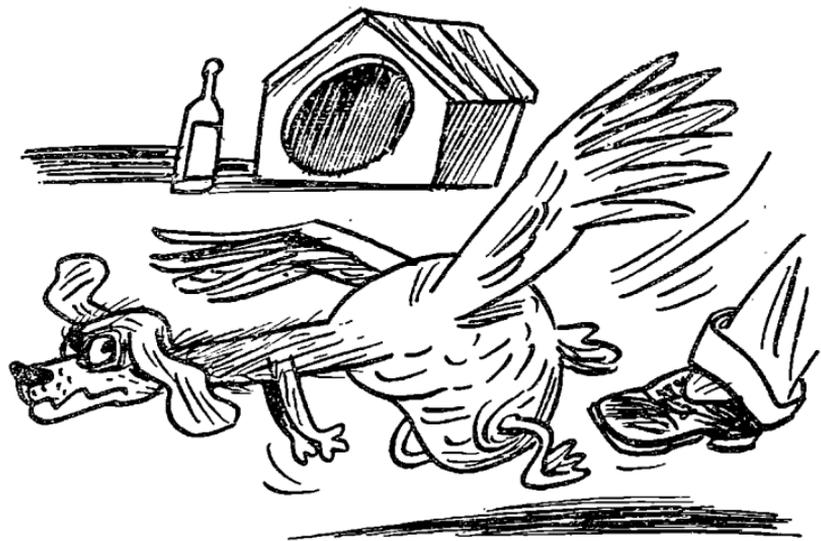
— До свиданья, девушка! — весело попрощался Пресняков со стюардессой, выходя из самолета. — Чудненько добрались!

Получив из багажа чемодан, Пресняков направился к автобусу. Дорога из аэропорта к дому отдыха шла по горам. Спуски, повороты, обрывы...

— Что-то мне у нашего автобуса тормоза не нравятся! — обратился Пресняков к соседу.

— Ннно! — радостно подхватил сосед. — Гробанемся, зуб даю! — И сосед захохотал.

«Вот жлоб!» — с досадой подумал Пресняков. И настроение у него испортилось.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

(Фантастика)

К Семену Стекольникову пришел в гости крестный. Кока пришел. Вернее, Семен сам позвал его в гости, потому что не мог больше молчать, а сказать никому, кроме крестного, он тоже не мог.

Ну, посидели, значит. И так размягчились душевно, и такое расположение ощутили друг к другу!..

— Слышь, кока,— сказал Семен.— Я тебе что сказать хочу.

— Говори! — сказал с большим чувством крестный.— Я, Сема, твой крестный, понял? Ты мне, если что, только скажи.

— Тут такое дело! — сказал Семен.— Нет, давай сперва еще по одной!

— Ну! — закричал кока.— А я про что?

Выпили, вздохнули, зажевали.

— Вот, кока,— сказал Семен.— Жучка щенка принесла!

— Жучка! — обрадовался кока.— Ах ты ж золотая собачка! Давай за Жучку, Семушка!

— Стой, кока,— сказал сурово Семен.— Погоди. У этого гада... У него крылья режутся.

— Ну и хорошо! — сказал крестный, берясь за стакан.— Будем здо... Что? Что ты сказал, Сема? Ты что мне сейчас сказал?

— Пошли! — решительно сказал Семен.— Пошли, кока! В сарае он. Пошли!

— Мать, мать,— только и сказал кока, когда они вышли из сарая.

— Ну? — спросил Семен, запирая дверь.— Видал?

— Мать, мать,— повторил глуповато крестный.— Как же это, а?

— Я, кока, этого гусака давно подозревал,— сказал Семен.— Идем еще по одной.

— Идем, идем,— послушно сказал кока.— А который гусак, Семушка?

— Да тот, зараза, белый, который шипучий! Тут, помню, мне не с кем было. Ну, я ему и плеснул. Вдвоем-то веселей, правильно?

— А как же! — значительно сказал кока.— Вдвоем — не в одиночку.

— Ну! — сказал Семен.— А он, гад, пристрастился. Он ведь и Жучку-то напоил сперва. Он, кока, давно к ней присматривался. Знал, что трезвая она б его загрызла!

— Сварить его надо было,— решительно сказал кока.

— Сварил, да поедно,— с досадой сказал Семен.— Прихожу тогда домой, говорю: «Жучка! Чего не ла-

ешь, стерва?» Молчит! Ну, думаю, сейчас я тебе дам — не лаять! Подхожу к будке, а он оттуда выскакивает! Ну, я за ним! Поймал, а он на меня как дышит!

— А где ж он взял? — спросил кока с сомнением.

— У станции, где же еще! — сказал Семен. — Клавка небось продала.

— А деньги? — спросил кока.

— Спер! — уверенно сказал Семен. — У меня как раз тогда пятерка пропала!

— Тогда, значит, Клавка, — решил кока. — За деньги ей все одно, кому продавать.

— Стерва толстая! — сказал Семен.

— И чего ж теперь делать? — сказал кока. — Утопить надо, Семушка!

— Вот, кока, — сказал Семен, понизив голос. — Сперва и я хотел утопить. А теперь я другое придумал. Я теперь, кока, в город поехать думаю. Так, мол, и так. Вывел новую породу собаки. Понял?

— Да что ты?! — ахнул кока.

— В газету пойду, — сказал Семен. — Или там в журнал. Скажу, порода, мол, для пограничников, понял? Большие деньги могут быть. Премия.

— Ах ты ж золотой мой! — восхитился кока. — Премия! А его ты это... с собой возьмешь?

— Нет, — сказал Семен, снисходительно поглядев на коку. — Я сперва сам... Мало ли что. Ты только дай корми здесь его, слышь, кока?

— Это уж, Семушка, ты не бойся, — уверил кока. — Уж мы покормим. А что он ест-то?

— А все жрет, — небрежно сказал Семен. — Неприхотливый...

В редакции научно-популярного журнала к Семену отнеслись дружелюбно.

— Вы, товарищ Стекольников, сколько классов закончили? — поинтересовался очень вежливо молодой сотрудник с черной бородкой.

— Это, допустим, неважно, — сказал Семен с достоинством, но на всякий случай стараясь дышать в сторону. — Ломоносов, между прочим, тоже был самоучка, — добавил он, сбивая спесь с бородатого.

— Что вы говорите? — удивился сотрудник. — Интересно... Только вот что, уважаемый товарищ. Журнал у нас научно-популярный, понимаете?

— Допустим, — с легким презрением сказал Семен.

— И я подчеркиваю слово «научно». Понимаете?

— Понимаю, — озлобляясь, сказал Семен. — По-моему, не дурак!

— Отлично, — сказал бородатый. — Тогда вам следует знать: то, что вы тут мне рассказываете, — это даже не мистификация. Это, как бы помягче... Вы, между прочим, вечный двигатель строить не пробовали?

Семен почувствовал, что это уже оскорбление.

— Вон, значит, как вы тут с трудящими говорите, — произнес он угрожающе. — Ясно! Сидите тут по кабинетикам!..

— Если хотите на меня жаловаться, — спокойно сказала борода, — ради бога. Редактор или его заместитель — по коридору направо. Но учтите, люди они пожилые, могут не выдержать и умереть.

— От чего это? — яростно спросил Семен.

— От смеха, — улыбнулась борода.

Семен вышел в коридор, поглядел на большую дверь с табличками «Главный редактор» и «Зам. главного редактора», выругался про себя и пошел прочь.

Вахтерша сельскохозяйственного института не хотела пускать Семена. Прием документов окончен, лишь опомнилась! А когда Семен сказал, что он не поступить приехал, вахтерша и вовсе рассердилась.

— Ни стыда ни совести,— привычно начала она.— Вчера вон двое вечером в аудитории закрылись. Еще, главное, врут — лабораторная у них! Знаем мы ихние лабораторные. Ни стыда у девок, ни совести... Нет, парень, давай иди отсюда... Куда?! — закричала она вдруг мужчине с портфелем, который быстро прошел мимо, и кинулась за ним. Семен воспользовался моментом и проскочил внутрь.

Его долго гоняли от одного к другому, пока наконец какой-то человек с изможденным лицом не выслушал его в коридоре.

— Слушай, старик,— сказал он.— Пойми. У меня на носу две конференции. Одна по неполегающим пшеницам, другая — профсоюзная. А тут — ты.

— Вы сами-то поймите,— сказал Семен.— Тут, может быть, всемирное открытие. Для пограничников...

— Вот именно,— задумчиво сказал человек.— С одной стороны, всемирное открытие. С другой — у половины института взносы не уплачены. Пора переизбираться к чертовой матери... Да и потом, что ты там говоришь? Собака с крыльями...

— Во-во! — сказал Семен.— Я, это, с помощью особого корма... На спирту...

— Собака на спирту,— повторил человек.— Не смешно, ей-богу. В общем, так. Я тебе дам телефон одного человека. Очень крупный ученый. Можно сказать, крупнейший. Ты позвони, он тебе скажет, как и что.

И, представив себе реакцию Бори Генкина, когда этот псих ему позвонит, человек с изможденным лицом слабо улыбнулся.

«Ну подожди, чокнутый! Я тебе это запомню!» — бормотал пунцовый от ярости Семен, спускаясь по

лестнице дома, где жил Боря Генкин. «Скажи ему, как он размножается! Видали? Все они!..»

Семен остановился, нацарапал на стене гадкое слово и вышел на улицу...

«Летний сезон в зоопарке», — прочитал он надпись на афишной тумбе.

Директор зоопарка глядел мрачно.

— Ну что? — неприветливо спросил он. — Опять крокодил?

— Какой крокодил? — опешил Семен.

— А такой! — еще мрачнее сказал директор и неожиданно закричал: — Вот я б их вешал!

— Это точно, — деликатно сказал Семен. — А кого вешать-то?

— А вот моряков этих! Которые себе домой крокодилов привозят! Он для смеха привезет маленького, а тот раз — и вырос! И чуть жену не сожрал! Он — ко мне: возьмите, избавьте. А куда я его возьму! Куда? У меня что, фонды из своего кармана?

— У меня не крокодил, — твердо сказал Семен. — У меня новое животное. Гибрид гуся и собаки. Я их, это, скрестил...

Директор зоопарка, багровея, стал подниматься из-за стола.

— Что-что? — зловеще прошептал он. — Помесь гуся?!

— Папаша! — Семен вскочил со стула. — Вы, это, сядьте...

— Я тебе сейчас покажу — папаша! — задышал директор. — Кто пустил?! — заорал он в дверь. — Кто его впустил?!

— Папаша! — повторил Семен. — Я прошу, папаша...

Неожиданно в кабинет влетела какая-то тетка в белом халате.

— Алексей Иванович! — закричала она с порога. — Началось!

Директор схватился за сердце и, забыв про Семена, ринулся из кабинета.

Семен тоже вышел.

— Куда это он как угорелый? — спросил он девочку-секретаршу.

— На роды, — равнодушно ответила девочка. — Матильда рожает, бегемотиха.

— Бегемотиха, значит, — желчно сказал Семен. — Интересно, девочка будет или мальчик? Если мальчик, пусть Лешей назовут.

— Почему это? — спросила девочка.

— А в честь директора вашего! — рывкнул Семен и вышел вон, грохнув дверью.

В котлетной было уютно и тепло.

— Я ему говорю: всемирное открытие, понял? — кричал Семен. — Откры-ти-е!

— Понял, — кивали оба небритых мужика, чокаясь стаканами.

— Он мне: тебе, говорит, учиться надо, понял? — распалялся Семен.

— Понял, — сочувствовали мужики, заглатывая утешающий напиток.

— Учиться! — яростно объяснял Семен. — А сам сидит, борода — во!

— Но, — согласно кивали мужики. — Этих, с бородой, мы знаем. Слава богу, с бородой!

Семен чувствовал понимание, которого ему до сих пор не хватало.

— Я ему говорю: гусак под этим делом был! А он мне: не может быть!

— Может! — утешали мужики. — Под этим делом все может!

— А этот говорит: не может! С бородой! — сказал Семен.

— Этих, с бородой, мы знаем,— сказал один небритый.— Вон, видал, еще один! Эй, борода!

— Нет! — сказал Семен.— Этот рыжий. А тот черный был.

— Это неважно,— строго сказал небритый.— Вот сейчас мы его спросим.— И, качнувшись, он подошел к мужчине со светлой бородкой.

— Слышь, друг, ты зачем моему другу не поверил?

— В чем дело? — спросил мужчина.

— А че ты грубишь-то? — спросил второй небритый, подходя.— Ты че моему другу грубишь?

— В чем дело? — повторил бородатый.— Вас, кажется, не трогают.

— Друг! — обратился один из небритых к Семену.— Он тебя трогал? Мы его не трогали!

— Всемирное открытие! — внезапно закричал Семен.— Для пограничников! Гады!..

И он с размаху стукнул пустым стаканом по столу...

Домой он вернулся через две недели.

— Семушка! — закричал крестный.— Ну как ты там?

Увидев взгляд Семена, крестный смолк.

— Ничего, Семушка,— пробормотал он.— Ничего, я после, потом зайду...

И крестный ушел, часто оглядываясь.

Семен подошел к Жучкиной будке, двинул по ней ногой. Оттуда выскочил рыжий петух и неверным шагом засеменил к забору. Семен поглядел на него, потом вытянул за цепь Жучку. Та даже хвостом не выгнула и не открыла глаз.

Семен бросил цепь и пошел к сараю. Отпер дверь, вошел внутрь.

— Беги! — раздался его злой крик.— Беги, пока я тебя не прибил!

Из сарая выскочило какое-то странное существо и остановилось. Следом выбежал Семен.

— Беги! — закричал он снова, поднимая с земли камень.— Ну!

Существо побежало — сперва медленно, потом все быстрее, выбежало за калитку и скрылось вдаль.

Семен поискал глазами, швырнул камень в петуха, но промахнулся...

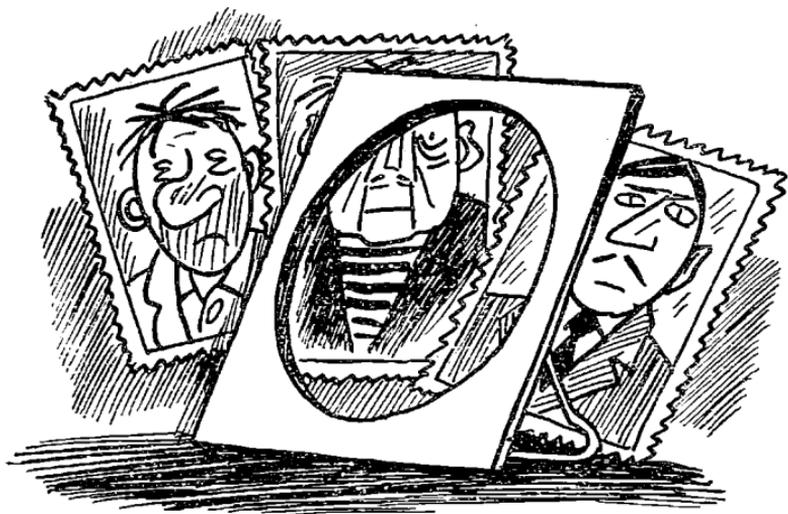
Жители разных широт видели в тот год удивительную птицу, летевшую в небе с криками, напоминавшими собачий лай.

На глазах у крестьян одной турецкой деревни птица напала на орла и обратила его в бегство.

Английский лорд, пересекавший океан на резиновом матрасе, рассказывал, что видел эту птицу над экваториальной Атлантикой. Впрочем, ему не очень поверили, так как лорд долго питался одним планктоном и мог наговорить ерунды.

Но спустя некоторое время пришло сообщение из Бразилии, что некоему мистеру Джеймсу Уокеру удалось подстрелить необычайную птицу с четырьмя лапами. Птица жалобно заскулила и, теряя высоту, скрылась за лесом. Найти ее не удалось. Мистер Уокер утверждал, что, скорее всего, она упала в реку и стала добычей крокодилов, которые водятся там в изобилии.

В тот самый день и час, когда было получено это сообщение, Семен Стекольников находился дома. Он стоял во дворе и, почесывая затылок, глядел на хрюкающего поросенка, у которого прорезались уже вполне приличные рога...

ВЕЗУЧАЯ

Подумать только! Они его осуждают! Говорят, как он мог так с тобой поступить! Как ты могла быть такой дурой? Сами они дураки! Они дураки, а он — умница. Я сразу, как мы познакомились, поняла, какой он способный: и читал, и писал, и расписывался. Он сказал, что расписка любви не заменяет. И правильно! Что, нет, что ли? А меня он всегда любил. И все делал, что я ни попрошу. Я ему говорю:

— Леша! Иди учиться!

Ну, он и пошел. Только, конечно, условие поставил, что тогда с работы уйдет. Ну и правильно! Его в вечерней школе всем в пример ставили, как он хорошо работу с учебой совмещает. А после школы он дальше пошел, в институт. Потому что его к знаниям уже сильно тянуло, а работать он уже не хотел. И

правильно! Что же он, двуужильный, что ли? И потом, я же сверхурочно взяла, неужели ж нам не хватало? Всегда нам хватало, особенно на него.

А после института пришел и диплом показывает. Я говорю:

— Леша! А я тебе за это костюм купила.

Он надел, ему так хорошо! Он говорит:

— Знаешь, по-моему, все-таки пора уже создать нормальную семью.

— Лешенька! Я этого давно жду!

— Вот и чудесно, завтра я тебя с ней и познакомлю.

Ну, я так обрадовалась... Потому что она такая начитанная, на рояле играет... А на свадьбе-то он меня сразу не узнал, потому что я на каблуках была. А потом узнал, говорит:

— Знаешь, тебе тоже пора... В жизни надо вовремя определяться!

Как он это сказал, у меня на него прямо глаза открылись: как он все правильно понимает! Действительно, думаю, пора!

И мне тут как раз очень Жора помог. Прямо очень. Потому что он, наоборот, мне сказал, что любовь без расписки — это не любовь. И тут же расписался. И не только расписался, но и прописался. И правильно. Мне ведь как раз квартиру дали. Вот он меня так сильно и полюбил. Полюбил и прописался, чтоб найти в моей квартире счастье, а его самого чтоб не нашли. Потому что его уже искали, за то что он алименты не платил той жене, которая была до меня. Той, что была до нее, он платил, потому что на той он женился по любви, а на этой потому, что уже ничего нельзя было сделать.

А все должно быть только по любви. И мы с Жорой все любовно решали и расстались любовно. В смысле, что квартиру я ему всю оставила. А как

же? К нему ведь как раз родственники приехали, чтоб его убить. Потому что это не его родственники, а той жены, которсй он не платил. А где ж им всем жить? Они ведь Жоре и детей в подарок привезли, про которых он еще не знал.

А я, как квартиру-то отдала, к маме переехала. У нее на двоих — в самый раз. Девять сорок. И работа близко: всего десять остановок трамваем.

Вот в трамвае я как раз с Николаем и познакомилась. Мы с ним рядом сидели. Вернее, это я сидела. Он-то лежал. А тут контроль.

— Это,— говорят,— ваш?

Я говорю:

— А что?

— Если,— говорят,— ваш, пусть дышит в сторону и билет покажет!

— А если,— говорю,— не мой?

— Тогда мы его заберем, потому что остальные тоже отказываются.

Я говорю:

— Вы так и будете везде забирать что плохо лежит?

Ну, тут шум, крик, женщины заругались — те, которые еще не замужем, с теми, которые уже...

Ну, я Николая на себе с поля боя вынесла, из общегития выписала и к маме прописала. Прописала и стала его ждать. Потому что его все-таки забрали. Потому что он, оказывается, давно на доске «Они мешают нам жить» висел. Вот его на время и увезли, чтоб не мешал.

Он уехал, а зато Леша приехал. Вернее, пришел. Даже прибежал. Потому что его жена, которая на рояле, выгнала. Потому что он на Шуберта сказал, что это Шопен. И она его выгнала, и он ко мне прибежал сказать, что все это из-за меня.

Я говорю:

— Лешенька, не волнуйся.

И к ней побежала. И ей объяснила, что это все из-за меня, потому что, конечно, мне надо было его музыке учить, а я не учила, и вообще на него не так влияла. Ну, они между собой и помирились. Между собой помирились, а со мной поссорились. Ну и правильно, сама виновата...

А тут как раз Николай вернулся, там из него сделали другого человека. Он теперь с сомнительными дружками не водится, а только с такими, у кого никаких сомнений. Вот он мне и говорит:

— А тебе уже пора как-то определяться.

Ой, как он так сказал, я прямо обалдела. Потому что я и сама всегда так думала, только сказать не могла. А вот Коля сказал! Прямо хоть в какую книжку вставляй!

Я ему хотела сказать, как я ему благодарна, но не успела, потому что он от меня ушел вперед, туда, где ему квартиру дали.

А у мамы на его месте теперь дети живут, но не его, а Жорины. Которые отовсюду понаехали, чтоб Жора им помог в жизни. А как он им поможет, когда он тут теперь не живет? Он отсюда переехал, где климат лучше и детей меньше.

А перед отъездом меня встретил, говорит:

— Тебе как-то надо определяться, а то ни с чем останешься!

Господи, думаю, какая я везучая, что со мной всегда рядом умные люди были! Вот и сейчас. У Жоринных детей уже внуки пошли. Один уже говорить начал. Я его купаю, а он мне говорит:

— Тебе, бабушка, пора найти свое место в жизни! Время идет!

Господи, думаю! Какой мальчик смышленный! Мне б до этого вовек не додуматься! А он прав! Смышленный мальчик!

ЛЮБИТЕЛИ

Они мне каждый раз звонят и спрашивают: что будет с отметкой? Я говорю: что значит «что»? Или я поставлю, или нет. Тогда они начинают говорить мне про честь спортивного флага. Я говорю: хорошо. Я натяну ему тройку.

Они говорят: наш спортсмен не может учиться на тройки!

Я говорю: хорошо. Я натяну ему четыре.

Они говорят: за что вы к мальчику придираетесь? У него же и так переживания — не идет удар слева.

— Я говорю: хорошо. Пятерка вас устраивает?

Они говорят: а больше у вас никаких отметок нет?..

Вот мои студенты часто удивляются: как это я так выгляжу, что мне никогда не дашь больше шестидесяти пяти, а мне уже пятьдесят восемь? И почему меня никакая хворь не берет, а если берет, то тут же отдает обратно?

И я отвечаю: спорт! Спортсменом я стал еще в школе. На первом же уроке физкультуры учитель сказал, что у меня выдающиеся способности. Он был прав. Если мне удавалось залезть на шведскую стенку, то снять меня могли только пожарные. А когда все сдавали бег на сто метров, учитель говорил, что мне бежать не надо, потому что у него на секундомере нет часовой стрелки.

Зато по физике и математике у меня были только пятерки.

Я закончил школу, а вместе с ней позади осталась и школьная физкультура. Впереди был большой спорт! В большом спорте я начал с малой золотой медали. Эту медаль получила моя собака за спасение утопающего. Как потом выяснилось, утопающим был я...

Зато мои курсовые работы были в университете лучшими.

После плавания был бокс. Прямой правый, левый боковой — все это оставило на моей личности неизгладимый след. На ринге я провел сто один бой и сдержал сто поражений. Сто первый противник посмотрел на меня и сказал, что не будет драться с тенью. Ему засчитали нокаут.

Зато в университете я получил диплом с отличием.

Этому не смогли помешать даже мои занятия скоростным бегом на коньках. Я занимался им один раз и пришел к финишу первым. Остальные остались лежать на льду: от смеха у них разъезжались ноги...

Одновременно с поступлением в аспирантуру я пришел в футбол. В команде меня приняли тепло,

тренер сказал, что таких защитников у них еще не было. На первой же тренировке центр нападения забил меня в правый верхний угол...

Выйдя из больницы, я защитил диссертацию и решил заняться парашютным спортом. Что может сравниться с чувством свободного полета? Только чувство мягкой посадки... Особенно полюбились мне прыжки на точность приземления. С первой же попытки я приземлился в самом центре креста. Это был крест «скорой помощи»...

Шло время. Мои спортивные вкусы менялись. Двойное сальто и тройной сальхов, бросок через бедро и крученая подача... И все-таки мне нигде так и не удалось подняться выше второго места, потому что нигде не было меньше двух участников...

Зато сейчас у меня кафедра, и я профессор. Правда, по-прежнему в моем портфеле вместе с научными статьями лежат вырезки из спортивных журналов, а когда по телевизору идет хоккей, от меня убирают все, что бьется. Я по-прежнему люблю спорт. Я люблю этих ребят, когда они победители и когда победители не они... И я помню, как в молодости мы ездили после работы на тренировку, держа в руках чемоданчики...

И вот, когда они зселят мне насчет отметки, я им все это рассказываю и говорю, что в наше время...

И они мне говорят: ваше время прошло. Сейчас спорт поднялся на новую ступень! Сейчас все иначе!

И я вижу, что сейчас все иначе. Сейчас в руках этих ребят не чемоданчики, а красивые сумки.

И я говорю: зачем вы хотите, чтоб все считали этого пловца моим студентом? Он же от этого не станет знать физику лучше. И хуже тоже, потому что хуже некуда. Так пусть он себе на здоровье плавает. А эти — прыгают, а те — бегают. И пусть все они выходят на стадионы и творят такие чудеса, от которых

у любителей спорта поднимается настроение и расширяются сосуды. Между прочим, расширять человеку сосуды — это очень достойное дело!

Тогда они мне начинают снова песню про то, что у мальчика перегрузки. Я говорю: знаете, у меня самого перегрузки, я устал. Пусть он принесет зачетку, и я поставлю. Они говорят: он сейчас на сборах в Армении.

Я говорю: хорошо, пусть придет почтой.

Они говорят: слава богу. Мы знали, что вы пойдете навстречу. Вы же любите спорт!

Я говорю: люблю. Я и сам бывший спортсмен. Спортсмен-любитель...

СТУПЕНЬКИ

Счас, мужики, счас... Счас все нормально будет... Счас мы ко мне сходим, у Нюрки моей десятку возьмем — и нам будет хорошо... Даже еще лучше... Коля! Это уже какой этаж?..

Чшшшшшш! Мужики! Чшшшшш! Тихо! Это уже моя дверь, понял! Видал, на двери слово нацаралано? Буквы узнаешь? Вот, значит, моя дверь... Чшшшшш, мужики. Пока я открываю, ложись отдыхай! У кого голова болит, об ступеньки потри — они холодные...

Счас, мужики, счас... Чего-то замочная скважина на ключ не надевается... Ни одна, ни другая... Откуда их тут столько?..

Ладно, черт с ними, счас Нюрку позовем. Потрясающая баба, мужики! Двадцать лет живем — ни ра-

зу участкового не вызывала. Он сам приходил... Нюра! Чшш, мужики! Чшшш! Счас я ее подготовлю... Нюра! Че у тебя там булькает? А? Чем, говорю, занимаешься в настоящее время?! Мужики, слышь, она стирает... Ну молодец, отдыхай! Нюра! Мы тут с товарищами собрались... Под дверями... На мальчишник... Слышь, Нюр, дай десять рублей! Десятку дай, слышь? Мужики, как я ей про десятку говорю, так у ей слух отказывает... Счас вот я дверь-то открою — у тебя и зрение откажет! Нюра! Последний раз объясняю: дай десятку в пинжаке! Что?! Что сказала?! А ну еще повтори! Все. Больше не повторяй... Я понял... Иди, булькай дальше... Сына моего позови! Митяню!

Слышь, мужики! Счас пацан мой придет! Вот такой пацан, мужики! Третий год в пятом классе! Усидчивый!..

Митяня, это ты? Митяня, это я... Мужики, это Митяня... Митяня! Чем занимаешься в настоящее время? А?! Уроки! Молодец! Учись, сынок! Папа твой учился, человеком стал... Митяня, в школе все нормально? Вызывали? Меня?! Ну вот, мужики, значит, нормально... По французскому за произношение двойка... Ну, скажи французенке, пусть меня ожидает. Скажи, папа придет, он тебе произнесет по-французски... Ты, скажи, со своих очков выпрыгнешь...

Слышь, Митяня, сходи к деду своему, возьми у него десять рублей. У него в пинжаке, в тряпочку завернуто... Скажи, у вас в живом уголке ежик голодный, ему булочку купить надо... Что?! Ты какое слово папе сказал?! Это что, тоже по-французски? Ладно, не переводи, тут народ языки знает... Деда сюда самого позови! Пусть сюда ползет, одуванчик лысый...

Мужики, не волнуйся, лежи пока... Счас дед пришлепает, папаша Нюркин... Вот такой дед, мужики! Ничего не соображает... Во — слышь, шуршит уже по коридору... Значит, минут через двадцать будет

здесь... Давай шевели коленками, кузнечик старый! Там в коридоре веник стоит, гляди не убейся!..

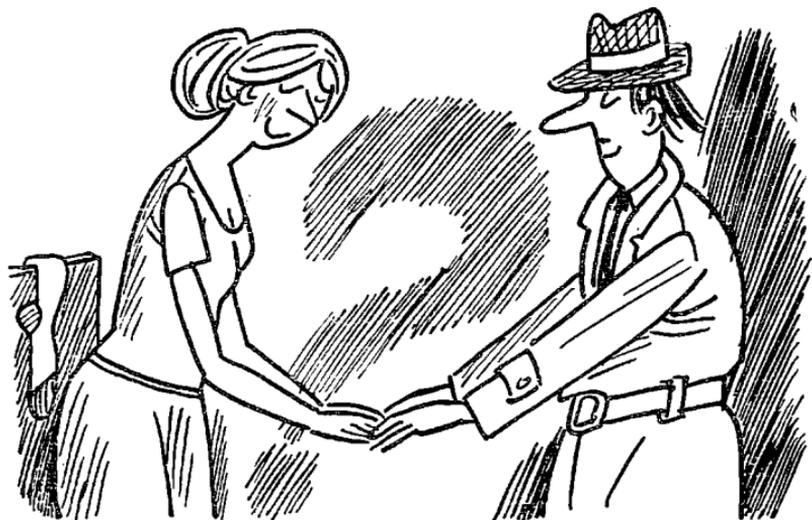
Дед, а дед! Чем занимаешься в настоящее время? Дай десятку! Тут у людей со здоровьем плохо! На тетрациклин не хватает! Слышь, мужики, он про десятку тоже не слышит! Дед! Приставь ухо к скважине! Ты что приставил?! Я сказал — ухо приставь!..

Вот я на тебя сейчас через щелку дуну — и кончусь, мотылек беззубый! Ну семейка, да, мужики?! Дед! Бабку давай сюда! Нахлебницу собесовскую! Что?! Слышь, мужики! Он говорит, она к парикмахеру ушла! У ее волосы слишком пышные! Понял, четыре волоса — и все пышные! Дед, давно она ушла? Что? Слышь, мужики, он говорит, она от него в тридцать шестом ушла... К парикмахеру... Дед! Ты зачем напился?! Ты какой пример ребенку подаешь?! То-то я думаю, что это у мальчика с французским плохо..

Все, дед! Давай Нюрку обратно! Официально ставлю вопрос: гоните десятку! А то тут народ уже разползается! Что?!

Слышь, мужики, она говорит, уже своему мужику дала... Нюра! Ты кого себе завела? Митяня, сынок! Скажи, кто к твоей мамане ходит? Мужики, он говорит, к ней его папа ходит... Мальчику двенадцать лет, но они его, видать, тоже напоили... Он уже не соображает, как его зовут... Митяня! Как тебя зовут?! Шурик??? Ну вот, мужики, я ж говорил... Шурик! А я тогда чей папа?! Мужики... слышь, мужики, они говорят, что я папа выше этажом... Ну, все ясно, мужики, все ясно... Мы с курса сбились... Слово на дверях сбило. Я его на каждом этаже писал, для ориентира...

Ну ничего, мужики, ничего... Давай выше этажом... Сейчас поднимемся — Нюрка нам сделает... И все отлично будет... Даже еще лучше...

СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

...Нет, конечно, я понимаю, случайные связи — это вообще... Конечно. Но так случайно получилось...

Потому что я тогда утром смотрю — а он ушел. То есть ничего такого — ни скандала, ни разрыва... Ушел, и все... Нет, так он хороший был. В смысле — неплохой. В смысле — бывают хуже, но я не встречала... И лучше не встречала. В общем, такой, знаете, брови, плечи... Ну вот, а лица не вспомнить. Цепляется что-то в памяти, но не то... Потому что это уж когда было-то... Уже и Коля у меня в школу ходит...

Вот. А тут вдруг этот звонок. И голос такой. Наверное, не туда попал.

Говорит:

— А давайте в кино встретимся?

Я говорю:

— Я с незнакомыми не встречаюсь.

Он говорит:

— Ладно, только не опаздывайте...

И вот мы рядом сидим, и фильм такой — музыка, и лошади, и все цветное... И я на экран смотрю и вижу, как он мою руку гладит...

А свет зажгли, он говорит:

— Мне фильм ничего, а вам?

Я говорю:

— Ничего, а вам?

Он говорит:

— Почему? По-моему, ничего...

А оба мы фильма-то и не видели...

Он говорит:

— Я вас провожу?

Я говорю:

— Ни в коем случае!

Он говорит:

— Вот и чудесно...

И вот мы идем, идем... И улица, и музыка, и все цветное... И вот мы у подъезда моего стоим, он мою руку держит... А он милый такой — брови, плечи... Только замерз. Надо бы, наверное, его к себе пригласить, да как-то, знаете...

Он говорит:

— Как у вас уютно!..

И вот мы сидим, у него вино случайно... И смех, и глаза такие... И пальцы горячие... И смотрю — а лицо такое знакомое — смутно-смутно... И вижу, он в памяти тоже что-то нащупывает...

Говорит:

— А вас что, муж бросил?

Я говорю:

— Нет, ушел. А вас?

Он говорит:

— Нет, я сам ушел.

Я говорю:

— Может, еще все хорошо будет.

Он говорит:

— Поздно уже...

А когда спит, он во сне такой беззащитный...

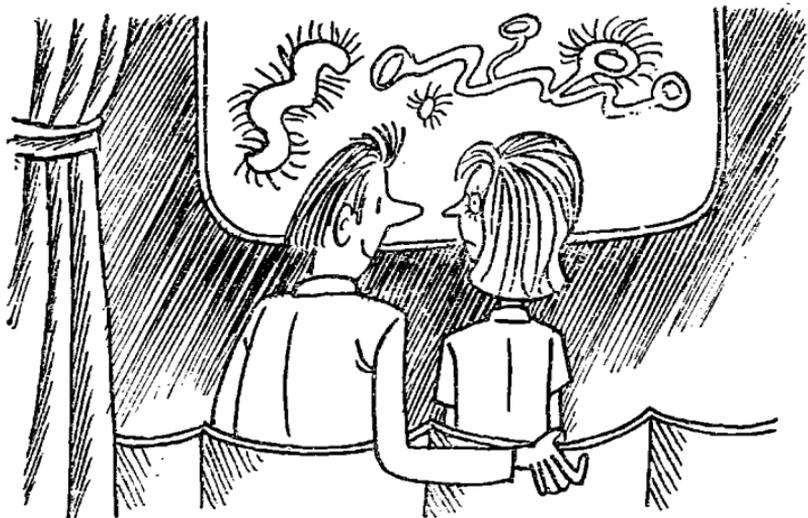
А утром смотрю — а он ушел. Только паспорт оставил, случайно.

Разглядывать чужое как-то, знаете... Смотрю, а мы однофамильцы! А в паспорт карточка вложена — мальчик. Смотрю, на Кольку моего похож — ну близнец прямо! И на него похож... А самое-то смешное — он и прописан по моему адресу!

Надо ему туда письмо написать.

Придет за паспортом — вот посмеется!

Если, конечно, письмо дойдет.

СПЛОШНОЙ ЛЕЛЮШ

Вызывают меня и говорят:

— Пойдешь завтра членом жюри, кинофильмы оценивать.

Я говорю:

— Не пойду. Я только что выставку служебных собак открывал.

Они говорят:

— Собаки собаками, а об киноискусстве тоже проявляется большая забота.

Я говорю:

— Ребята, мне втулки точить надо. И потом образования у меня не хватает.

Они говорят:

— Мало ли у кого чего не хватает! Главное, нутро у тебя здоровое. Да ты не бойся, там еще одна с

ткацкой фабрики направлена. У нее опыт есть, она конкурс виолончелистов судила.

Ладно, прихожу в указанное время в назначенное место. Все уже в сборе. Мужики все в замше, женщины — в париках, ткачиха — в юбке. Со мной все — за руку. Потом главный подходит, тоже за руку.

— Вы, — говорит, — с шарикоподшипникового?

— Ну я, — говорю.

— Надо будет, — говорит, — высказать мнение по поводу новой картины «Судьба Антонины».

— Ясно, — говорю. — Мнение мое — положительное!

Он говорит:

— Обождите...

Я говорю:

— Тогда — отрицательное!

Он говорит:

— Не волнуйтесь. Тут такое правило, что сперва надо посмотреть.

Ну, стали все перед экраном рассаживаться. Парик — замша, парик — замша... А я рядом с ткачихой сел. Только свет погасили, чувствую — ткачиха хорошая.

И началось кино. В смысле — цирк!

Потому что кто кого играет — не понять. Звука нет, одна музыка. Изображение, правда, есть. Но не цветное, а черно-белое. Причем белого мало. А потом и черное пропало.

Вот как оно пропало, одна замша и говорит:

— Это же надо, какие съемки! Прямо Лелюш!

И все вокруг тоже шепчут:

— Какой Лелюш! Какой Лелюш!

И ткачиха мне тоже говорит:

— Какой нахал!

Я ей хотел сказать, что я тут ни при чем, просто съемки такие — не видишь, куда руку кладешь...

Тут как раз снова изображение появилось. Только зря оно появилось, потому что звук пропал. Тут какой-то парик опять говорит:

— Это ж надо, какой монтаж! Прямо-таки рука Феллини!

И все опять:

— Рука Феллини! Рука Феллини!

И ткачиха мне тоже:

— Это ваша рука?

Я говорю:

— Нет. Это рука Феллини.

И тут — бац! Пленка оборвалась. На самом интересном месте! Ну, свет зажгли — оказалось, это не обрыв пленки, а конец фильма. И все жюри сидит как бы потрясенное. И я со всем жюрием тоже сижу вроде бы потрясенный.

Но вот встает главный и говорит, что только что мы увидели интересный фильм самобытного мастера и надо бы нам об этом фильме поговорить и поспорить.

Ну, встает первая замша и начинает спорить, что ему тут сидеть было очень волнительно, потому что он тут увидел манеру Пудовкина.

Я ему хотел сказать, что, во-первых, не Пудовкин, а Пуговкин. А во-вторых, где он тут его видал? Я лично не видал.

Но тут встает второй, только не в замше, а совсем лысый, и говорит, что ему, наоборот, очень волнительно. Но не потому, что тому было волнительно, а потому, что он тут почувствовал Эйзенштейна.

Так они все поговорили и поспорили. Снова подымается главный и говорит:

— А теперь, товарищи, хочется заслушать интересное мнение нашей общественности с шарикоподшипникового завода, для которой мы и создаем все наши произведения.

Тут ко мне все обернулись, смотрят, вроде бы им интересно, что же я про ихнее кино скажу. А мне это и самому интересно.

Ну, напрягаю память и начинаю, что наш участок план по втулкам в прошлом квартале перевыполнил. И в этом тоже успешно претворяет. Чувствую, что им все жутко волнительно. Читаю дальше, про себестоимость, потом говорю, что ихнее произведение оставило во мне неизгладимый след. И что особенно взволновал меня образ Антонины, который воплощает в себе...

Ну, чего он воплощает, я сказать не успел, потому что входит в зал какой-то парень и что-то на ухо главному шепчет. И тот встает и говорит, что всем им бесконечно важна моя оценка образа Антонины, но только механик извиняется, потому что он по ошибке нам вместо Антонины показал кино из жизни вирусов. И поэтому давайте, говорит, сперва посмотрим настоящую картину, а потом я продолжу свой глубокий анализ.

Я сперва хотел ему сказать, что за один отгул два раза анализировать дураков нет. Да потом раздумал: кино-то бесплатно тоже не каждый день...

Ну, опять свет погас, музыка пошла, скрипочки... Замша опять талдычит:

— Ах, Феллини! Ах, Антониони!

А я рядом с ткачихой сижу — мне это все сплошной Лелюш, Лишь бы пленка не обрывалась...

ЭКСКУРСАНТ

Меня тетка все к себе на дачу звала: приезжай, свежий воздух, опять же на огороде поработаешь.

Ладно, уговорила. В выходной надел джинсы старые, футболку, поехал. По грядкам поползал, в сзере искупался, дров тетке наколол. Тетка, молодец, за ужином поставила. Ну, я принял под грибочки, настроение нормальное. Спасибо, говорю, тетка. Будь здорова.

Иду на станцию, сажусь в электричку, еду в город. Приезжаю. На вокзале — давка, все с чемоданами, с узелками. Многие трезвые. Поносило меня по перрону, помяло и на привокзальную площадь выбросило. Прямо к автобусу. Но не к нашему, а к интуристовскому. Их сейчас в городе тьма. Ну, понятно,

летний сезон. За границей сейчас только наши посольства, а все иностранцы — здесь, под видом туристов.

Пробираюсь мимо ихнего автобуса к своему трамваю, как вдруг налетают на меня человек тридцать, обступают, по плечам хлопают, «Джек!» кричат.

— Вы что, говорю, ребята? Лишнего взяли, что ли?

Они не слушают ничего, орут, жуют, все, как я, в футболках старых, джинсы заплатаанные — сразу видно, из зажиточных семей народ, буржуа.

Я только рот снова раскрыл, как из автобуса еще одна выскакивает. Тоже вся в джинсах, но уже без заплат — переводчица, значит.

Тоже «Джек!» кричит, ко мне подскакивает и по-английски шпарит. Ну, я вспомнил, чему меня в школе учили, и на том же английском отвечаю:

— Данке шон!

На всякий случай перевожу:

— Чего прицепилась-то?

А она с улыбочкой:

— Да-да, я очень рада, что вам нравится наш язык, но только пора ехать в отель.

Эти все услышали, тоже закричали: «Отель, отель!», меня в кольцо и — в автобус. Переводчица впереди уселась, а остальные иностранцы — кто куда. Кто песни поет, кто целуется, а кто смирно сидит, уважая местные обычаи.

Я говорю:

— Ребята! Пустите меня отсюда, потому что мне завтра на работу в полшестого вставать.

Они как захохочут. «Джек!» — кричат и пальцами себя по шее щелкают. Уже наши жесты перенять успели.

Тут автобус поехал. «Ладно, — думаю, — у гостиницы выйду. Дай пока хоть город посмотрю». Еду, смотрю

рю. Своеобразный у нас такой город, оказывается. Шпили какие-то, купола. «Надо, — думаю, — будет ребятам показать...»

Вот автобус тормозит, дверь открывается. Эти все орут: «Отель! Отель!»

Я так вежливо говорю:

— Спасибо, джентльмены, за поездку.

Но они меня опять не слушают, опять в кольцо и в гостиницу. Там нас администратор встречает.

Я к нему.

— Товарищ, — говорю. — Пошутили — и хватит! Давайте я отсюда пойду, потому что мне завтра в утро выходить.

А переводчица администратору говорит:

— Вы не удивляйтесь. Этот от самой границы все пьет, уже и родной язык забыл.

Тут переводчица двоим чего-то по-английски шепнула, которые поздравнее. Те ей говорят: «Йес!», меня под руки берут, в номер ведут, кладут на кровать и дверь за собой запирают.

Ну до этого я раз в гостинице уже жил. В средней полосе. Тоже в люксе. В смысле — с водопроводом. Горячей, правда, не было, зато холодная — почти каждую неделю. И соседи по люксу симпатичные попались, все семеро. А тут соседей — один телевизор. Ну, я включил, поглядел. Как же, думаю, отсюда выбраться? Пока думал — заснул.

Проснулся уже в автобусе. Эти-то, сразу видно, буржуа, никакого чувства локтя: сами позавтракали, а меня голодного в автобус отнесли.

«Ладно, — думаю, — придет время, за все ответите!» А мы тем временем уже к музею приехали. Я на часы смотрю: все, считай, прогул поставили.

«Черт с вами, — думаю. — Не первый раз... Посмотрю хоть, что это за музей такой». Помню, в школе-то в зоопарк ходили, впечатления хорошие.

Тут оказалось не как в зоопарке, но тоже красиво. Картины висят, тетка к нам вышла, у каждой картины останавливается и по-английски объясняет. Я сперва-то молчал, не хотел знание русского языка показывать. Потом все-таки говорю:

— Я извиняюсь, а сколько, например, вот эта картина может стоить?

Тетка прямо позеленела вся.

— Как вы можете? — кричит. — Это же искусство! Это в вашем обществе привыкли всё на деньги!

Я говорю:

— Тихо, тетка, я свой!

Она говорит:

— Тем более стыдно, раз вы переводчик!..

В автобусе эта девица, переводчица, опять подсаживается и опять по-английски. Отвечаю ей на том же языке, но с сильным шотландским акцентом:

— Пошёл ты!..

— Ой, — говорит, — у вас к языкам большие способности. А сейчас, Джек, мы едем на экскурсию на завод.

А мне уже все равно.

Только когда мы приехали, стало мне уже не все равно. Потому что приехали мы к проходной родного моего предприятия, где мне сегодня надо было находиться с восьми утра.

— Стойте! — кричу. — Не желаю на ихний завод! Я, может, в ресторан желаю!

Как же! Берут меня в кольцо и в проходную тянут. И ведут напрямик к моему участку. Выходит к нам Фомичев и от лица трудящихся нас тепло приветствует. Потом на меня смотрит и говорит:

— Ну до чего этот мистер похож на одного нашего рабочего! Жаль, он сегодня не вышел, заболел. Скорее всего... А то бы им очень интересно было бы друг на дружку посмотреть.

Потом Фомичев рассказал нам о наших успехах, оборудование показал, на вопросы ответил.

Я тоже вопрос задал:

— Извиняюсь, мистер Фомичев, а если тот ваш рабочий, скажем, не заболел, а прогулял, тогда что?

Фомичев говорит переводчице:

— Скажите этому мистеру, что его вопрос — это провокация в духе холодной войны и что, во-первых, у нас прогульщиков нет, а во-вторых, с каждым днем становится все меньше и меньше!

Ну, потом расписался я еще в книге почетных посетителей, написал, что посещение завода запомнится мне на всю жизнь.

После завода переводчица говорит:

— Сейчас поедем в гостиницу, а потом осмотрим новые жилмассивы.

То ли это она по-русски сказала, то ли я уже английский стал понимать, но только думаю: «Дудки! Мало мне завода, этак мы еще ко мне в квартиру придем. У меня обеда на всех не хватит. Придется милицию звать».

Но обошлось без милиции. Потому что только мы к гостинице подъехали — глядим: у входа два швейцара одного туриста под мышки поддерживают. Мей, его как увидели, чуть с ума не сошли. «Джек! — кричат. — Джек!» Короче, это их настоящий Джек нашелся.

Я гляжу — и правда, похожи мы с этим другом, как близнецы, только он вышел больше.

Ну, все к нему вместе с переводчицей бросились. И я бросился. Но в другую сторону...

А назавтра прихожу на работу, ребята говорят:

— Слушай, тут вчера иностранцев водили. До чего один мужик на тебя похож был, представить не можешь.

— Почему? — говорю. — Вполне возможно.

— Да нет, — говорят. — Так-то он похож, но по глазам сразу видно — сволочь. Все про твою получку интересовался. А сам небось миллионы гребет.

— Ясное дело, — говорю. — А может, и миллиарды!..

И пошел я искать Фомичева, чтоб прогул мне не ставил. Что, мол, тетка заболела, и все такое. А то он потом оставит без премии — и все.

ГОЛОС

Тот день начался как обычно.

Валюшин проснулся, полежал, глядя в потолок, потом сел и зевнул. Из кухни слышалось шипение — супруга готовила завтрак. Валюшин встал, натянул брюки, пошел в ванную. Побрившись, он направился в кухню, чтобы сказать супруге: «Скорей, а то из-за тебя каждый день опаздываю!» Валюшин открыл рот и...

— Товарищи! — раздалось в кухне. — Работники нашего предприятия единодушно поддерживают почин коллектива кондитерской фабрики — работать только без опозданий.

Звук шел из Валюшина.

— Сделай потише! — не оборачиваясь, сказала супруга. — Весь дом разбудишь.

Валюшин хотел сказать, что это не радио, но внутри него что-то всколыхнулось, и изо рта вылетело:

— Растет радиотрансляционная сеть города. Разнообразными стали передачи, ширится их тематика...

Испуганно уставившись на жену, Валюшин замолк. Жена посмотрела на него.

— Гриша, — сказала она, — если ты это из-за того, что мама просит с ремонтом подождать, так постыдился бы!

Валюшин хотел возразить, но почувствовал, как внутри опять что-то заколыхалось, и скорее закрыл рот ладонью.

Молча прожевав завтрак, Валюшин вышел на улицу. Подошедший автобус вывел его из задумчивости. Валюшин проник внутрь и был сжат до половины естественного объема. Кто-то уверенно встал ему на ногу. Валюшин попытался вывернуться, чтобы сказать этому хаму пару ласковых.

— Товарищи! — выскочило из него. — Мы, пассажиры автобусного маршрута номер пять, как и пассажиры других маршрутов, испытываем чувство горячей благодарности к работникам автобусного управления. День ото дня улучшается работа транспорта, на карте города появляются новые маршруты...

В автобусе стало очень тихо. Даже дизель перестал чихать. Валюшин с ужасом вслушивался в прыгающие из него слова.

— Достигнутые успехи не пришли сами собой! — звенело в автобусе. — Это плод кропотливой работы...

Вырвавшись на воздух, Валюшин постоял, тяжело дыша, и решил сказать что-нибудь для проверки самому себе. Сначала он попытался ругнуться. Попытка удалась. Он сделал еще несколько успешных попыток и заторопился на службу, решив сегодня говорить только в случае крайней необходимости и, если будет время, забежать в медпункт,

Валюшину удалось молча поработать до обеда. Затем его позвали к начальнику отдела.

— Как дела с проектом? — спросил начальник. Валюшин насушился.

— Тут такое дело, — сказал начальник, — я у тебя Голубеву хочу забрать. Группа Змеевича защищается.

Валюшин хотел стукнуть кулаком по столу и высказать все, что он думает об этой практике постоянной перетасовки сотрудников и о Змеевиче лично, и что если заберут Голубеву, то он сорвет, к чертям, все сроки, и вообще снимает с себя ответственность.

Валюшин стукнул по столу кулаком и услышал свой победный голос:

— Трудящиеся моей группы, как и весь отдел, испытывают чувство небывалого подъема. Энтузиазм, вызванный переводом сотрудника Голубевой в группу товарища Змеевича, является надежной гарантией выполнения и перевыполнения...

— Постой! — сказал встревоженный начальник. — Это все, конечно, правильно, но...

— Нельзя стоять на месте! — выскочило из Валюшина. — Надо беречь каждый час, каждую минуту. Включившись в поход за экономию рабочего времени, наша группа...

— Перестаньте гаясничать! — обозлился начальник. — Скажите Голубевой, пусть подключается к Змеевичу. Идите!

С красными пятнами на лице Валюшин сел на свое место. Сослуживцы подходили с какими-то вопросами, но Валюшин, сжав зубы, молчал.

Перед тем как пойти в медпункт, Валюшин нажал про то, что с ним произошло, на листке бумаги.

— Раздевайтесь, — прочитав листок, строго предложила Валюшину девушка в белом халате с переброшенными через шею резиновыми трубочками.

Валюшин оголил торс. Девушка довольно ловко сунула себе в уши концы трубочек и приложила к животу Валюшина холодный кружок стетоскопа. По окончании прослушивания она потребовала, чтобы Валюшин открыл рот и сказал «а».

— Аааа,— осторожно сказал Валюшин.

— Бюллетеня не дам,— категорически объявила девушка.— Нёбо чистое.

Валюшин пришел в ярость. «Какое, к чертям, нёбо?! — хотел он закричать.— Какой ты, к черту, врач!»

— Невиданных успехов добилась медицина! — рывкнул он вместо этого.— Полностью побеждены такие болезни, как чума, брюшной тиф, сибирская язва...

Далее шедший из Валюшина голос отметил прогресс в лечении наследственных заболеваний, после чего перешел к вирусологии. Объявив, что прежде в горных районах Алтая вообще не было врачей, а теперь их там больше, чем в странах Бенилюкса, Валюшин выскочил из кабинета в коридор и из коридора на улицу...

Последнее в тот день выступление Валюшина состоялось в «Гастрономе», где он покупал с горя «маленькую», в то время как его голос произносил яркую речь о достижениях антиалкогольной пропаганды. Люди, стоявшие у прилавка, посмотрели на Валюшина с уважением и позволили взять без очереди.

Валюшин пришел домой поздно. Он долго ворочался в постели, а в голове его ворочались тяжкие мысли...

На следующий день Валюшин написал заявление и явился в милицию.

— Кого подозреваете? — спросил лейтенант, изучив заявление.— Может, над вами подшутил кто-нибудь?

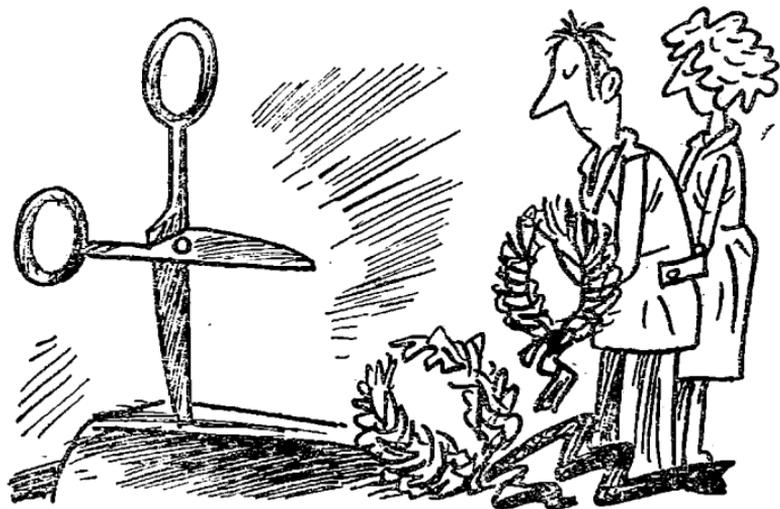
Со слезами на глазах Валюшин рассказал лейтенанту о росте преступности в странах капитала, упомянул недобрым словом торговлю наркотиками, клеймил индустрию игорного бизнеса, после чего забрал заявление и ушел.

После этого Валюшина повели на прием к светилу.

Светило скрупулезно обследовало Валюшина, изучило данные анализов, посопело...

«Ни черта мы, медики, не знаем,— подумало светило.— Ничего я у него не нахожу. Ну что ему сказать?»

И светило призадумалось...

ДЕВЯТЬ ДЕСЯТЫХ

Сначала я пустил горячую воду. Затем, постепенно добавляя холодную, установил свою любимую температуру — не слишком горячо, но в то же время чтобы руки интенсивно прогревались. Я намылил руки душистым мылом — мылил долго и тщательно, — затем мыло смыл. Потом я вытер руки насухо махровым полотенцем; полотенце было жестковатым, но приятным на ощупь. Повесив полотенце на изогнутую теплую трубу, чтобы оно скорей высыхало, я сделал разминку пальцами рук — сгибал их в разные стороны и разгибал. Затем со стеклянной полочки левой рукой взял ножницы, блестящие, новые, слегка изогнутые на концах, продел в кольца ножниц большой и средний пальцы правой руки и пощелкал ножницами в

воздухе. Чуть туговаты были ножницы, но щелкали хорошо.

Начал я с левой руки. Подогнув все пальцы, я оставил вытянутым вперед один мизинец и принялся аккуратно стричь, медленно поворачивая мизинец так, чтобы линия среза была ровной и закруглялась плавно. После горячей воды ноготь стал мягким и хорошо поддавался, не крошился на отдельные кусочки, а отходил сплошной тоненькой стружкой, таким светлым полумесяцем.

Мизинец удался! Ни малейшей зазубрины, ни мельчайшей неточности. Тут было изящество, которое не бросалось в глаза, но тем не менее не могло остаться незамеченным. Да, мизинцем можно было гордиться.

Перед тем как приступить к безымянному пальцу, мне пришлось сделать небольшую паузу: я куда-то поступал, потом что-то окончил — кажется, институт. Но это было, пожалуй, даже кстати: ведь безымянный палец очень труден, он гораздо менее подвижен и послушен, чем остальные, и к нему нужно приступать отдохнувшим и свежим. Разумеется, самое сложное — это безымянный палец правой руки (если вы не левша), но и левый — тоже не подарок...

Когда наконец я вытянул безымянный палец вперед, мизинец тоже поднялся вверх, будто был связан с безымянным каким-то соглашением. Это меня позабавило и даже как-то тронуло.

Я уже поднес к пальцу ножницы, уже развел кольца, как вдруг ударил телефонный звонок. Сердце заколотилось.

Я снял трубку. Какой-то женский голос. Из разговора я понял, что звонила моя невеста. Ну разумеется, я не забыл, что сегодня наша свадьба. Впрочем, оказалось, что свадьба состоялась накануне... Там положили трубку.

Этот звонок внес какое-то смятение, и, вернувшись в ванную, я долго не мог успокоиться. В самом деле, если свадьба уже была, значит, все хорошо, тогда звонить было незачем. Если же свадьбы не было, то тем более нечего было звонить... Все это было странно.

От нервного возбуждения руки стали холодными. Я снова открыл кран и подержал руки под горячей водой, вытер высохшим уже полотенцем и вновь взял ножницы. Вновь вытянул я безымянный палец, отчего мизинец вновь поднялся немедленно, и это меня немного успокоило.

Я весь погрузился в работу. Кажется, снова что-то звенело — телефон или звонили в дверь. Впрочем, быть может, это мне просто казалось. Однако, когда я закончил этот нелегкий палец и смог перевести дыхание и расслабиться, я услышал, как за дверью кто-то сказал:

— До свидания, папа!

Потом шаги простучали в коридоре, хлопнула входная дверь. Папа? Кто это был? Кто с кем прощался в моей квартире? Может быть, со мной? Но почему «папа»? Очень любопытно...

Со средним пальцем не было абсолютно никаких хлопот. Четкое движение ножниц — и линия среза здесь могла бы соперничать с линией мизинца.

Так же славно удался и указательный палец. И тут какое-то неприятное предчувствие заставило меня вздрогнуть. Предчувствие не обмануло. В тот самый момент, когда я был уже готов приступить к ответственной работе большому пальцу, дверь ванной распахнулась и какая-то женщина с порога закричала на меня:

— Я ухожу. Я больше не могу! Я хочу еще немного пожить нормально!..

Она была, пожалуй, средних лет, в ее гневном лице

было что-то знакомое. Я не успел ничего сказать ей, я даже не успел положить ножницы на полочку, как она резко повернулась и исчезла за дверью. Потом я услышал голоса, какой-то шум — кажется, выносили мебель. Это было ужасно: нет ничего хуже, чем шум, когда требуется сосредоточенность и внимательность.

Тем не менее мне удалось довольно быстро и качественно закончить большой палец, и, внимательно осмотрев все, сделанное на левой руке, я остался весьма удовлетворен.

Я не мог бы точно сказать, когда именно впервые услышал звуки рояля. Кажется, это произошло сразу после того, как я переложил ножницы из правой руки в левую. Да-да, кто-то медленно выводил гаммы, хотя я точно помнил, что рояля у меня нет. С того момента музыка не прекращалась. И не только музыка!

Теперь я часто слышал из-за двери самые разные звуки, причем они, по-видимому, шли даже не из комнат, а вообще откуда-то извне.

Звуки то усиливались, то слабели. Это были возгласы, топот ног, тархтенье трактора, гул толпы, гремели марши, раздавался плеск аплодисментов, шелест деревьев, завывание ветра... Прежде я этого не замечал, а теперь, возможно, где-то открылось окно или что-то другое случилось, во всяком случае, как плотно ни прикрывал я дверь ванной, как ни затыкал щель под дверью тряпкой, избавиться от шума я не смог.

Ничего не оставалось, как приспособливаться. Это было непросто, потому что, едва ухо привыкало к возгласам, тархтенью и аплодисментам и переставало их замечать, фортепьянные гаммы становились особенно раздражающими.

Где-то между большим и указательным пальцами правой руки я впервые почувствовал боль в пояснице — сказалось постоянное напряжение спины. С это-

го времени я стал работать сидя. Сидел я на краю ванны, это было неудобно, но поясница так болела меньше. После указательного пальца снова пришлось прерваться — что-то случилось с моей матерью... А затем возник новый отвлекающий фактор — в доме появился ребенок. Плач слышался чуть не ежечасно. Зато прекратились гаммы, вместо них теперь звучали довольно сложные пьесы.

Однажды я совершенно отчетливо услышал незнакомый мужской голос, который сказал: «Попроси его, в конце концов это его внук!» А женский голос, тоже незнакомый, ответил: «На него нельзя оставить даже собаку». Да, несомненно, в доме завелась собака. В дверь неоднократно скреблись, и часто раздавался залиvistый лай.

Трудности множились. К среднему пальцу ножницы сильно затупились и почти сплошь покрылись ржавчиной. Неизвестно отчего стали дрожать руки — сперва мелкой, почти незаметной дрожью, а затем все сильнее. А ведь мне предстояло заняться безымянным пальцем правой руки — самым сложным из всех!

Призвав всю волю и весь опыт, я приступил к делу. На рояле в этот момент превосходно играли Двенадцатую рапсодию Листа. Трудно было не слушать, тем более что слух мой обострился до чрезвычайности. Скорее всего, это было связано с тем, что к этому времени я уже полностью потерял зрение. Контролировать качество работы я мог теперь только ощупью. И судя по всему, безымянный палец правой руки удался даже лучше своего левого собрата.

Итак, оставался только мизинец правой руки — последний!

И тут случилось непредвиденное — я уронил ножницы. Превозмогая боль в пояснице, которая стала теперь уже постоянной, я опустился на корточки и стал шарить руками по полу. Сквозь щели доноси-

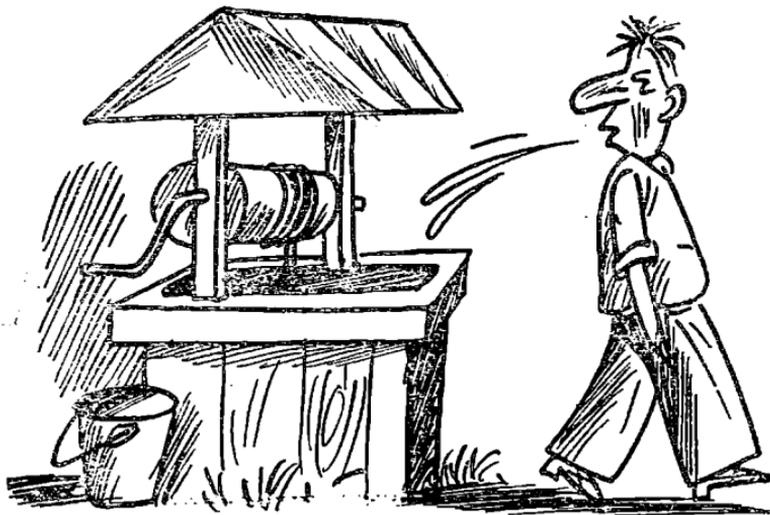
лись звуки — чирканье, шум листвы, детский смех, удары по мячу, журчание воды... Надо всем царил ноктюрн Шопена.

И вот, когда я нащупал ножницы левой рукой, что-то острое кольнуло меня в грудь. И я почувствовал, что куда-то лечу... Потом меня несли. Я лежал строго и прямо. Левая рука сжимала ржавые ножницы — видимо, их пытались отобрать у меня, но не смогли.

Если бы я мог еще чувствовать, я бы чувствовал удовлетворение: не каждому удается выполнить задуманное на девять десятых, как удалось мне.

Если бы я мог еще слышать, я бы услышал, как ноктюрн Шопена перешел в какую-то другую мелодию.

Кажется, в его же траурный марш.

СЧАСТЛИВЫЙ

— Да плюнь ты! — говорю я ему. — Плюнь!
Я беру бутылку и разливаю.

— Давай! — Я киваю ему, и мы выпиваем, не чокаясь.

Мы сидим в кафе и пьем «Гурджаани».

Сколько времени прошло с нашей последней встречи, не помню. Может, год, а может, два. Это не имеет значения. Потому что и прошлый раз, и позапрошлый мы так же сидели здесь, в этом кафе, и раньше, когда тут еще не было кафе, а была обыкновенная столовая. Мы сидели друг против друга, и я разливал водку, или портвейн, или не помню уж что и так же говорил ему:

— Да плюнь, старик, плюнь!

...Лет десять назад. Мы сидим в столовой. Вокруг едят, разговаривают, разливают под столиками.

Он держит в руках книгу.

— Понимаешь, — застенчиво говорит он, — она сказала, что не знать про импрессионистов стыдно. Вот, я купил...

Я беру у него книгу, листаю.

— Старик, она права, — говорю я. — Импрессионистов, старик, надо знать...

С моей стороны, это чистой воды лицемерие. Все, что я знаю сам про импрессионистов, — это что там были два художника с одинаковыми фамилиями, только один через «а», а другой — через «о». Кроме того, Ван-Гог отрезал себе ухо, про это я тоже слышал...

— Ну вот, — обрадованно говорит он. — И она так сказала...

И теперь, ясно, он возьмется за живопись. Он будет читать книги, ходить в музеи и посещать лекции. Через месяц он уже сможет писать диссертацию об импрессионизме, а заодно о кубизме, о передвижниках и наскальных рисунках.

Над ним все издевались еще в институте. Все, кроме нее. А она на него вообще не реагировала. Никак. Сначала я тоже над ним подсмеивался. А потом он стал со мной всем этим делиться. И я стал советовать ему плюнуть.

Проходит несколько лет. Мы уже закончили институт, распределились. И снова мы с ним сидим за тем же столиком. На небелоснежной скатерти стоит полупустая бутылка. Я разливаю и говорю:

— Старик, это уже просто смешно. Сколько можно? Плюнь! Пора!

— Я ей письмо послал, — говорит он.

— Ну? — спрашиваю я.

— Не ответила,— говорит он и пожимает плечами.

— Может, не получила? — говорю я умную вещь.

— Получила,— серьезно говорит он.

— Слушай, старик,— энергично говорю я.— Пора с этим кончать. Что такое, черт подери? Езжай на юг! Море, солнце! Кипарисы, абрикосы!

Я наливаю, мы пьем. Я чувствую себя стреляным воробьем. И действительно, рядом с ним...

— Я все понимаю,— говорит он.— Идиотство, конечно...

— Вот-вот! — подхватываю я.— Идиотство! В наше время... Чтоб свет клином... Чтоб столько лет... Вот я, например...

— Ты — другое дело,— говорит он.

Он прав. Я — другое дело. Говорят, у меня в глазах есть что-то такое... Что-то такое в глазах, и еще волосы с проседью. В общем, я-то могу позволить себе плюнуть...

Проходит еще год или два. Место действия — то же. Стучат ложки, звенят рюмки, шаркают между столиками официантки. За пыльными окнами — улица. Он смотрит в окно и говорит:

— Она замуж выходит.

«Слава богу»,— думаю я.

— Он какой-то всеенный. Вроде моряк...

«За тех, кто в море»,— хочется мне сказать, и я говорю:

— Старик, поверь, это к лучшему. Ты наконец взгляни и увидишь, как прекрасен этот мир, понял? Смотри, какие девочки пошли! Понял? Всё, старик! Встряхнись!

— Да,— откликается он.— Наверное, так лучше.

— Давай! — говорю я, и мы пьем.

— А как Лиля? — спрашивает вдруг он.

Я не сразу вспоминаю, что прошлый раз, когда мы встретились, со мной была девушка Лиля из Консерватории. Это был период, когда я пересчитал все люстры и колонны в Филармонии, в Капелле и в Концертном зале...

— Нормально, — говорю я. — Давно не видел.

Мы допиваем остатки вина, выходим на улицу.

— Пока, — говорит он.

— Звони, — отвечаю я.

И мы расходимся.

Время идет, потому что седины у меня прибавляется. Следовательно, чего-то такого во мне все больше...

Мама, правда, волнуется, говорит, что в моем возрасте уже пора иметь нормальную семью. Я хороший сын. Я попробовал иметь семью, она оказалась нормальной — просуществовала четыре месяца.

Про него я узнаю через общих знакомых. Он вроде тоже женился. Потом, правда, тоже развелся. Потом куда-то уезжал. Потом вроде вернулся.

Вернулся он не вроде, а точно, потому что мы сталкиваемся с ним у входа в эту самую столовую, только она теперь уже не столовая, а кафе.

— Ну вот, — говорит. — Вот такие дела.

А дела такие, что уезжал он куда-то на север. А уезжал он потому, что ее мужа перевели на север, и, ясно, его тоже потянуло к полюсу.

— Вы виделись? — спрашиваю я.

Он не отвечает.

Подходит официантка, я заказываю бутылку «Гурджаани».

— А я женат был, — говорит он. — Не слышал?

— Слышал, — говорю я.

— Вот такие делишки,— говорит он и замолкает.

Официантка приносит бутылку, ставит на столик.

— Ну давай,— говорю я.

— А знаешь,— говорит он вдруг.— У нее девочка. Большая уже.

И он смотрит на улицу.

Я беру бутылку, наполняю бокалы и снова, снова хочу сказать ему привычное «плюнь!». Но в этот момент он поворачивается, и мы встречаемся взглядами. И в его глазах я вижу что-то такое, что трудно объяснить, а можно только почувствовать. И я это чувствую. И еще я чувствую против него раздражение, злость и обиду и не могу себе признаться — от чего. Не могу, потому что в зависти — не признаются.

И поэтому я ничего не говорю ему, а пью молча.

ЛЮДИ С ПОНЯТИЕМ

СТО ТЫСЯЧ ЛУИДОРОВ

— Стой, Коля, — сказал Брикетов. — Перекурим.

Оба остановились, закурили.

— Тяжелая, зараза, — сказал Супонин.

— Это еще самый мелкий, — сказал Брикетов. — Другие-то вдвоем и не поднять.

— Говорят, в Италии один чудак жил, скрипки сбожал делать, — сказал Супонин. — Страдивариус его фамилия была.

— Вчера в «Добром утре» про веселого архивариуса пели, — отозвался Брикетов.

— Страдивариус — архивариус! — восхитился Супонин. — Стих получается! Да, ну вот. Он, старикан этот, самый был крупный специалист. Маленькие такие скрипочки изготавливал, лакированные. И между прочим, хорошие деньги имел.

— А какие у них деньги были?

— Как какие? — не понял Супонин.

— Ну, рупии там или кроны?

— Нет, не рупии, — сказал Супонин. — Постой, какие же у них деньги были? Шиллинги, что ли? Нет... А, вспомнил — луйдоры. За одну скрипку ему сто тысяч давали.

— А луидор — это сколько рублей? — с интересом спросил Брикетов.

Супонин задумался.

— Луидор, — решил он, — это рубль полтора.

— Сто пятьдесят тысяч, значит, — сосчитал Брикетов. — За одну штуку. Ничего себе жил.

— Ну и правильно, — сказал Супонин. — Ведь скрипка, понимаешь ты, это такая вещь! Золотой инструмент. Сама малюсенькая, а звук такой — всю душу переворачивает.

— Это верно, — согласился Брикетов. — Звук у нее пронзительный. Как начнут они по стрункам палочкой водить — даже уши закладывает, такой звук. А возьмешь ее в руки и не подумаешь. Помню, я одному профессору как-то скрипку нес, в футляре. Красивый был футляр, черный. Так мне профессор за это пятерку дал, а там весу-то было от силы два кило.

— Вот я и говорю, — сказал Супонин. — Умный был человек этот Страдивариус. Хорошую вещь изобрел. Свои деньги по совести получал.

— А тому, кто вот эту бандуру придумал, я бы ни луидора не дал, — сказал Брикетов.

— Точно, — подтвердил Супонин. — Намучаешься с ней, будь здоров, а получишь ту же пятерку.

Они погасили сигареты, бросили окурки, надели ламки и потащили пианино на следующий этаж.

СИМПТОМЫ

Дверь кабинета с табличкой «Терапевт» открылась, вышел мужчина и сказал:

— Заходите, следующий.

Он ушел. Девушка, сидевшая рядом с Супониным, встала и вошла в кабинет. Дверь закрылась.

— Медицина,— сказал Супонин,— уже до всего дошла.

— Ага,— кивнул Брикетов,— уже до всего.

— Вот ты бы хотел врачом быть? — спросил Супонин.

— Я бы, Коля,— сказал Брикетов,— очень хотел быть врачом. Потому что это самое благородное дело — кого-нибудь лечить.

— Я бы тоже мечтал быть врачом,— сказал Супонин.— Вот сидишь ты в своем кабинете, к тебе больной приходит. Ты ему температуру смерил — и он уже здоровый уходит.

— В Австралии одному чудаку сердце пересадили,— рассказал Брикетов.— У него свое-то уже еле стучало, а там в это время как раз помер один банкир. Помер он от желудка, а сердце у него было здоровое. И тому чудаку его сердце пришили.

— Да,— сказал Супонин.— Только это не в Австралии было. Это было в другой стране. Вроде в Парагвае.

— Не в этом дело, Коля,— сказал Брикетов.— Главное в том, что медицина уже взобралась на самую вершину.

— Это-то конечно,— согласился Супонин.— Вот у моей свояченицы в прошлом году на спине жировик образовался. Так его в два счета вырезали.

— Что делается! — сказал Брикетов.

— Это еще что,— продолжил Супонин.— Врачи уже детей в колбе выращивать могут.

— Иди ты!

— Я тебе говорю. Только, конечно, не каждый это себе может позволить. Большие деньги нужны.

— Колбы, наверное, дорогие,— сказал Брикетов.

— И колбы, и вообще весь материал,— ответил Супонин.— Это только миллионеры могут себе позволить. Приходит он, вынимает миллион и, пожалуйста, получает из колбы мальчика.

— Хорошо,— вздохнул Брикетов.— А девочку могут образовать?

— Пожалуйста,— сказал Супонин.— Восемьсот тысяч.

— Тоже недешево,— прикинул Брикетов.— А как же у нас? У нас миллионеров нету.

— У нас— не знаю,— сказал Супонин.— Наверное, бесплатно.

— Да,— сказал Брикетов.— Хорошее изобретение.

— Конечно,— сказал Супонин.— Теперь врачи могут любому помочь.

— Это их святой долг,— сказал Брикетов.— Они за это деньги получают.

Открылась дверь кабинета. Вышла девушка.

— Следующий,— сказала она.

Супонин встал и пошел в кабинет.

Брикетов принялся разглядывать повешенный на стенку плакат про кишечных микробов. Он не успел все хорошенько рассмотреть, потому что из кабинета вышел Супонин.

— Ну? — спросил Брикетов.

— Плохо,— сказал Супонин.

— Температуру смерила? — спросил Брикетов.

— Нет,— сказал Супонин.— Она сказала, что ей запах не нравится. Я говорю: «Доктор, я у друга на рождении был».

— А она что? — спросил Брикетов.

— А ничего,— сказал Супонин.— Говорит, пришел не по адресу.

— Да,— сказал Брикетов,— совсем дошла медицина. Людям вон сердце пришивают, а ей бюллетеня жалко. «Не по адресу»! Ну и черт с ней!

— Правильно! — сказал Супонин.— Не заплачем.

Оба вышли на улицу и, посоветовавшись, направились к зубной поликлинике.

НУЖНАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

— Что-то сегодня народ не идет,— сказал Брикетов.

— Жара,— ответил Супонин, обмахиваясь газетой.

— Да,— сказал Брикетов.— Сто лет такого пекла не наблюдалось.

— Больше,— сказал Супонин.— Мне папаша говорит, он триста лет такой жары не помнит.

— На солнце процесс идет,— сказал Брикетов.— Протуберанцы.

— Как ты сказал? — удивился Супонин.

— Ну это вроде землетрясения,— объяснил Брикетов.— Только на солнце.

— Понятно,— сказал Супонин.— Вот из-за этого солнца народ и не идет.

— Вчера, говорят, десять человек от солнечного удара умерло,— сказал Брикетов.— Один даже писатель.

— Я писателей очень уважаю,— признался Супонин.

— Что ты! — подхватил Брикетов.— Не было бы писателей, значит, и книг бы не было.

— Представить невозможно,— сказал Супонин.—

Если хочешь знать, мое мнение такое, что книга — это источник знаний.

— Вот и я говорю,— сказал Брикетов.— Помню, мне один рассказывал. «Всему,— говорит,— что у меня хорошего есть, я обязан книгам».

— Конечно,— согласился Супонин.— Заработки у них хорошие. Но только у нас зря денег никому платить не будут.

— Я тебе больше скажу,— проговорил Брикетов.— Некоторые считают, что писатели как люди работать не хотят, вот и пишут. А я так считаю, что нельзя зря людей охаивать. Ты сначала разберись, а потом уже охайвай. Верно?

— Верно,— сказал Супонин.— У писателей тоже работы много. Сперва все на бумаге написать, потом ошибки исправить, потом на машинке напечатать. Только успевай поворачиваться.

— Не каждый может.

— Конечно,— сказал Супонин.— Потом ты учти: если бы не писатели, что бы люди читали? Вот что бы ты читал?

— Ничего,— уверенно сказал Брикетов.— А так я «Следы на снегу» читаю. Интересно.

— Да,— сказал Супонин.— Мне тоже понравилось. А еще в прошлом году я Гюго читал. «Красное и черное». Также хорошая вещь.

— Еще бы,— сказал Брикетов.— Англичане хорошо пишут.

— В общем, чего говорить,— сказал Супонин.— Писатель — нужная специальность.

— Без книг нам с тобой тут и делать нечего было бы,— вздохнул Брикетов.— Это, Коля, наш хлеб.

— Кстати,— сказал Супонин,— на обед пора закрываться.

— Точно, — сказал Брикетов, посмотрев на часы. — Пора. Тем более нет никого.

— Как бы нам с тобой сегодня черепушку не нажгло, — сказал Супонин, закрывая на ключ дверь, где красовалась надпись: «Прием вторсырья».

ДРЕВНЯЯ ИГРА

— Двери закрываются, — просипел вагонный динамик.

Электричка пошла.

— Поехали, — сказал Брикетов, глядя в окно. — На лоно природы.

Супонин кивнул и стал разворачивать эскимо.

Брикетов тоже развернул мороженое.

— Ты сыграть-то взял? — спросил Супонин. — Почти час ехать.

— Взял, — сказал Брикетов. — В сумке лежит.

Супонин поднял голову и поглядел на металлическую полку над окном, где стояла сумка. Из сумки торчал край деревянной шахматной доски. Потом он опустил голову и откусил от мороженого.

Некоторое время оба смотрели в окно.

— И все-таки я его не одобряю, — вздохнул Брикетов. — Не одобряю.

— Кого? — спросил Супонин.

— Фишера, — пояснил Брикетов. — Совсем уже зареался Бобби.

— А-а, — сказал Супонин. — Бобби-то, точно, зареался. Он, я слышал, за каждую партию миллион требует. Это если белыми играть, а если черными, то еще

больше. Десять партий сыграть — вот и десять миллионов. И всё в валюте.

— Это само собой,— сказал Брикетов, комкая бумажку от эскимо и пряча ее под сиденье.— Но не в этом дело. Он, Коля, в дебютной теории отстал, потому что не следит за новинками, вот он до чего зазнался.

— Не может быть, чтобы в дебютной,— сказал Супонин с сомнением.— Неужели до этого дошло дело?

— Ты что ж, мне не веришь? — спросил Брикетов.— Ведь ты пойми, Коля, ведь дебют — это ж самое начало. А уж как начал, так и кончил.

— Это точно,— сказал Супонин, выбрасывая свою бумажку в окно.— Кончил дело — гуляй смело.

— А знаешь ты, сколько на свете всевозможных дебютов? — спросил Брикетов.— Их тыщи. Всяких там испанских гамбитов.

— Я королевский гамбит знаю,— сказал Супонин.— Пешкой от королевы.

— Королевы нету,— сказал Брикетов.— Королева — это ферзь. А тура — это ладья.

— Ну да,— согласился Супонин.— Ладья — это тура, а офицер — это слон.

— Ну что,— спросил Брикетов,— сыграем?

— Давай доставай,— сказал Супонин.— А то не успеем оглянуться — приедем.

Брикетов снял с полки сумку и достал шахматную доску.

— Прямо на коленях? — спросил он, раскрывая доску-коробку.

— А где же? — сказал Супонин, глядя на действия Брикетова.

— Жаль, третьего нет,— сказал Брикетов.

— Будний день,— сказал Супонин, оглядывая почти пустой вагон.

— Пики — козыри! — объявил Брикетов, кончив сдавать. — Я хожу, у меня шестерка.

— Ходи! — сказал Супонин, разворачивая карты геером. — Это тебе не «е-два е-три»!

На черно-белую доску шлепнулась первая карта. Электричка подъезжала к первой остановке.

ЗАКОН СОСУДОВ

— Дела! — сказал Супонин, складывая газету. — Дела-а! Слышь, физики новую частицу нашли!

— Иди ты! — обрадовался Брикетов.

— Вот если хочешь знать, кого я по-настоящему уважаю, — сказал Супонин, — так это я тебе скажу кого.

— Мясников? — предположил Брикетов.

— Это-то да, — сказал Супонин. — Это само собой. А помимо мясников я еще уважаю научных деятелей, в том числе и ученых. Математиков там, химиков, физиков...

— Физика — это да! — сказал Брикетов. — Физика — это... — он поискал слова, — царица полей!

— Царица полей — это пехота, — возразил Супонин. — И еще кукуруза. А физика — это царица наук. Я это прочитал в журнале «Наука и жизнь».

— Правильно написано, — определил Брикетов. — Я тебе больше скажу: я об этом сам думал. И выходит, что все великие люди были физиками. Ломоносов — раз, Архимед — два, и потом этот, ну как его?.. Альфред, что ли?

— Альберт Эйнштейн, — важно сказал Супонин.

— Во-во! — сказал Брикетов. — Только что он избрел, я забыл.

— Он то избрел, что все относительно, — сказал Супонин.

— Постой, — сказал Брикетов. — Разве это он, а не Циолковский?

— Ты все спутал, — сказал Супонин. — Циолковский — он не по этому делу. Он все открыл насчет космоса. Он, если хочешь знать, самый был великий гений, хотя и глухой. Я про него кино смотрел. Так он там только через трубку слышать мог.

— Ну и что? — сказал Брикетов. — Это ничего не значит. Вот у тещи моей бывшей...

— погоди, — сказал Супонин. — Я тебе еще про этого хотел досказать, про Альберта. «Все, — говорит, — относительно». Взять хоть тебя. Ты мужик здоровый. А из чего состоишь?

— Из чего? — Брикетов пожал плечами. — Из мяса. Из костей и мускулатуры.

— Вот, — сказал Супонин. — А мясо из чего?

— Из жил, — сказал Брикетов.

— Из атомов! — с торжеством сказал Супонин. — А атомы относительно тебя — фигня. Их и в микроскоп не видеть.

— Колоссально, — сказал Брикетов. — А вот атомы из чего?

— Из частиц, — сказал Супонин, подумав. — Из частиц и материи.

— А материя? — не отставал Брикетов.

— Неизвестно, — сказал Супонин. — Про это ничего не написано. Может, сами не знают.

— А может, и знают, — сказал Брикетов, — да это государственная тайна.

— Ну, что тебе сказать, — вздохнул Супонин. — Не-

простая вещь — физика. Там еще бывают другие законы. Например, закон, что плюс на плюс будет минус.

— Закон бутерброда, — сказал Брикетов. — Как ни роняй — все маслом вниз. Я вчера уронил — точно! Я еще два раза попробовал, для опыта. Как из пушки — маслом книзу, и все!

— А потом? — спросил Супонин.

— Потом съел, — сказал Брикетов. — А вот ты про закон сосудов слышал?

— Закон сосудов? — Супонин оживился. — Это как? Сколько вольешь, столько и выпьешь, что ли?

— Ну, в общем, да, — сказал Брикетов. — Это если, значит, разные сосуды соединить, так вода будет на уровне, понял? А если разъединить, так потечет.

— Ежу понятно, — сказал Супонин. — Мне про этот закон вчера один физик объяснил. С тридцать девятой квартиры. «Зайдите, — говорит, — у меня опять в ванной течет».

— Пойдешь к нему? — спросил Брикетов.

— Мне он тот раз пятерку уже дал, — сказал Супонин. — В этот раз может не дать. Сходи ты лучше.

— Ох, эти физики, — сказал со вздохом Брикетов. — Может, сделать ему нормально?

— Ну что тебе сказать? — проговорил Супонин. — С одной стороны, конечно, наука, это мы уважаем. А с другой стороны, о себе тоже надо думать...

Оба взяли свои чемоданчики с ключами и прокладками, расписались в журнале техника-смотрителя и отправились трудиться.

КСТАТИ О ПТИЦАХ

— Телевизор включить? — спросил Супонин.

— Обязательно, — сказал Брикетов. — Телевизор — это, я тебе скажу, окно в мир!

— Вот именно, — сказал Супонин, включая телевизор. — Именно окно.

— Ну, будем! — сказал Брикетов.

— Давай! — сказал Супонин.

— Ффффффу! — скривился Брикетов. — Гадость!

— Ничего, — сказал Супонин. — Запей!

На телеэкране закружились под музыку черные журавли.

— «В мире животных», — сказал Брикетов. — Интересно, про кого сегодня будет. Прошлый раз про этих было, про кенгуру.

«Сегодня, товарищи, мы расскажем вам о пингвинах», — сказал мужчина с экрана.

— Нормально, — сказал Супонин. — Про пингвинов — это нормально.

— Про кенгуру тоже колоссально было, — сказал Брикетов. — Смотрел?

— Не смотрел, — сказал Супонин. — Про кенгуру не смотрел.

— Ну, будем, — сказал Брикетов.

— Давай, — сказал Супонин.

— Охххххх, гадость, а? — сказал Брикетов. — Бррр!

— Ничего, — сказал Супонин. — Если запить.

«Пингвины, — сказал голос за кадром, — достигают роста ста двадцати сантиметров...»

— Гляди, — сказал Супонин. — Вон их сколько. Стоят, ничего не делают!

«Пищей пингвинам служит в основном рыба...»

— Слышал? — сказал Супонин. — Рыбу им подавай. Тоже мне, цацы.

«Пингвины, — ласково сказали с экрана, — великолепно плавают и ныряют...»

— Слышь, — сказал Супонин. — Плавают и ныряют, а летать не могут ни шиша. Курица — не птица, понял?

«Самка пингвина приносит одно яйцо», — сказал телевизор.

— Гляди-ка! — сказал Супонин. — Здоровое. Это тебе не по рубль тридцать.

— Само собой, — сказал Брикетов.

— Интересно, — сказал Супонин. — Съедобные эти пингвины или нет?

— Ну, будем, — сказал Брикетов.

— Давай, — сказал Супонин.

— Ффффффу! — сказал Брикетов.

— Нич-чо! — сказал Супонин. — Главное — записать!

«...А сейчас мы простимся с этими удивительными птицами...»

— Летят перелетные птицы! — запел Брикетов. — А я остаюсь с тобой! Ты понял, перелетные птицы летят! А я остаюсь! Об-бидно!

«Теперь мы переходим ко второй теме нашей передачи, — сказал мужик с экрана. — Это тоже птицы, на этот раз самые маленькие — колибри...»

— Обратно птицы? — мрачно сказал Супонин. — Всё птицы, птицы... Ты мне про кенгуру давай.

«Некоторые колибри так малы, что их вес едва превышает полтора-два грамма...»

— Стой! — сказал Брикетов. — Стой, Коля! У меня на них душа горит, на этих гадов. Зачем птичек мучают?

— Давай, — сказал Супонин. — За их здоровье!

— Ффффффууу! — сказал Брикетов. — Ф-фу ты!..

— Нормально,— сказал Супонин.— Только записать, и все!

«Поразительно яркая окраска этих птичек не имеет себе равных»,— сказали с экрана.

— Окраска! — сказал Супонин.— Ты давай скажи лучше, съедобные они или нет?

— А ну переключи! — сказал Брикетов.— Переключи, пока я ему не врезал!

Супонин крутанул переключатель.

Там оказалась тетка, которая сказала в микрофон: «Сен-Санс. «Умиравший лебедь». Исполняет...»

— Нет, ты видел? — сказал Брикетов.— За что животных мучают, а?

— Там птицы и здесь птицы! — закипел Супонин.— Везде птицы! А я тебе не птица, понял? Я по восемь часов вкалываю!

— Ну! — закричал Брикетов.— А я по сколько?! Оба с чувством пожали друг другу руки.

— Давай!

— Поехали!

— Ффффуууххх,— сказал Брикетов.— Тьффу!

— Нич-чо,— сказал Супонин.— Запей, или я тебя уважать не буду!

— Гляди,— сказал Брикетов.— Чего это там?

— Лебедь умер,— сказал Супонин.

— Замучали птицу,— со слезами сказал Брикетов.— Живодеры!

— Все,— сказал Супонин.— Кончилось.

— Поч-чему кончилось? — обиделся Брикетов.— Нич-чего не кончилось! Я им этого не прощу, понял? Я за птицу, знаешь!..

— Нет,— сказал Супонин.— У нас тут уже кончилось. Надо, это, сбегать...

— Сбегать? — сказал Брикетов.— Раз надо — значит, надо! Никто не отказывается, понял?

— Вот сейчас выключим,— сказал Супонин,— и пойдем!

— Правильно,— сказал Брикетов.— Выключи, пока я ему не врезал. Ты меня знаешь!

— Гляди,— сказал Супонин.— Диктор! Во морду отъел, а?

— погоди,— сказал Брикетов.— Это трюмо... Телевизор всн... Дай я сам!

Они выключили телевизор, обменялись рукопожатием и в обнимку пошли вниз по лестнице.

ЭКОЛОГИЯ

— Нет, ты скажи,— в сердцах сказал Брикетов,— ты мне скажи, откуда этого мусора столько берется?

— Ясно, откуда,— откликнулся Супонин.— Загрязнение среды называется. Все загрязняют, кому не лень. В Японии — жуткое дело! В реках уже воды не осталось, одна ртуть течет.

— Ясно — ерунда,— сказал Брикетов.— Ты про Бискайский залив слышал?

— Слышал,— сказал Супонин.— Он между Грецией и Турцией.

— Ты что! — сказал Брикетов.— Между Турцией и Грецией — пролив Ла-Манш. А Бискайский залив — он ближе к Норвегии. Ну так вот, в заливе этом вообще уже все сдохло. И рыбы все сдохли, и водоросли. Все из-за нефти.

— Конечно,— сказал Супонин.— Эти пароходы как тнут, так всю нефть и выливают. Чтоб пожара не было. А так они спокойно утонут, и все.

— Им-то наплевать,— подтвердил Брикетов.— Они утонули, и все. А тебе потом в заливе в этом не ис-

купаться. Так что, Коля, я тебе говорю: хреново с океанами у нас.

— Да, — сказал Супонин. — С океанами я тебя не поздравляю. И с сушей не поздравляю. А атмосфера? Ты чувствуешь, чем мы дышим-то?

— Нет, — сказал Брикетов. — У меня нос заложен.

— Потому и заложен, — объяснил Супонин. — В атмосфере-то воздуха уже не осталось ни черта. Автобусы — раз! Папиросы все на улице курят, даже бабы, — два! Заводы всякие — три! Я тебе говорю: кислорода у нас осталось года на два. А потом? Как тут жить, я тебя спрашиваю?

— А никто и не живет уже, — сказал Брикетов. — Животные все раньше чувствуют, вот и вымирают. А птицы? В лесах, понял, никто уже не поет, не чирикает. Одни комары.

— Ха! — вдруг засмеялся Супонин. — Гляди, тебе от голубя подарок!

— Где? — закричал Брикетов. — Ах ты!.. — Он задрал голову и поглядел в небо. — Вот паразит, а! Пиджак испортил, новый почти!

— Птичка божия не знает ни заботы, ни труда, — продекламировал Супонин.

— Птичка, — разозлился Брикетов. — Убивать их, сволочей, надо! Птички, твою, собачки! Всю планету загадили!

— Смотри-ка, — сказал Супонин, показывая на асфальт, — вон пачка иностранная. «Мальборо», понял?

— Иностранцы, — неодобрительно сказал Брикетов. — Ходят, только пачкают.

— А может, не иностранец, — сказал Супонин. — Может, и наш. Я такие сам курил, мне один друг давал.

— Наши тоже мусорят, — сказал Брикетов. — Вон «Беломор» валяется!

— А может, «Беломор» иностранец курил,— сказал Супонин.

— Охрана среды, охрана среды,— в сердцах сказал Брикетов.— Так бы их всех носом и ткнул! В среду эту носом... Кстати, день-то какой сегодня? Не среда?

— Четверг,— сказал Супонин. Он оглянулся и начал вяло махать метлой.— Мети давай, сержант смотрит.

— Четверг, значит,— сказал Брикетов, тоже принимаясь махать метлой.— Это сколько ж нам еще охраной среды заниматься?

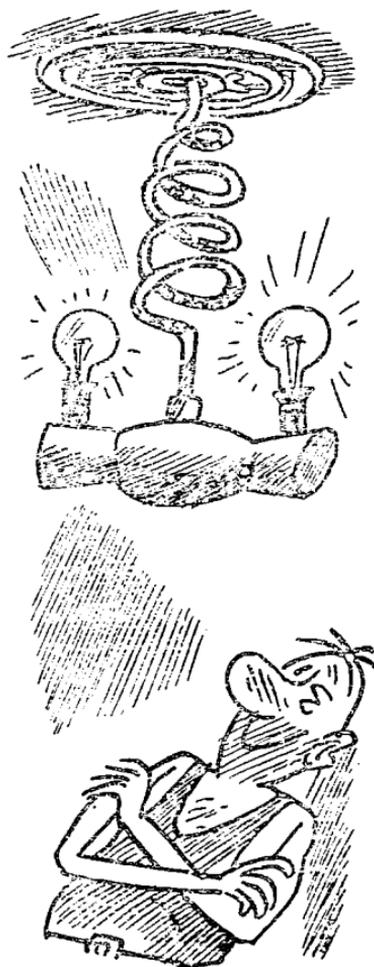
— Неделю,— ответил Супонин.— В ту среду как раз пятнадцатые сутки пойдут.

Логика

Самое светлое на свете — серое вещество. Если взять у людей мозговые извилины только одного полушария — скажем, восточного, — то получится расстояние от Земли до Меркурия. И приятно сознавать, что на этом пути есть и мои сантиметры. И миллиметры жены. Потому что один Эйнштейн погоду не делает. Конечно, у него бы набралось километров на сто. Ну, кое-что добавили бы Лев Толстой, Ломоносов и Штирлиц. А все остальные — это трудовые трудящиеся: я, Сидоров, Анна Петровна, хотя ее вообще-то надо из общего расстояния вычитать. Но дело не в ней, а в том, повторяю, что одни Ломоносовы погоду не делают.

Они, само собой, все на свете изобретают и открывают. Они открывают, а мы иногда толком и закрыть-

то не можем. Потому что использовать великие изобретения — это тоже требует достаточно серого вещества.

Взять электричество. Помните, в прошлые века — топором брились, при лучине писали. А что хорошего можно написать при лучине? В крайнем случае «Евгения Онегина». Кандидатской не напишешь. Лифт не работает, да и куда на нем ехать, если телевизор не во что включить? В общем, жизнь спотымак.

И тут у человечества рождается гений. Ну, скажем, Михаил Фарадей. И он изобретает электричество и говорит широким массам: нате, пользуйтесь! И массы ему отвечают: спасибо, Миша. И пользуются!

Люстры горят, телефоны звонят, троллейбусы бегают, а под Новый год по заявкам телезрителей первомайский «Огонек» повторяют.

И народ не успокаивается, думает, что бы такое еще выдумать. И я тоже не могу успокоиться. Потому что за все эти блага стоит у меня в коридоре черный ящик, и колесико в нем как психованное крутится, и цифирки мелькают. А заработная плата у меня, между прочим, по моему труду! То есть, вы понимаете...

И вот, хоть я и не Фарадей, но серое вещество у меня найти можно, только оно от обиды уже не серое, а черное. И оно у меня берется за электричество и применяет правило буравчика, и вот у меня счетчик уже крутится не туда, а оттуда.

И через неделю уже не я должен государству, а оно мне.

Но я ему все долги прощаю, я не крохобор.

Пойдем в наших рассуждениях дальше, а для этого вернемся назад, в мои лучшие годы, когда волос на голове у меня еще было больше, чем вставных зу-

сов. Как выглядел тогда я, человек с большой буквы (не буду говорить с какой, она неприличная)? Выглядел я тогда очень естественно, потому что ходил во всем натуральном: в чесуче, велюре и кирзе. Такой элегантный силуэт, что, когда я на улицу выходил, птицы с деревьев замертво падали. То есть при взгляде на меня одинокие женщины сходили с ума — начинали звать милицию.

Ну тут появляется очередной гений, какой-нибудь Менделеев, и изобретает синтетику, и говорит: на-те, пользуйтесь! И мы говорим: спасибо, Дима, давай!

И вот уже на мне сплошной лавсан и кримплен, а куда не надеть кримплена, там капрон. И я уже лен не сею, хлопок не жну, овец не стригу, разве что целиком шкуру сдираю, на дубленки. То есть льются на меня чудеса химии, а какие не на меня, те выливаются в речку. Чтоб рыбки тоже поняли, что такое серое вещество. А если они этого не поймут, то я им помогу. Потому что за трудовую неделю это самое серое вещество у меня слежалось. И ему необходим активный отдых, проблема которого уже давно решена.

И я беру рюкзак, надеваю его на спину моего друга Сидорова, а сам несу снасти для рыбалки. И мы приезжаем в заповедный уголок, куда не ступала еще нога человека, а только моя и Сидорова. И мы сидим и любимся на эту благодать. А потом мы берем наши снасти, и говорим спасибо тому гению, который их изобрел, и забрасываем снасти в воду, и этот динамит взрывается. И та рыба, которая уплыла от химии, всплывает к нам. И потом мы достанем из рюкзака закуску и чем ее запить, споем песенку у костерка...

А на завтра в лес пионеры придут, костерок наш с помощью вертолетов потушат, консервные баночки

за нами подберут, в металлолом сдадут, из них потом тепловоз построят...

А мы с Сидоровым уже на работе сидим, с просветленным серым веществом. Идем, когда новый гений объявится, измыслит что-нибудь великое и скажет нам с Сидоровым: нате, ребята, пользуйтесь!

И мы возьмем!

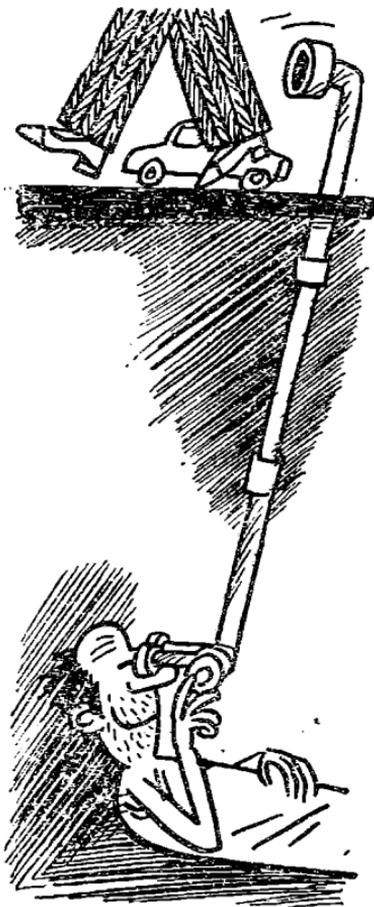
Сколько можно говорить об одном и том же? Давайте чередовать, менять темы! Для разнообразия стоит поговорить о работе! Это интересно! Нет, о работе не стоит... Если кто узнает, над чем я сейчас работаю, он тут же у себя это применит и сразу делает рывок. И окажется на двадцать лет позади себя, почти догнав нас!

Это не значит, что надо что-то скрывать! Наоборот! Полная откровенность! Открыто думать! Творить, пробовать! Всем попробовать что-то натворить! И чтоб у каждого фонтан идей, пусть даже своих! Каскад предложений! И у каждого на все своя точка зрения! У каждого своя, и при этом у всех одна и та же! Чтоб не было путаницы. А для этого — думать, что говорить, если до этого сказал, не подумав.

Но только без уверток! Без лицемерия! А прямо, кулаком по столу — и выложить все начистоту! И главное, конкретно: кое-что, мол, кое-где, мол, в отдельных случаях еще пока есть!

И это хорошо. Понимаете?

И главное — оперативно! Быстро! Чтоб все в руках горело, опережая мысль! Закидать их, чтоб они не успевали оттаскивать! От этой скорости у них глаза на лоб полезут, а нам хоть бы что! Потому что спешка ничего не решает. Сегодня это понятно всем, даже мне. Решает тщательность. Чтоб никаких тятляп! Чтоб взять в руки, а оно светится! И вписывается в интерьер! И надписи латинскими буквами. Чтоб они прочли и обалдели! Они обалдели, а нас уже и след простыл. Мы уже в круизе, делимся опытом. Газеты, хроника, пресс-конференции. Они вопросы, а мы ответы. С глубокой искренностью: мол, ничего не знаю! И не хочу знать, потому что это ниже моего достоинства. Или выше — смотря кто спросит... Пусть они думают, что мы прикидываемся дурачками! Мы-то знаем, что мы не прикидываемся! Просто для нас главное — это не показуха, а работа. Работа мысли и логика. Чтоб дважды два всегда было четыре, Максимум пять! Если очень нужно...

Если хочешь владеть собой полностью, надо, чтоб другим от тебя ничего не досталось!

А для этого — однажды откинуться на стуле, посмотреть на все это со стороны и в центре всего этого увидеть себя. Увидеть и с первого взгляда почувствовать к себе глубокую нежность. И понять, что это у вас взаимное. Тогда, расшвыряв окружающих, прорваться к себе, прижать к груди, поцеловать в затылок и сказать:

— Как я тебя люблю!

И себе ответить:

— И есть за что!

И сказать:

— Погляди, до чего они тебя довели!

И ответить:

— Ты лучше на себя посмотри!

И ты на себя смотришь, и от этого жуткого зрелища тебе становится нехорошо.

И ты себя спрашиваешь:

— Что сделать, чтоб стало хорошо?

И отвечаешь:

— Плюнуть!

Плюнуть на все и сосредоточить волю на главном: на пальцах левой ноги. Закрывать глаза, тщательно пересчитать, убедиться, что их все столько же, и уже немного успокоиться. Затем двинуть волю выше, по пути разогнуть колени, размягчить живот, расслабить шею и распрямить мозговые извилины. И начать углубляться в себя, повторяя: «Я спокоен, я спокоен, я спокоен...» Уйти в себя как можно глубже и остаться там как можно дольше. Лучше всего — навсегда. И только иногда, для смеха, высунуться на поверхность, как из подводной лодки: что там у них, наверху? А там как обычно — суета, шум, крики, все бегут! У них вечно что-то горит... То пожар, то наводнение, то создают предпосылки, то ликвидируют последствия. Этого ставят в пример, того ставят в угол, и оба ставят друг друга... Кто-то бьет в литавры, кому-то бьют по зубам... Может, даже тебе. Но ты об этом ничего не знаешь, — тебя-то там нет! Ты ушел в себя до самого дна. Сидишь, смотришь внутрь, видишь здоровую селезенку и шепчешь: «Я спокоен, мне тепло, я засыпаю...» И засыпаешь под шум с поверхности. А потом вдруг у них там наступит полная тишина, и тебе станет ясно, что они тоже все ушли в себя...

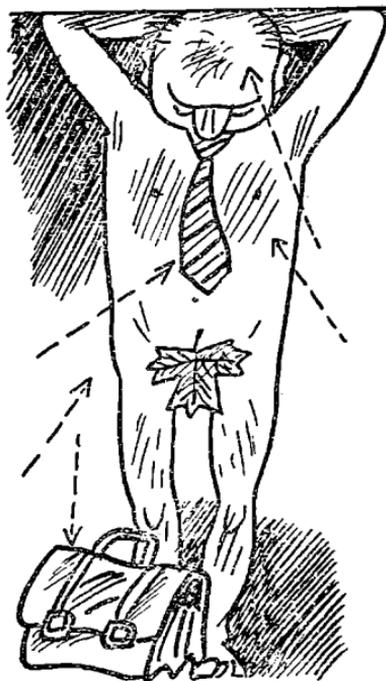
Но они не ушли. Наоборот, это они пришли, чтобы почтить твою память минутой молчания...

КАКОЕ ВАШЕ МНЕНИЕ?

В Древнем Риме говорили: «Каков пастырь, таково и стадо». На Руси переводили: «Каков поп, таков приход». Ну а для современных условий — «Все зависит от руководства».

Ну, все не все, но многое. Многое зависит от руководства. Сегодня вот даже курсы открыли специальные для директоров, решили, что надо их тоже учить, а не только подчиненных. А среди подчиненных ведут социологические исследования, спрашивают у коллектива: мол, как вам ваш директор, нравится? И если да, то почему?

Разумеется, всех опросить трудно. Опрос проводят выборочный. И, как говорили в том же Риме, сколько людей, столько мнений...

Человек, говорящий полусшепотом

Мнение о нашем директоре? Самое лучшее!!.. Что? Ах, мое личное? Я скажу мнение о нем, а у него потом будет мнение обо мне?.. Ах, фамилии не надо? Другой разговор...

Ну, во-первых, говорят, что самая сильная сторона его руководства — это хамство. То есть в лучшем случае посылает. А в худшем — посылает дальше, и потом трудно устроиться.

Он тут мне говорит: «Что вы лезете? Вы что, не видите, что я занят?»

Я видел, что он занят. Я даже видел — чем. Ему секретарша принесла в кабинет набор, и он решал, взять или взять сразу два.

Кстати, зачем ему эта твердая колбаса? Официально ему нельзя, у него язва. Но неофициально, у него есть одна... Так вот, ей можно. Он же у нас такой... Про меня сказали бы: развратник. Про него говорят: жизнелюб.

Он говорит: «Если позвонят, я — в управлении».

А знает, где находится управление? Рядом с финской баней! Вам все ясно?..

Нет, насколько надо оторваться от коллектива, чтоб не видеть, что коллектив видит, что он оторвался?!

Но ему наплевать. Потому что основные показатели у нас всегда перекрыты. А какие не перекрыты — значит, не основные!

Да, говорят, с него тоже могут снять премию. Теоретически. А практически — пусть с меня снимают, как с него, чем дают, как мне дают.

А дачу эту видели? Ее никто не видел. Но, говорят, один видел забор и свихнулся.

А кто с него может спросить? Кто может, тот не дурак, чтоб спрашивать! А кто не может, тот тем более не дурак...

Но говорят, что все возмущены и считают, что надо действовать. Говорят, написали про него частушку. Это подействовало: он слышал и сильно смеялся. Потом попросил узнать, кто это в коллективе такой остроумный. Познакомиться. Но они сами записались на ударную стройку...

Потому что ему ж достаточно слова! Тут как раз вчера он меня при людях таким словом назвал!.. Знаете, да?

Ну тут уж я ему не смолчал, как обычно.

— Виноват, — говорю. — У вас со стола карандашик упали!..

И тонко усмехнулся. Настолько тонко, что он ничего не заметил...

Человек с железной грудью

Заявляю официально: начальник у нас хороший! Почему хороший? Потому что — начальник! Плохого не поставят. Так что начальник наш очень даже всем нравится. Кроме меня.

Потому что что это за начальник такой, если коллектив его не боится? Хвалит тихо, ругает еще тише. Да и что это за ругань такая, если знакомых слов — ни одного?! Прямо подозрение берет! Что это за руководитель, если общего языка со мной найти не может?!

И главное, всех по имени-отчеству! Будто фамилий нет! Мне тоже говорит:

— Здравствуйте, Федор Федорович.

Я говорю:

— Здравия желаю, товарищ директор! Ура!

Он говорит:

— В каком смысле — ура?

Я говорю:

— В каком угодно! Ура!

Он говорит:

— Тише, тут люди работают, вы же не фельдфебель, а завхоз...

И пошел, пошел себе. Манжеты белые, галстук серый. Но в синюю полоску. Я сразу понял: галстук не наш... Оттуда... Я, конечно, проявил бдительность — сигнализировал, написал: «Как человек с таким гал-

стуком может руководить нашими людьми? Куда он их заведет?» Написал левой рукой и подписался: «Мотальщица Петухова».

Ну, сигнал подействовал. Вызвали — меня. И говорят:

— Ты, мотальщица! Еще одна кляуза — и будешь сидельщица! Понял?

Я говорю:

— Не понял, как вы догадались, что это я?

Они говорят:

— По ошибкам... Ты, — говорят, — гляди! Не те порядки!

Вот я и гляжу — точно! Нет порядка! Вот при прошлом начальстве порядок был! Был!! Никаких этих галстучков, манжетиков, никаких женских талий! Коллектив трудился в галихве! Галихве всех цветов радуги — от бурого до хаки! Глаз радовался! И особенно ухо! Потому что полная же тишина была! Никаких дискуссий! Сегодня ж — ужас! У каждого своя точка зрения, а у некоторых даже две!..

А раньше он, бывало, спросит:

— Какое ваше мнение?

Ему говорят:

— Такое же! Ура!

Да чтоб ему возражать! Это ж и присниться никому не могло! Потому что и не спал никто! Все бдили! А вдруг вызовет на доклад ночью, в три часа? Может, ему кнопки понадобились?

Ну, может, качества там не давали или количества, но зато благоговение было! В обед не расслаблялись! Строевым шагом мимо его кабинета гуляли — равнение на дверь! Это начальник был!

А нынешний? О чем говорить, если при нем у нас на весь коллектив только одно мое галихве?!

Он говорит:

— Мне не надо, чтоб люди соглашались, мне надо, чтоб люди думали!

Вот я и думаю: нету благоговения! Нету!

А без благоговения какой порядок?! Смехота...

Человек, который смеется

Слушайте сюда!

Если вам про нашего кто скажет плохо, так это потому, что боится, что если говорить хорошо, то его от нас заберут и дадут другого! Мы не переживем!

Потому что у нас все его горячо любят, а кто не любит, тот обожает! При нем мы добились таких успехов, о которых ему даже бояться говорить! При нем у нас рабочее время и личное слились воедино — в пользу последнего! У нас столько народу уже трудится в счет будущего года, что не найти, кто остался работать в этом...

И все только благодаря ему. У него к людям такое безграничное доверие, что просто глупо не звать!

Он говорит:

— Ты почему опоздал?

Я говорю:

— Автобус сломался!

Если б у нас столько автобусов было, сколько я «переломал», так у нас бы все давно ездили сидя! А он — верит.

Он мне говорит:

— Почему вчера не был?

Я говорю:

— Провожал в последний путь тетю Феню.

Он говорит:

— Ты ж ее на прошлой неделе уже провожал...

Я говорю:

— Вы не знаете тети Фени... У нее семь пятниц...

Он верит!

Он говорит:

— Сколько тебе надо на эту работу?

Я говорю:

— Месяца четыре!

Он говорит:

— А быстрее?

Я говорю:

— Очень надо?

Он говорит:

— Очень!

Я говорю:

— Три недели и неделя отгула.

Он говорит:

— Спасибо за сознательность!

И тогда я засучиваю рукава, плюю на свои трудовые ладони и три недели ни хрена не делаю! Потому что всей работы — на полтора часа.

А он говорит:

— Молодец, я знал, кому доверять! Такие, говорят, как ты, пользуются полным моим доверием!

— Точно! — говорю. — Пользуемся! И еще как!

Человек с нитроглицерином

Скажу прямо: про работу нашего директора хочется сказать много хороших слов. Но есть только плохие. Работа ведь такая, что вечерами вахтеры пугаются: директор за день полысел и стал ниже ростом.

Ведь директор — это что такое? Это такое, с которого в конце года за все спросят. А что он может ответить, когда он ничего не может?

Взять нужного человека не может: нет штатов. Уволить ненужного не может: у того рука в министерстве. Наказывать рублем нельзя: местком гово-

рит — надо воспитывать. Не наказывать рублем — все будут воспитанные, но работать будет один местом...

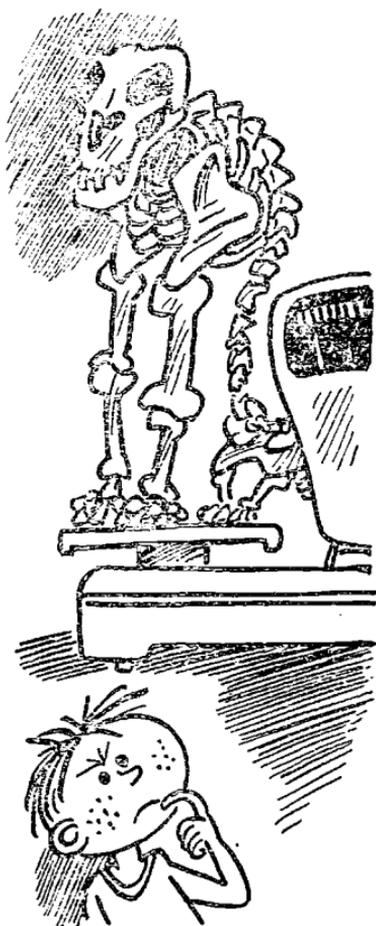
Вообще все теперь умные, грамотные, каждый шаг директора обсуждается!

Хорошо одевается — пижон. Плохо одевается — жмот. Орет на коллектив — запугивает. Не орет — боится. Улыбается секретарше — заигрывает. Не улыбается — значит, уже доигрались...

Молодой — строит замки на песке. Старый — еще хуже, из него самого песок сыплется.

И все, кому не лень, лезут с советами. В газете даже эту рубрику завели: «Если бы директор был я». Ну, народ и пошел строчить: «Если б был я...» да «Если б я...»

А вот если б директором был я, я бы всех директоров тут же уволил к чертовой матери!.. Как это кем работаю?! Что, непонятно?!

Вы мне говорите: наследственность. А я вам говорю: е-рун-да!

Не надо мне доказывать — я вам сам могу доказать. То, что я не дурак, надеюсь, понятно. То, что у жены в голове две-три загогулины есть, тоже ясно, раз она за меня вышла. А пацан у меня — прости господи! — полный балбес.

На днях говорю ему:

— Сынок, и чего к тебе этот рыжий все ходит?

Он мне заявляет:

— А я с ним дружу.

Я говорю:

— Почему именно с ним?

Он говорит:

— Мне нравится. С ним интересно.

Я говорю:

— Интересно — это, сынок, еще не главное. Мне, — говорю, — к примеру, кроме мамы твоей тоже много кто нравится, но

я же с ними не дружу! Во всяком случае не со всеми! Дружба, сынок, — это нельзя с кем попало. Вот кто, допустим, у этого рыжего папа с мамой?

— Мама, — говорит, — у него учительница зоологии. А папа — инженер...

А вы мне говорите — наследственность! Где она?! Ну, я так спокойно ему объясняю:

— Ты, сынок, еще мал, не понимаешь. Да, раньше было время, когда инженер — это было «ах! ах!». Теперь инженер — это, наоборот, «ха-ха!». А мама его? Ну, что она имеет с этой зоологией? Два скелета: один учебный, другой свой... Нет, — говорю, — сынок. Дружба — это с кем попало нельзя. Видел, — говорю, — на улицах даже плакаты пишут: «Мир — дружба!» Потому что без друзей в мире жить нельзя. Да и помереть трудно. Вот я, может, еще лет сто протяну, если мама твоя меня раньше в гроб не загонит, а место на кладбище уже себе сделал! Через дядю Мишу, ты его знаешь. Чудное место, с видом на Филармонию. Он для своей тещи берег, она музыку любит. Но для друга — вынь да положь! Понял, сынок?

Сидит, надулся, молчит. Ну, думаю, понимает. Дальше говорю:

— А помнишь, к тебе такая беленькая ходила, с бантиком? Почему с ней больше не дружишь?

Он мне бурчит:

— Она дура.

Я говорю:

— Это еще не предлог! Вот я с мамой твоей сколько лет — и ничего! А дядю Женю знаешь? После дяди Жени по уму идут уже растения. Зато кем работает — знаешь? То-то. Большой человек. А у кого, сынок, друзья маленькие — это уж сам не друг, а так, позвонки с ушами. Понял?

Сидит красный, молчит. Ну, думаю, доходит. Продолжаю дальше:

— И с тем,— говорю,— чернявеньким зря поругался. Хороший мальчик.

Он говорит.

— Ябеда и трус.

Я говорю:

— Другьям надо прощать мелкие недостатки. А кем у него папа с мамой?

Он мне отвечает:

— Не знаю. Вроде в продуктовом работают.

Ну?! Как это вам нравится?! «Вроде»! Вот вырстил обалдуя!.. Сдерживаюсь из последних сил, говорю:

— Мальчик-то из очень хорошей семьи! Значит, и сам хороший!

И тут он мне заявляет:

— Ты,— говорит,— папа, мещанин!

Это он мне! Родному отцу, сопля такая! Чему их учат?!

Ну тут уж, конечно, не сдержался, пожурил его слегка. Не очень, даже синяков не было почти.

— В общем, так,— говорю.— Завтра чтоб мне с чернявеньким подружился снова! Понял?

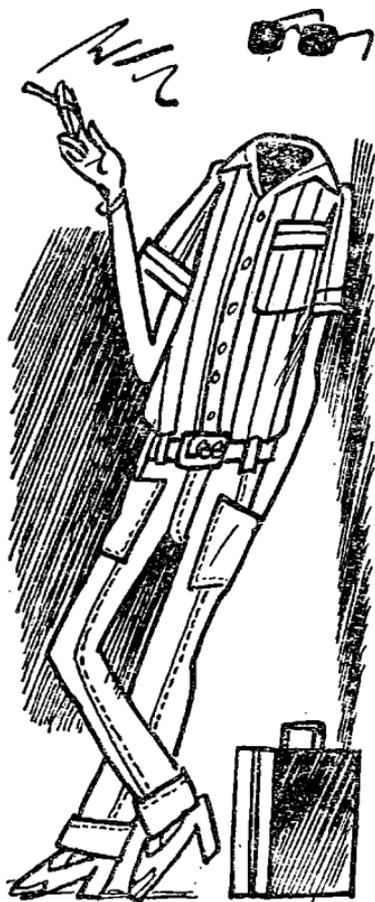
Сидит, молчит.

Я снова спрашиваю:

— Понял ты или нет?!

Молчит.

Значит, думаю, еще не понял. Ну ничего, время есть. Еще поймет!

Единственное, чего хочется, — это быть единственным! И не столько единственным, сколько неповторимым. Но все хотят быть неповторимыми! Причем точно так же, как я!

Я еще в школе пытался выделиться: и промокашкой плевался, и к девчонкам в раздевалку подглядывал. Ну, в лучшем случае выгоняли за дверь, чтоб не отрывался от коллектива...

Кончил школу — смотрю, все рвутся в физику. Нет, думаю, раз все в физику — я в лирику! Сделал шаг и тут же был сбит с ног бегущей толпой. Это физики уже взяли от науки что могли, дали ей еще меньше — и рванули обратно...

Плюнул на профессию. Думаю, выделюсь отношением к делу. Выбрал момент, вскакиваю, рубаху на себе рву, кричу:

— Обязуюсь работать без брака, и чтоб дали мне личное клеймо!

Они говорят:

— Опомнися! Да у нас уже давно все обязались, а один даже работает!..

Понял: на работе не выделишься. Взаялся за досуг. Досуг — значит собирать. Кто марки, кто старые деньги, кто новые — прямо на книжку. Решил собирать подсвечники, чтоб только у меня, и ни у кого больше. За два года собрал один, и то подстаканник. Все подсвечники уже растащила творческая интеллигенция. При свечах едят, при свечах спят, я извиняюсь, в одно место и то с лампадой ходят...

Плюнул я на досуг — взялся за внешность. Все с себя снял и так пришел в Филармонию. Ноль внимания! Приняли за иностранца после встречи с фарцовщиком. Тогда, наоборот, все на себя напялил и так лег на пляже. Приняли за фарцовщика после встречи с иностранцем...

Плюнул на внешность. Взаялся за культуру. Пойду, думаю, куплю книжку. Прибегаю к магазину — слушай! Такую толпу только в кино можно увидеть, если у всех сразу телевизоры сломаются. Стоят под дождем, с раскладушками, на костре суп варят... Я говорю:

— Ребята, вы что, погорельцы?

Они говорят:

— Угадал, книголюбы! С утра, — говорят, — одного писателя давать будут, фамилию не знаем, но жутко талантливый! Особенно переплет!

Плюнул на культурный уровень, окунулся в общественную жизнь. У нас там как раз один провинился. Что он сделал, никто не знает. Это всех и возмутило. Я прибегаю, кричу:

— К позорному столбу!

Мне говорят:

— Товарищ, не создавайте ажиотажа. Его уже пригвоздили, сейчас забрасывают камнями!

Оставил общественные дела, взялся за международные. И опять все — как я! Происки разоблачают, маневры осуждают, соседка с базара прибегает — сразу в газету писать, спрашивает: когда будет порядок в Африке?

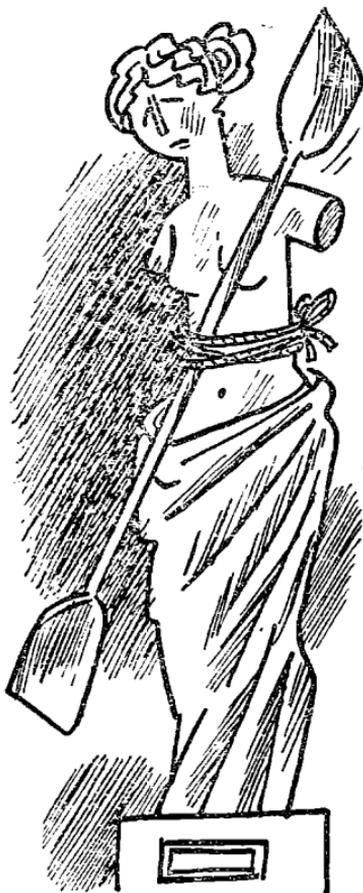
Покинул международную арену — и прямо в «Гастроном». Говорю:

— А мне в отличие от остальных — минеральной!

Думаю, хоть тут буду белой вороной! Так нет! Все, как я, тут же перешли на минеральную. «Экстрой» только запивают, чтоб «Ессентуками» не пахло!

Тут я плюнул окончательно. Понял: выделиться не удастся. Потому что все — как я. И жить так, конечно, трудно. Но, с другой стороны, если все — как я, значит, и я — как все! Значит, в случае чего так я что? Я ничего. Я — как все!

И жить так — легко!

Про древних греков, спасибо раскопкам, мы знаем: нормально жили. Лепили статуи, проводили олимпиады, сочиняли мифы. Все было тихо-мирно.

Вдруг появляется у них один умник и начинает приставать к остальным с таким вопросом: «Врет ли человек, который говорит, что он врёт?»

Ну, стали соображать: «Значит, если он врёт, что он врёт, значит, не врёт, а говорит правду. Но если он говорит правду, значит, не врёт, что врёт. А как же он врёт, когда говорит правду?!»

В общем, на этом деле они в конце концов все свихнулись, и осталась от них только статуя Венеры, и та без рук.

А сами виноваты! Потому что ответить тому умнику было очень просто: взять и сделать ему тем-

ную. Потому что вовсе не в том дело: врет — не врет. А дело в том, кто врет и что врет. И чтобы при этом был принцип взаимности. Скажем, ты нам чуток приврал — и мы тебе слегка загнули. Ты усилил дозу — и у нас фантазия заработала.

Главное, всем участникам отклоняться от истины в одном направлении и с одной скоростью, чтоб не терять общих ориентиров. А для этого — изучать наш могучий язык, добиваясь единого понимания.

А то как бывает? Одному скажут: «Кое-где еще порой...» А он это так понимает, что действительно только порой и только кое-где.

Или скажешь другому: надо, мол, еще более повысить, а тот так воспринимает, что, значит, больше некуда снижать.

Конечно, все не так просто, потому что у каждого свои условия, специфические.

Скажем, если ты стрелочник, тебе и соврать-то нечего — ну, только что трезвый был, когда эту стрелку переводил.

А начальник станции — ему куда трудней! Ему одновременно объяснить надо, и почему состав чуть не гробанулся и что это не стрелочник виноват, а пассажиры. А тут еще эти раздражают, которые все лезут со своими принципами. «Надо честно!.. Надо прямо! Надо своими именами!..» Ну, успокаиваешь его по-хорошему: мол, не один ты умный, мы все знаем, что и как, просто идет легкая зашифровка, чтоб не догадались завистники.

Не все понимаешь — купи словарь Даля, ищи нужные толкования. А то послушать тебя — все врут, один ты не врешь. А знаешь, какой вопрос напрашивается? «А не врет ли человек, который говорит, что все врут?»

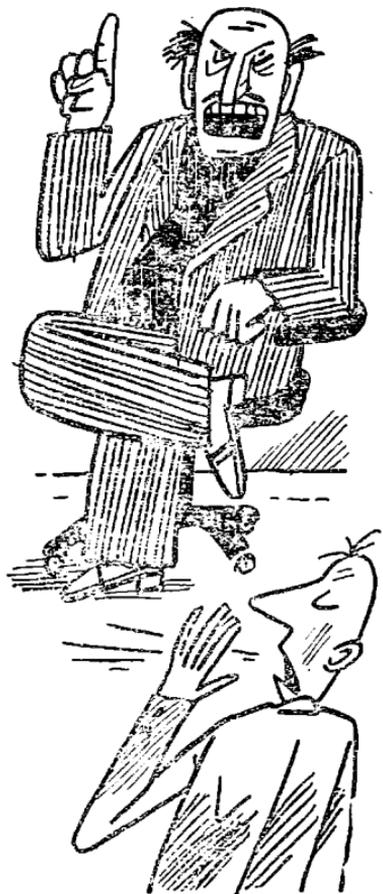
И ты учти, мы не греки! Они от этих глупостей вон вымерли, а нам жить охота.

И чтоб после нас не одна Венера безрукая, а чтоб в каждом парке — кто с веслом, кто с ядром, кто с книжкой интересной. Чтоб тем, кто нас раскопает, было что почитать.

А будешь морочить нам голову — смотри, сделаем темную.

РЕПЕТИЦИЯ

(Зарисовка с натуры)

Режиссер. Так. Ну, давайте начнем. Прошлый раз мы с вами продвинулись, сегодня закрепим, да?

Актер. Да.

Режиссер. Значит, с самого начала, да? В хорошем настроении. Соберитесь. Давайте.

Актер.

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог...

Режиссер. Стоп. Так, очень хорошо. Очень хорошо, но надо чуточку уточнить. Вот вы читаете: «...и лучше выдумать не мог». Вы это читаете так, что я могу понять, что он лучше просто не мог выдумать. А ведь он не просто не мог. Он мог, но не хотел! В этом же вся его трагедия, как дяди! Что там было выдумывать, когда он уже занемог? Поняли мою мысль? Давайте!

Актёр.

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше...

Режиссер. Стоп! Стоп! Вот здесь. Давайте подумаем: может быть, то, что он уважать заставил, это как-то более иронично? Вот думайте вместе со мной! Думаете? Хорошо. Ирония в чем? В том, что дядя-то вроде совсем уже занемог, так? Занемог, занедужил, захворал... Сам хворает, а уважения требует! Тонко, да? Поэтому и читать это надо тоже тонко, так, чтобы точки побежали не от вас к зрителям, а в обратном направлении! Ясно, да? Давайте.

Актёр. Мой дядя самых честных пра...

Режиссер. Стоп! Вот! Вот сейчас я понял! Вы тоже поняли, да? Мы же читаем как? Мы читаем впрямую — «мой дядя». Тут может возникнуть ощущение, что это наш с вами дядя! Это получается лобово! А у автора тут что заложено? У него заложено, что дядя — это, может быть, вовсе и не дядя! То есть дядя, но совсем не мой! Понимаете? Тут надо брать более общо! Обобщите мне дядю... Может быть, бровью как-то повести! Нет, лучше левой — это тоньше! Давайте!

Актёр. Мой дядя самых чест...

Режиссер. Ага! Чувствуете? Уже гораздо ближе! Но не к тому! Потому что сейчас вы мне что делаете? Вы мне сопоставляете! А надо противопоставлять! Разницу чувствуете? Надо, чтоб я вдруг ощутил: вон дядя... Он где-то там, далеко... Он там, а мы как бы кричим ему: «Ого-го-го-го! Дя-дя-я!..» Понимаете? Тогда тут возникает конфликт между вами и дядей! Причем это контраст тонкий! Не так чтоб уж

прямо черно-белое... А так — сине-зеленое где-то...
Понимаете? Давайте.

Актер. Мой...

Режиссер. Хорошо!

Актер. ...дядя...

Режиссер. Хорошо!

Актер. ...самых...

Режиссер. Стоп. Хорошо. Но уже лучше. Тут вы меня где-то уже зацепили. Но я вам скажу, чего тут еще нет. Тут у нас еще нет вас. Дядя уже где-то есть! А где вы? Я же должен видеть дядю через вас. Понимаете? То есть видеть вас с вашим отношением к не вашему дяде! Который как бы занемог и заставил уважать... и как там дальше у автора... У вас такой вид, как будто вы где-то не понимаете?

Актер. Где-то да...

Режиссер. Вот!!! Вот наконец! Вот же главное! Ведь когда есть понимание, тогда нет чего? Нет искусства! Понимаете? В искусстве надо где-то не-до-понимать! То есть понимать, но не до конца! Чтоб оставалось еще место! Тут главное — чувство меры, то есть насколько именно мы сегодня должны недопонимать! Как только вы это схватите, у вас все возникнет! Нет, определенно мы сделали шаг, мы продвинулись, мы сегодня тронулись где-то, да?

Актер. Где-то да...

Режиссер. Да-да, хорошо. Тут, конечно, предстоит еще поработать с автором, — текст пока сыроват... Но не все сразу. В искусстве нельзя спешить!..

СТРАШНОЕ ДЕЛО

(Детективный экстрат)

1

На записке было написано: «Получай из-за угла, гадюка!» Записка была приколотая ножом. На конце лезвия что-то темнело. Осмотрев нож внимательно, следователь Черненко догадался, что это труп. Экспертиза установила, что при жизни труп был мужским телом без определенных занятий. Рядом лежали еще два тела. Но расследование показало, что они были живыми, просто в тот день им выдали аванс.

Да, непростое выдалось дело.

2

Хорошо в городском парке в мае! Распускаются цветы, листья, девушки!.. По пруду скользят лодки с дружинниками. Но следователя Петра Черненко

не радовали сегодня ни весеннее солнце, ни журнал «Крокодил». Черненко задумчиво сидел на свежеекрашенной скамейке. «Велика роль случайностей в нашей работе,— размышлял он.— Вот будь я хоть чуть-чуть умнее...»

Оборвалась еще одна ниточка.

3

— Начнем совещание, товарищи! — сказал руководитель группы Епифанов, не спавший вторые сутки.— Что у тебя, Петя?

— Есть мысли! — соврал Черненко.

— Молодец! — одобрил Епифанов.— И я с этого начинал.

Черненко покраснел от похвалы.

— А что у вас? — спросил Епифанов высокую, стройную, синеокую, кареглазую, молодую, но уже опытную, на которую все заглядывались, но совершенно напрасно, Беляеву.

— Плохо,— сказала Беляева.— Группа крови не совпадает.

— С чем не совпадает? — спросил Черненко.

— Ни с чем! — сказала Беляева.

— Так,— сказал не спавший четвертые сутки Епифанов,— запутанный клубок получается...

4

В 5 часов 30 минут в районе 46-го километра пустынного шоссе остановился автомобиль «Москвич», номер которого заметить не удалось. Из машины выскочил человек и, воровато озираясь, направился к придорожным кустам. Через минугу он вернулся, сел за руль, и машина умчалась в неизвестном направлении...

Матерый отброс нашего общества Сидорчук, чтобы заглушить запах перегара, выпил бутылку водки. Затем стал поспешно уничтожать улики — отпечатки пальцев, нож и сожительницу Маньку.

Люто ненавидел Сидорчук нашу жизнь. Милицию ненавидел. Скрипачей ненавидел. Читать не любил. Писал только в лифтах. По почерку его и нашли.

— Что ни говори, а шеф — мужик что надо! — сказал Черненко.

— Знаю! — уверенно сказала Беляева.

Вошел Епифанов.

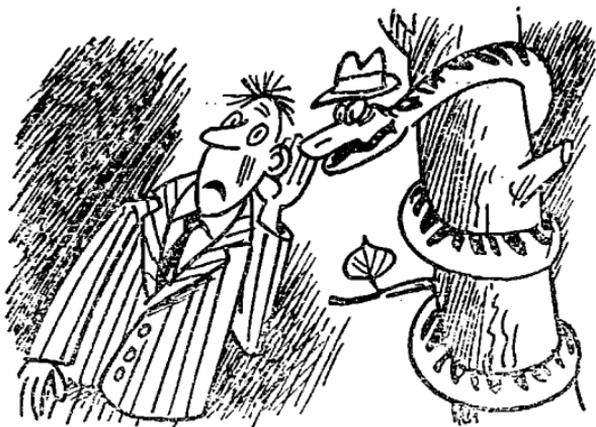
— Улик у нас хватает, чтоб доказать все, что нужно, — сказал он. — Теперь главное — выяснить: что нужно доказать?

И не славший третью неделю Епифанов пошел в кабинет начальника отдела, не евшего второй год...

СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Кого раньше уважали в компании?

Богатого, умного, веселого.

А сегодня?

Богатого от умного не отличить, и веселые все одинаковы: все магазины — до семи...

Нет, сегодня, чтоб тебя в компании уважали, надо одно — быть информированным.

Ведь оперативность информации — это что? Это время, за которое нездоровый слух приобретает форму официального сообщения.

Ну а газеты — они, конечно, не всегда поспевают. И правильно, — им же надо факты проверить, чтоб все точно было, без ошибок. А вот у нас в доме есть один — так он сведения хстя и без проверки дает, зато на два дня раньше.

Помню, прибегает, кричит: «Мужики! Повышение будет на сапоги резиновые, полученные методом непрерывного литья!»

Ну, мы, ясное дело, всем микрорайоном рванули — обувной магазин за две пятилетки план выполнил. А на завтра в газете опровержение. Но опровержение-то я прочел, когда дома у меня уже запах стоял, как на заводе «Вулкан»...

Так что лично я больше всего доверяю киножурналам. Не будь журнала — в кино вообще делать нечего. А так сидишь, мороженым хрумкаешь, заодно получаешь информацию.

Особенно люблю, когда «Иностранная кинохроника». Смотришь — ага, в Англии опять крушение поезда. Так. В Италии загрязняют водоемы. Под музыку Скрябина. В Швеции — марш протеста. Только что это они там протестуют все без пальто? Декабрь же!

А без пальто шведы потому, что, пока пленку сушили, пока в кинотеатр привезли, как раз полгода и прошло. Так что информация, конечно, чуток лежалая, но в смысле надежности — на все сто!..

Ну, когда еще зимой лето показывают — ладно. Можно расценить как воспоминания о будущем.

А тут как-то я на спортивный киножурнал попал. Ну, сперва наши с чехами, потом Роднина с Зайцевым, потом Карпов с претендентом — все нормально. Потом лыжню показывают. Смотрим, дебютант стал чемпионом. Только всем залом хотели обрадоваться, один говорит:

— Это что ж, он уже двукратный, что ли?

Я говорю:

— Почему двукратный? Сказали же — дебютант!

— Какой, — кричит, — дебютант? Я еще год назад его видел! Я сам там был! Вот гляди, он сейчас сморкнуться должен!

И точно, смотрим, тот, на экране, деликатно так нос очистил. Пригляделись получше — все на экране верно: и место действия, и лица. Одно нехорошо: у

них там еще семьдесят восьмой, а у нас тут уже семьдесят девятый...

Ну, с другой-то стороны, правильно, нечего суетиться. Главное в конце концов достоверность, а спешить некуда. Вот сейчас как раз всеобщий поход идет — за экономию. И я предлагаю: вместо всех этих разных киножурналов сделать один раз и навсегда — под мороженое.

Ну а уж если тебе позарез нужна оперативная информация, приходи к нам, мы тебя с этим познакомим, из нашего дома. От него все узнаешь.

Конечно, информация у него бывает чуток нечистая, так она ведь у него не из первых рук, а из десятых.

И руки те, возможно, не совсем стерильные. Ну что делать! Зато работают куда быстрее...

ВЕРИШЬ — НЕ ВЕРИШЬ

Уже мало кто сомневается, верно ли он поступает, сохраняя верность. Мало кто сомневается, а многие даже сохраняют.

Остальные, правда, тоже ничего такого не делают. Что ты вообще можешь сделать, когда все зависит от нее? Ты-то готов на любой вариант, лишь бы она не питала иллюзий и жила, чтоб недалеко провожать. Лучше всего, конечно, если у нее отдельная. Но можно и коммунальную, если мало соседей.

Хотя выбора у тебя фактически нет,— выбирают они!

Конечно, каждый мечтает о высокой блондинке из системы общественного питания. Но эти, как правило, предпочитают брюнетов дальнего плавания. А остальные уже достаются кому попало, так что в случае чего — извини.

Но в конце концов дело не во внешности. Главное — это наличие общих интересов. И тут могут быть нюансы. Например, если она незамужем — хорошо. Достаточно того, что ты женат. Если она замужем — тоже хорошо. Это сближает на почве взаимного сострадания. Если, наоборот, у нее муж, а ты — вольный, еще лучше! Значит, он подлец, а ты — не виноват!

В любом случае потом не надо никаких угрызений, самобичеваний и слов типа «измена». Во-первых, что ты там изменил? А во-вторых, это просто совмещение без отрыва, чтоб ощутить контраст. Потому что если твоя тебя совершенно не понимает, то эта, напротив, и понимать не хочет.

Главное — не бояться разоблачений. Бойся не бойся, все равно разоблачат. Даже если ты сидишь на диете, и у тебя сердце, и ни о чем таком даже подумать не можешь без болей в пояснице — все равно. Все равно найдутся свидетели, которые видели тебя с ней в ресторане, и вы оба хлестали коньяк, причем она — с голой спиной.

Это настолько чудовищная клевета, что смешно даже оправдываться. Тем более что она была не с голой спиной, а в кофточке...

Ну, а если уж твоей все стало известно, перед ней надо поставить вопрос ребром: верит она тебе или не верит?

Если скажет «не верю», значит, она умней, чем ты думал, и надо помалкивать. А если скажет «верю», тогда вообще о чем разговор?

...И так ты рассуждаешь, и так действуешь.

Но время идет.

И вот тебя все больше выбирают не те, кто хочется, а те, кто не может выбрать что-нибудь получше.

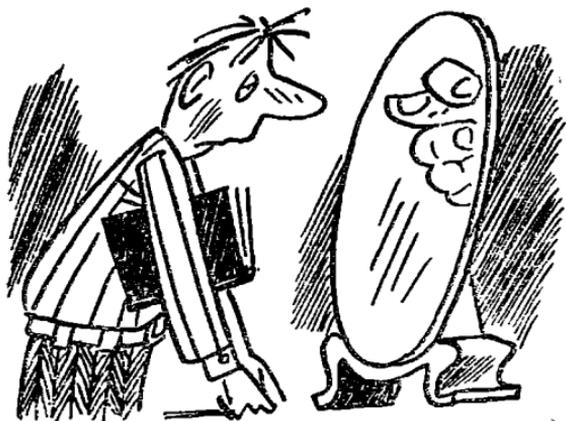
Потому что с течением времени у тебя улучшается вкус, но выпадают волосы...

И наступает момент, когда тебя перестанут выбирать вообще.

И тогда останется одно — бегом бежать туда, откуда до этого все время убегал.

И дай бог, чтоб тебя там еще кто-то ждал.

Или хотя бы чуть раньше тебя вернулся.

ЛУЧШИЙ СПОСОБ

Интеллигенция у нас всегда пользовалась большим уважением. А сегодня это уважение особенно велико, потому что такого количества интеллигентов у нас еще не было.

Но пообщаться с настоящим интеллигентом непросто. Потому что, хотя прослойка сильно разбухла, она почти без осадка растворилась в окружающей среде.

Еще недавно все было ясно с первого взгляда. Надел шляпу — интеллигент. Сморкается в рукав — интеллигент. Надел шляпу, но сморкается — интеллигент в первом поколении.

А сегодня — то ли шляпы из моды вышли, то ли носовой платок стал общедоступен — по одежке уже не определить. Потому что если по одежке, то самая интеллигенция — это кто крутится у комиссионки.

То есть внешность ничего не дает, надо брать внутренность. Вот по статистике у нас каждый четвертый

учится. Значит, выходишь на улицу и считаешь прохожих: первый, второй, третий. Четвертый — интеллигент. Способ хорош, хотя неясно, с кого начинать счет. Ошибешься — интеллигент проскочит, скажем вторым, а четвертым пойдет кто-нибудь из знакомых...

Другой вариант — засечь интеллигента по красоте речи. Прежде было ясно: если человек не употребляет слов — значит, интеллигент. Теперь, если не употребляет — значит, не интеллигент, а иностранец, у нас недавно.

Еще был способ — книги! Скажем, если когда-то в голодный год человек менял Пушкина на сало, это, конечно, был не настоящий интеллигент. А теперь как определить? Голода нет, Пушкина на сало никто не меняет, только на Пикуля...

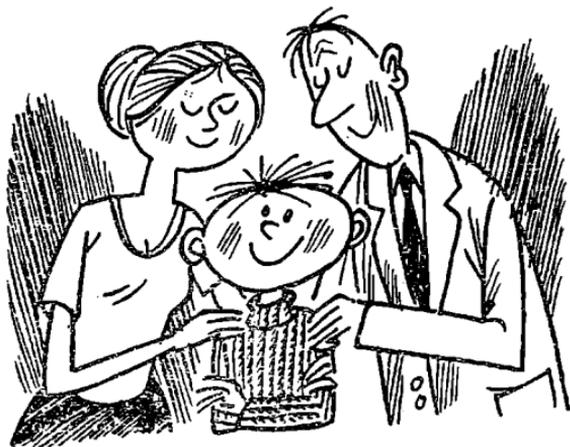
Кстати, литература! Вот у Толстого, у Чехова — у всех интеллигенты постоянно терзались, мучились угрызениями совести, и это сразу бросалось в глаза. Но тогда их было мало. А если сегодня каждый четвертый начнет мучиться совестью, кто же будет работать?

Или вот еще есть предание, что интеллигент прямо-таки не мог кривить душой. Вот все, что думал о человеке, говорил тому прямо в лицо. И теперь тоже многие говорят в лицо. Но уже необязательно, что думают. И не всегда тому человеку...

Ну, там есть еще мелкие приметы — скромность, вежливость, отзывчивость. Но сейчас это не только у интеллигенции, это у всех — в характеристиках.

И вот так переберешь все способы и видишь, что полной гарантии нет. А пообщаться с настоящим интеллигентом хочется!

И остается один выход — подойти к зеркалу. Оно не обманет.

ИСТИНА

Мужчины выясняли: что такое женщина?

Первый сказал:

— Женщина — это... Да при одном этом слове мужчина должен встать!

— Сиди ты! — сказал второй. — Они и так дольше живут...

— Женщина, — сказал третий, — это глаза, губы, волосы!..

— Да, — вздохнул четвертый. — Повезло тебе...

— Подождите, — сказал десятый. — Я где-то читал, что женщина — это вроде как гений чистой красоты!

— Точно, — подтвердил двадцатый. — Сам так в жизни не постираешь!

— А по-моему, — сказал еще один, — женщина — это встреча! Мы встречаемся, влюбляемся, женимся...

— Не надо путать, — сказал другой. — Влюбляемся в одну, женимся на другой, а встречаемся с остальными...

— Так,— сказал последний.— Ну и что же мы получили в итоге?

И стало тихо. И в тишине стало слышно, как женщины выясняют: что такое мужчина?

— По-моему,— сказала первая,— мужчина — это мой муж.

— Правильно,— сказала вторая.

— Только не надо пошлостей,— сказала третья.— Мужчина — прежде всего это сильный дух!

— Не говори! — подхватила четвертая.— Дух от него!.. Особенно по субботам!..

— Что такое мужчина, не знаю,— вздохнула какая-то.— Он у меня из интеллигентов...

— А мне все равно! — сказала другая.— Лишь бы расписался!

— Девочки, все просто,— сказала еще одна.— Мужчина — это бывшая женщина, у которой от безделья произошла перестройка организма...

— Да нет,— сказала последняя.— Мужчина — это... Ну, в общем, это когда сперва ему ничего такого не позволяешь... А потом вдруг — раз! — и появляется ребенок...

В этот момент появился ребенок и сказал:

— Женщина — это Мама! А мужчина — Папа! А вы все — дураки.

И он был прав.

ВЕК ДЕТЕЙ

Век атома, век космоса, век сердечно-сосудистых... А главное — век скоростей и ускорений. В прошлом все текло и мало что менялось. Теперь все меняется, но не течет, а мчится и несется вскачь.

Предки тихо рождались, неторопливо женились, незаметно заводили двенадцать детей, писали друг другу длиннющие письма и долго доживали свой короткий век.

Наш век вдвое длиннее, но доживают втрое быстрее. О переписке смешно говорить: если кто и нацарапает новогоднюю открытку, так потом надо нести руку на УВЧ. А двенадцать детей можно завести, только если мобилизовать двадцать четыре родителя.

Зато какие детишки пошли.

Они с такой скоростью набирают мускульную силу и наливаются сексуальной мощью... Ботинки, которые утром были велики, к обеду жмут. Девочек ростом меньше ста семидесяти дразнят дюймовочками.

Короче, в тринадцать лет он уже может сделать вас бабушкой, в двадцать пять стать дедушкой и к тридцати закончить школу.

Счастливое детство становится все счастливее, потому что длится все дольше и скоро уже достигнет средней продолжительности жизни.

А Пушкин прожил всего тридцать семь. Лермонтов — двадцать семь. Эйнштейну и двадцати пяти-то не было, когда он понял, что все относительно. Он был прав: все относительно. Потому что сегодня-то ему сорок, а он еще молодой специалист. Ему шестьдесят — он еще набирается опыта. Ему девяносто — у него еще все впереди, вечная ему память!..

И вот в газете все дискутируют, как с этим быть — то ли уменьшить в школе нагрузку, то ли дожать детей до конца. Два профессора чуть не подрались — один говорит: надо им больше давать математики. Другой говорит: ерунда, не больше, а гораздо больше. Потому что в детстве мозг все лучше впитывает, и не надо терять времени.

И времени стараются не терять. Проводят олимпиады, выявляют юные дарования и выращивают двадцатилетних докторов. И они выводят такие формулы, которыми гордится вся страна, хотя не вся понимает. И это прекрасно.

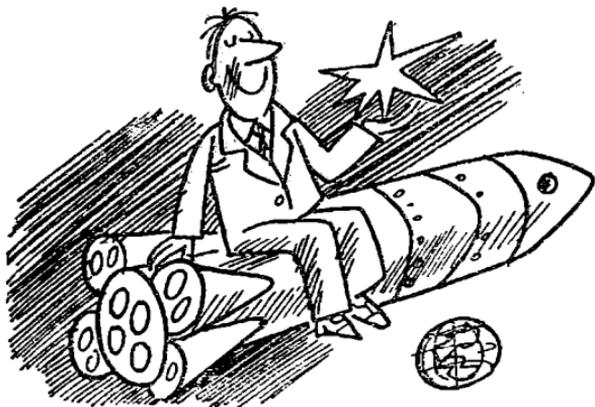
Но что-то слишком часто стали попадаться другие детишки, у которых формулы гораздо проще. Все, что они усвоили, — это что на вопрос: «Как живешь?» — надо отвечать: «Сколько имеешь».

А кругозор и сила чувств, какие Пушкину и не снились! Тот, бывало, плакал над книжкой. А эти не плачут. Ведь для того чтобы плакать над книжкой, ее надо сначала открыть.

Ну, отсюда и большая внутренняя культура. Скажешь ему: «Уступи тете место!», а он вежливо отвечает: «На кладбище!..»

Вот, говорят, рождаемость все меньше и меньше. Может быть. Но чем старше становишься, тем детей вокруг все больше и больше. А потом, кроме них, тут вообще никого не останется.

Есть смысл подумать о будущем, имея в виду, что плотно набитый мозг — опасная вещь, если сочетается с пустым сердцем...

О СЧАСТЬЕ

Счастье — это когда все, что захочешь! Но чтоб при этом еще оставалось, чего хотеть.

Это так ясно, что хочется всем объяснить, но как объяснить, если одному для счастья надо дать одно, другому — другое, а третьему вообще давать ничего не надо, а, наоборот, надо отнять...

Может, счастье — это все чувствовать, и все знать, и всему этому радоваться, а потом вдруг выяснить, как все на самом деле, и чтоб это не повлияло!

А может, это когда вокруг только твои товарищи, а остальные — друзья! Но при этом чтоб один из них — настоящий. Который, в случае чего, всегда! А если что, то никогда!

И чтоб с улыбкой, с песней, засучив рукава, преобразовать! Снести старое, на его место поставить новое, а потом снести новое, а на его место поставить такое, в котором можно жить!

И жить долго! Чтоб все на свете повидать, кроме нового телефильма, и везде побывать: в тундре, в тропиках, рвануть в Австралию, оттуда бумерангом назад, в Европу, а тут уже все подружились и ходят друг к другу в гости на военные учения! А потом на все плюнуть и сделаться абхазским долгожителем, чтоб дотянуть до пятидесяти!..

А какое счастье — учиться! Сегодня учиться этому, завтра от этого отучаться и учиться другому, а когда поймешь, что так ничему научиться и не смог, тогда учить других, и тоже бесплатно!

Потому что не в деньгах счастье. Если честно... Если честно, счастье — в книгах! То есть чтоб все книги, какие не достать, достать и, несмотря на это, все-таки прочесть!

А еще — выучить языки! Все языки, чтоб непринужденно, без словаря, на любом языке читать и переводить «Москоу ньюс»!

Потому что счастье — это разбираться самому! Во всем! Во всем разбираться, как «Литературная газета», вплоть до литературы! И знать мир искусства, причем не только кто с кем живет, но и почему!..

Но все же счастья нет, если нет женщины... Такой, чтоб посмотреть — и с первого взгляда. На всю жизнь. И чтоб так — с каждой... Любить их всех за то, что они такие, потом за то, что не такие, потом за то, что не за что... Весной и осенью. И особенно зимой. Когда склон длинный, а снег мягкий. А она на тебя чтоб сверху полетела... А потом тащить ее лыжи навверх пешком, потому что подъемник сломали, починят к лету...

Настоящее-то счастье — летом! Когда песок горячий, а арбуз холодный. А потом — босиком шагать по росе! Не разбирая дороги, босиком шагать напрямк и выйти к людям, и они пойдут с тобой, прямо к травматологическому пункту.

А в целом счастье — это уметь в нужное время быть в нужном месте и делать что нужно. Пожар! Оказаться рядом, вынести из огня что нужно — и уйти, не назвав себя. И так, не называя себя, спасти все, что нужно, от кого нужно, пока не поймешь, что самого уже ничего не спасет. И тогда назвать себя. Чтобы тебя посмертно зачислили в бригаду, выполняя за тебя норму. И хорошо бы при этом остаться в живых!

Чтоб испытать еще высшее счастье — счастье высоты! Чтобы взлететь и разом увидеть все, даже за горизонтом! Как кто-то варит сталь, а кто-то — суп, и ведет проходку скважин, нефтяных и газовых, а у замочных скважин — свои первопроходцы, и черт с ними!..

И увидеть, какие все маленькие, а тебя не видно вообще... Но они не маленькие, а большие, и ты не меньше других! И каждому хочется, чтоб сбылось все, что хочется. Пусть не сегодня, не завтра — лишь бы сбылось. Чтоб каждый мог объяснить остальным, что такое счастье. А объяснять тогда будет не нужно, все будет понятно и так...

ИЛИ—ИЛИ

Мне говорят:

— Вы там будете выступать с вашим юмором, так вы смотрите.

Я говорю:

— То есть?

Они говорят:

— Ну, чтоб ничего такого, понимаете?

Я говорю:

— Так, может, вообще не надо?

Они говорят:

— Нет, что-то остроумное нужно, это украшает, но чтоб ничего такого... Что вы, сами не понимаете?

Всегда, когда не могут объяснить, говорят: «Сами понимаете».

Я не понимаю, но ориентируюсь на интонацию. Если просят остроумного, значит, чтоб было не очень остро и не слишком умно. Что-то вроде «Кабачка 13 стульев»...

Они говорят:

— Давайте что-нибудь пошумнее, на любую тему! Только вот ничего не надо про пьянство. Хватит. Во-первых, у нас еще есть, которые не пьют. А во-вторых, там будет начальник АХО, он может принять на свой счет. Особенно если до этого уже принял.. А так — пожалуйста, на любую тему. Кроме, конечно, воровства. Во-первых, у нас еще далеко не все.. Многим просто нечего. А остальным еще носить и носить. А так — что хотите! Конечно, за исключением хамства на железной дороге. Во-первых, одна проводница уже неделю не хамит, у нее сел голос, а остальные празднуют День железнодорожника, не надо их обижать. Но остальное все можно. Вы поймите, главное, чтоб никого не задеть, не подцепить и не обидеть. Например, если в зале сидят люди из горздрава — ни слова о квалификации молодых врачей! Не дай бог!.. Собрались работники кино — не надо сравнивать то, что снимают они, с тем, что видим мы. Пришли товарищи из столовой — будьте выше! Не вспоминайте про те биточки, — в конце концов вы ж поправились! Если в зале милиция — лучше всего вообще исполнить «Песню без слов»... Скажешь то — обидятся эти. Скажешь это — обидятся те!.. Одним словом, вы должны понимать!..

И я понимаю. Я понимаю, что, если постараться, можно не обидеть ни тех и ни этих...

Но я также понимаю, что тогда обидится тот, кто обижается, когда слышит вранье.

Обидится — и не простит.

КОГДА РУБЯТ СУК, НА КОТОРОМ СИДЯТ

Сатира — жанр трудный. Хотя бы потому, что ее любят все, кроме тех, против кого она направлена.

Сатира должна быть злободневной: глупо смеяться над тем, что уже ушло в прошлое. Сатира должна быть заинтересованной, иначе это не сатира, а брюзжание. Наконец, сатира должна быть смешной, иначе она рискует превратиться в милицейский протокол.

Михаил Мишин, в свете сказанного, — сатирик. У него острый глаз, чуткое ухо и твердая рука. Он пишет по-настоящему зло, но при этом не злобно. Читать его легко, но это легкость особого рода — легкость свободы от фальши. Как настоящий сатирик, Мишин «рубит сук, на котором сидит», ибо хочет, чтобы объекты его сатиры исчезли из нашей жизни.

Иногда говорят, что сатирики во всем видят только плохое. Все как раз наоборот: сатирик всегда знает, что такое хорошо, и, стремясь к этому хорошему, не может пройти мимо плохого.

Я бы не стал приклеивать к Мишину ярлычки: «писатель-сатирик», «писатель-юморист». В таких определениях есть некая узость. Мы ведь не говорим:

«писатель-грустист» или «писатель-плакальщик». Каждый писатель говорит о жизни с помощью отпущенных ему средств и возможностей. При этом для Мишина смех нигде не является самоцелью. А если мы смеемся, читая его произведения, тем лучше для него и для нас. К тому же вовсе не все рассказы Мишина вызывают смех, иногда они просто грустны. Но они всегда заставляют задуматься, не оставляют равнодушным.

В свое время, прочитав книгу Михаила Мишина «Шел по улице троллейбус», Лев Успенский сказал: «Отличная маленькая книга. Побольше бы нам таких».

Я думаю, «Пауза в мажоре» тоже найдет отклик среди читателей.

ЕВГЕНИЙ ДУБРОВИН,
главный редактор журнала
«Крокодил»

ПРО ЦВЕТОЧКИ

Впечатление	5
Золотая пуговица	9
Заботы Сергея Антоневича	17
Неизвестный сотрудник	23
Появился Сидоров	27
Про цветочки	33
Скрепки	45
Шел по улице троллейбус	51
История	55
Превращения Шляпникова	58
Кресло № 13	63
Не может быть (Фантастика)	68
Везучая	77
Любители	81
Ступеньки	85
Случайные встречи	88
Сплошной Лелюш	91
Экскурсант	95
Голос	101
Десять десятых	106
Счастливый	112

ЛЮДИ С ПОНЯТИЕМ

Сто тысяч лундоров	118
Симптомы	119
Нужная специальность	122
Древняя игра	124
Заков сосудов	126
Кстати о птицах	129
Экология	132

ЛОГИКА

Серое вещество	137
Логика	141
Я — спокоен	143
Какое ваше мнение?	145
Несмышлениш	152
Я — как все	155
Греческие мифы	158
Репетиция (Зарисовка с натуры) .	161
Страшное дело (Детективный эк- тракт)	164

СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ

Информация к размышлению. . .	169
Верить — не верить	172
Лучший способ	175
Истина	177
Век детей	179
О счастье	182
Или — или	185

Евгений Дубровин. Когда рубят сук, за которым сидят	187
--	-----

Мишин М.
М71 Пауза в мажоре. — Л.: Лениздат, 1981. —
192 с., ил.

Известный ленинградский писатель-сатирик Мих. Мишин в своей новой книге заостряет внимание на тех отрицательных явлениях нашей действительности, которые мешают обществу жить и двигаться вперед.

Многие рассказы этой книги были опубликованы, исполнялись по радио и телевидению, звучали со сцены.

М 70302 4702010200 — 293 без объявл.
М171(03) — 81

84.3(2)7

МИХАИЛ АНАТОЛЬЕВИЧ МИШИН

пауза в мажоре

Редактор Б. Г. Друян
Художественный редактор А. К. Тимошевский
Технический редактор В. И. Демьяненко
Корректор Н. Г. Ковенская

ИБ № 1672

Сдано в набор 21.01.81. Подписано к печати 17.04.81. М-13963. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарн. школьная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,40. Уч.-изд. л. 7,29. Тираж 150 000 экз. Заказ № 586. Цена 60 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

МИШИН Михаил Анатольевич родился в 1947 году. По образованию инженер-электрик. С 1969 года печатается в литературных журналах, в коллективных сборниках («Короткометражки», «Оживление в зале» и др.). Рассказы Мишина исполняются по радио и телевидению. В 1976 году в Лениздате вышла его книга рассказов «Шел по улице троллейбус». Много работает для Ленинградского театра миниатюр под руководством Аркадия Райкина. Лауреат премии «Золотой теленок» «Литературной газеты». Член Союза писателей СССР.

60 коп.

